Операция 'Б'

Юрий Александрович Виноградов

SHOUT
SHARE
IT

- Виноградов Юрий Александрович

Виноградов Юрий Александрович Операция 'Б'

Виноградов Юрий Александрович
Операция "Б"

Аннотация издательства: Автор воскрешает одну из малоизвестных страниц войны - бомбардировки столицы фашистской Германии в августе - сентябре 1941 года. В самые тяжкие для нашей Родины дни дерзкие налеты на Берлин осуществляли морские летчики 1-го минно-торпедного полка под командованием полковника Е. Н. Преображенского. Для массового читателя.

С о д е р ж а н и е

Первый минно-торпедный
В ответ на бомбардировку Москвы
"Операция Б"
Аэродром Кагул
Хуторской вариант
Пробный полет
Второе рождение
Даешь Берлин!
Первый налет на Берлин
Второй налет на Берлин
Пополнение
Третий налет на Берлин
Четвертый налет на Берлин
Особое задание
Пятый налет на Берлин
Нападение
Шестой налет на Берлин
Неудачный эксперимент
Седьмой налет на Берлин
Вызов в Ставку
Неудавшийся налет
На пороховой бочке
Осложнение обстановки
Восьмой налет на Берлин
Девятый налет на Берлин
Прощальный круг
Послесловие

Первый минно-торпедный

За первые три недели войны на аэродром Беззаботное, где

базировалась 8-я бомбардировочная авиационная бригада Краснознаменного Балтийского флота, с инспекционными целями приезжали три флагманских специалиста штаба военно-воздушных сил флота. В неделю по человеку. Не много ли? Ведь в предвоенные годы подобные посещения осуществлялись раз в квартал, а то и реже. А тут зачастили штабисты из Москвы. И вот в заключение приехал сам командующий ВВС Военно-Морского Флота генерал-лейтенант авиации Жаворонков.

Командир авиабригады полковник Логинов пытался разгадать истинную причину внезапного появления Жаворонкова в Беззаботном, ведь просто так командующий не приедет. Значит, что-то его очень волнует, беспокоит. В первую очередь, видимо, большие потери, которые неоправданно несут полки авиабригады.

8-я бомбардировочная авиационная бригада с третьего дня войны начала активные боевые действия. Ранним утром 24 июня на выполнение первой боевой задачи - уничтожение немецкого морского десанта, обнаруженного в двадцати милях севернее Либавы, Логинов отправил в полном составе 1-й минно-торпедный авиационный полк, который повел заместитель командира полка капитан Федоров, и 57-й бомбардировочный авиаполк во главе с полковником Преображенским. К сожалению, разведданные оказались не точными, морской десант противника летчиками обнаружен не был, и тогда все 70 бомбардировщиков и торпедоносцев нанесли удар по запасной цели - порту Мемель, где базировались немецкие корабли. На аэродром не вернулись два самолета.

С 26 июня и до конца месяца авиабригада наносила бомбардировочные удары по аэродромам Финляндии, на которых базировались самолеты 5-го немецкого воздушного флота, бомбила пушечный завод в Турку, ставила ночью с воздуха мины на подходах к морским базам Хельсинки, Котка и Турку.

Особенно памятным был день 30 июня. Свыше ста самолетов авиабригады были направлены в район Даугавпилса с задачей разрушения переправы через Даугаву и уничтожение танков и живой силы противника, пытавшихся форсировать реку. В целом поставленная задача была выполнена, переправа через Даугаву разрушена, но очень дорогой ценой. Морским летчикам, проявившим хладнокровие, мужество и героизм, приходилось не столько бомбить боевые порядки войск противника, сколько отбиваться от наседавших со всех сторон немецких истребителей. Пятнадцать из них были сбиты воздушными стрелками. Потери же 8-й авиабригады были почти в три раза большими. Только 1-й минно-торпедный полк не досчитался тринадцати торпедоносцев.

В этом неравном воздушном бою морских бомбардировщиков с немецкими истребителями впервые был осуществлен двойной таран. Его произвел экипаж ДБ-3 младшего лейтенанта Петра Игашева. В схватке над рекой с тремя истребителями Ме-109, когда торпедоносец был подожжен перекрестными очередями, Игашев решительно бросил свой тяжелый самолет в пикирование, догнал зазевавшийся "мессершмитт" и правым винтом отсек хвост истребителя, который рухнул на землю. К этому времени пламя охватило уже весь ДБ-3, и младший лейтенант Игашев направил его в движущуюся колонну немецких танков.

В первой половине июля 8-я авиабригада в интересах Северо-Западного фронта наносила бомбовые удары по танковым и механизированным войскам противника в районе Луги, Осьмино, Кингисеппа, Гдова, озера Самро. И лишь 13 июля морские летчики наконец-то атаковали в Рижском заливе свою главную цель: конвой кораблей противника в составе сорока вымпелов, идущий с войсками, вооружением и боеприпасами из Лиепаи в Ригу. Шесть транспортов были потоплены и четыре повреждены.

Обо всем этом полковник Логинов подробно доложил командующему ВВС флота в первые же часы его пребывания в Беззаботном. Большие потери в самолетах и личном составе он объяснял полным отсутствием прикрытия истребителей при бомбовых ударах и выполнением дальними бомбардировщиками и торпедоносцами не свойственных их классу задач, в частности одиночных полетов на разведку в Балтийское море. К тому же начинала сказываться и чрезмерная, выше всяких установленных норм, эксплуатация самолетов, а также усталость экипажей, по три-четыре раза в день вылетавших на боевые задания. Жаворонков согласился с доводами командира авиабригады и пообещал обо всем переговорить в штабе Северо-Западного фронта, кому оперативно подчинялась морская авиация Балтфлота.

Об истинной цели приезда генерал-лейтенанта авиации Жаворонкова в Беззаботное никто в 8-й бомбардировочной авиабригаде даже не догадывался, не знали о ней и в штабе ВВС флота в Москве. Командующий намеревался лично подобрать наиболее боеспособный авиационный полк для выполнения в недалеком будущем стратегической задачи по уничтожению основных сил немецкого военно-морского флота на Балтийском море. На эту мысль его натолкнуло восторженное сообщение британского адмиралтейства о потоплении английской эскадрой 27 мая в Атлантике самого мощного линейного корабля фашистской Германии "Бисмарка". Жаворонков затребовал от военно-морского атташе СССР в Великобритании подробности

морского сражения, внимательно изучил весь ход операции с английской и немецкой сторон и пришел к выводу, что потопить линкор без участия морской авиации англичане ни за что бы не смогли...

Флагман немецкого военно-морского флота линкор "Бисмарк", пожалуй, самый мощный в мире корабль подобного класса, был спущен на воду всего лишь год назад. На нем стояло современное артиллерийское вооружение, при конструкции использовались все достижения мирового кораблестроения. Машины позволяли этой громаде развивать скорость в 30 узлов, почти равной скорости движения поезда свыше 55 километров в час. Экипаж насчитывал более 2200 матросов и офицеров. Предназначался "Бисмарк" для участия в операции "Рейнубунг" по прорыву английской блокады в Атлантике и, главное, для постоянного крейсерства на морских путях с задачей не допускать американские суда с грузами в Великобританию.

Командир линкора капитан 1 ранга Линдеман получил приказ от морского командования 18 мая выйти из Данцига в Северную Атлантику для выполнения операции "Рейнубунг". Сопровождать линкор было предписано быстроходному крейсеру "Принц Ойген". Общее руководство походом поручалось адмиралу Лютенсу, который поднял свой флаг на "Бисмарке". Адмирал, не мудрствуя лукаво, вместо того чтобы скрытно вывести корабли в Северное море по каналу кайзера Вильгельма, принял рискованное решение открыто выходить в Атлантику через проливы Каттегат и Скагеррак, используя свое превосходство в скорости. Ему было невдомек, что проливы с датского берега контролировались английской разведывательной службой. Тотчас британское адмиралтейство послало линкор "Принц Уэльсский" и крейсер "Худ" в погоню за вышедшими на просторы Северной Атлантики "Бисмарком" и "Принцем Ойгеном". Встреча состоялась 24 мая где-то между Исландией и Гренландией. Она ознаменовалась коротким боем: третьим залпом орудий главного калибра "Бисмарк" накрыл английский крейсер; один из бронебойных снарядов угодил в отсек с боеприпасами, и "Худ" быстро затонул. Лишь троим морякам из 1421 члена экипажа чудом удалось спастись. И самому "Бисмарку" не удалось увернуться от снарядов английского линкора "Принца Уэльсского". Он получил попадание на высоте ватерлинии рядом с топливным отсеком. Адмирал Лютенс изменил курс на оккупированную Францию, где намеревался устранить повреждение и снова вернуться в Атлантику. И тут только впервые из радиоперехвата он узнал, чти на английских кораблях установлены радиолокаторы, способные следить за "Бисмарком" в

любую погоду. Вторая весть была еще менее утешительна: армада английских кораблей в составе четырех линкоров, пяти тяжелых и десяти легких крейсеров и двадцати одного эсминца устремилась в погоню за "Бисмарком". К счастью, начавшийся шторм в Северной Атлантике помог немецкому линкору намного оторваться от преследователей и даже выйти из зоны действия радиолокаторов. Казалось, опасность миновала. На радостях адмирал Лютенс по радио связался с военно-морским штабом "Вест" во Франции и потребовал приготовить все необходимое для быстрого ремонта "Бисмарка". Оплошностью самоуверенного адмирала немедленно воспользовалась английская служба радиоперехвата, довольно точно определив координаты немецкого линкора. На этот раз британское адмиралтейство возлагало свою надежду лишь на морскую авиацию, способную если не утопить "Бисмарка", то хотя бы сбить его скорость. Вечером того же дня пятнадцать английских бипланов "Свордфиш" - "Рыба-меч" настигли немецкий линкор и сбросили торпеды, одна из которых угодила точно в рулевое устройство. "Бисмарк" стал совершенно не управляем, как заведенный, он кружился лишь по кругу, представляя из себя превосходную мишень. Подошедшая армада британских кораблей принялась расстреливать потерявшего маневренность ненавистного "Бисмарка". Английские моряки мстили за своих товарищей, утонувших на крейсере "Худ". Понимая безвыходность создавшегося положения, адмирал Лютенс передал в эфир прощальные слова, до слез растрогавшие Гитлера: "Корабль потерял маневренность. Мы будем драться до последнего снаряда. Да здравствует фюрер!"

Несмотря на сотни попаданий снарядов всех калибров, "Бисмарк" продолжал держаться на плаву. И лишь после того, как крейсер "Дорсетшир" всем правым бортом выпустил торпеды, немецкий линкор начал тонуть. В 10 часов 39 минут 27 мая 1941 года, как было записано в вахтенном журнале английского крейсера, "Бисмарк" исчез в пучине, унося с собой на дно океана 2106 членов экипажа. Сто пятнадцать немецких моряков, успевших спустить шлюпки, были подобраны английскими кораблями.

Возмездие состоялось. Радости англичан не было предела. Британское адмиралтейство с гордостью отпраздновало свою триумфальную победу на море.

А Гитлер объявил трехдневный траур по погибшим на "Бисмарке" офицерам и матросам, отдавшим жизни за великую Германию...

К удивлению Жаворонкова, британское адмиралтейство все

заслуги в операции по уничтожению немецкого линкора приписало своей могучей эскадре. А ведь если бы не решительные действия английской торпедоносной авиации, "Бисмарк" ушел бы во Францию и в будущем немало еще мог принести бед британскому флоту. За поражение в Атлантике Гитлер обязательно возьмет реванш на Балтике, где немецкий надводный военно-морской флот имеет полнейшее превосходство над советским. В своих северных базах на Балтийском море немцы держат наготове линейный крейсер "Тирпиц", тяжелый крейсер "Адмирал Шеер", легкие крейсера "Нюрнберг", "Кельн", "Эмден", "Лейпциг" и несколько десятков эсминцев и миноносцев. Кроме того, военно-морской флот Финляндии располагает двумя броненосцами береговой обороны "Ильмаринен" и "Вяйнемяйнен", не считая кораблей среднего класса. Противостоять им на первых порах может лишь незначительное количество советских подводных лодок, эффективность действий которых из-за удаления от военно-морских баз с каждым днем будет уменьшаться. Линкоры "Октябрьская революция" и "Марат", легкие крейсера "Максим Горький" и "Киров" не в счет; они закупорены минными полями на кронштадтском рейде и никогда больше не выйдут в Балтийское море. Вот тут-то и сыграет свою решающую роль морская торпедоносная авиация. А для начала надо иметь хотя бы авиаполк, способный нанести мощный удар торпедами по немецкой эскадре.

Таким авиационным полком Жаворонков не без основания считал 1-й минно-торпедный полк 8-й бомбардировочной авиационной бригады Краснознаменного Балтийского флота. Именно по его личной инициативе, после того как он в июле 1939 года возглавил ВВС Военно-Морского Флота, создавались минно-торпедные авиачасти. И уже через несколько месяцев была сформирована первая подобная авиачасть - 1-й минно-торпедный авиационный полк.

Морская авиация Краснознаменного Балтийского флота была наиболее подготовленной к боевым действиям, ибо сказывался опыт, полученный в зимней войне с Финляндией в 1939/40 годах. Всего ею было произведено свыше 16500 боевых вылетов, сброшены на военные объекты бомбы общим весом более 2600 тонн, на подходах к военно-морским базам поставлено 45 мин, уничтожено 65 финских самолетов. Потери же морской авиации Балтфлота составили 17 самолетов. Советское правительство высоко оценило боевые действия балтийских авиаторов. Три подразделения, в их числе и 3-я авиационная эскадрилья 1-го минно-торпедного полка, были награждены орденом Красного Знамени. Четырнадцать морских летчиков удостоены звания

Героя Советского Союза.

Больше всего времени Жаворонков проводил в 1-м минно-торпедном авиаполку, знакомился с командирами эскадрилий, летчиками, штурманами. Его особенно интересовали готовность экипажей к групповым полетам ночью и в плохую погоду, на малых высотах, умение производить высотное и низкое торпедометание. В целом командующий ВВС флота остался доволен авиаполком, особенно ему импонировали командиры эскадрилий капитаны Ефремов, Гречишников и Плоткин, флагманский штурман полка капитан Хохлов. Не удовлетворял его только сам командир полка, лишь за несколько дней до начала войны назначенный на эту должность. Летчик он был опытный, смелый и решительный, однако раньше никогда не летал на дальних бомбардировщиках Ил-4. На выполнение боевых заданий эскадрильи водил заместитель командира полка капитан Федоров. А для нанесения будущих торпедных ударов по фашистской эскадре в Балтийском море должен вести полк только сам командир. Таким командиром, по заключению Жаворонкова, мог бы стать полковник Преображенский, командовавший соседним, 57-м бомбардировочным авиационным полком. Преображенский проявил себя еще в финскую войну, за что был награжден орденом Ленина, да и сейчас он ежедневно водит свой полк на бомбардировку вражеских танковых колонн и моторизованных частей. Огромный опыт, смелость, знание обстановки, уверенность в своих действиях, авторитет командира всегда придают силы экипажам при выполнении боевых задач.

Полковник Логинов приготовился выслушать от командующего ВВС флота кучу замечаний по 1-му минно-торпедному полку, при этом вполне законных, и был немало удивлен, когда получил лишь одно приказание - заменить командира полка.

- С учетом особой специфики действия на море минно-торпедный полк должен возглавить полковник Преображенский,- сказал Жаворонков.

Логинов не возражал. Да и как было возражать, когда командующий прав. Командир обязан сам водить в бой своих подчиненных, особенно при торпедометании.

Жаль, конечно, отпускать Преображенского из 57-го бомбардировочного авиаполка, сработался он с личным составом. Хорошо хоть, что у него заместитель подготовлен к самостоятельной работе, сможет командовать полком.

Едва только самолет с командующим ВВС флота оторвался от взлетной полосы, Логинов поспешил в штаб и вызвал к телефону Преображенского.

- Полковник Преображенский, немедленно сдайте полк и быстро ко мне, в штаб бригады. За полчаса управитесь?

В трубке послышалось прерывистое дыхание.

- Вы что, не расслышали? - повысил голос Логинов.- Сдавайте полк и в штаб.

- За что же вы меня снимаете с полка, товарищ полковник? - раздался в трубке растерянный голос Преображенского.

- Это не телефонный разговор. Выполняйте приказ!

- Кто примет у меня полк?

- Ваш боевой заместитель...

Через сорок минут Преображенский вошел в кабинет командира авиабригады, глухо доложил:

- Товарищ полковник, ваше приказание выполнено. Пятьдесят седьмой бомбардировочный авиационный полк сдал заместителю...

- Вот и хорошо! - заулыбался Логинов.

- Чего тут хорошего? - нахмурился Преображенский.

- Ладно, хватит дуться, Евгений Николаевич,- произнес Логинов.- Не буду больше испытывать ваше терпение. Принимайте первый минно-торпедный!

- Почему такая поспешность в смене командиров полков? - удивился Преображенский.

- Это уже у генерала Жаворонкова спросите. В общем, таков приказ командующего.

- Есть, принимать первый минно-торпедный!

Логинов свободно вздохнул, предложил стул Преображенскому. В раздумье произнес:

- Сдается мне, командующий намеревается наш первый минно-торпедный полк использовать для особого задания. Попытался узнать - молчит. Скрытен генерал. Да и чего раньше времени карты раскрывать? Но мы-то с вами, дорогой Евгений Николаевич, догадываемся, к чему клонит командующий. К удару по фашистской эскадре, едва та появится в Балтийском море! Тут вам как мастеру высотного торпедометания и карты в руки. Так что еще будете благодарить генерала Жаворонкова за новое назначение!..

В ответ на бомбардировку Москвы

В ночь на 22 июля 1941 года небо над Москвой озарилось сотнями ярких огней. Бело-голубые лучи прожекторов, раскачиваясь из стороны в сторону и перекрещиваясь, наконец останавливались, поймав цель, и двигались затем медленно и плавно, стараясь не выпустить ее. На земле беспрестанно сверкали багряные всполохи от дружных залпов зенитных батарей, и в воздухе то тут, то там вспыхивали шапки от разрывов

снарядов. Теплый летний воздух сотрясался от грохота канонады.

Командующий военно-воздушными силами Военно-Морского Флота генерал-лейтенант авиации Жаворонков подошел к окну. Невдалеке, за соседними домами, разгоралось пламя начинающегося пожара.

В Москву Жаворонков прилетел из-под Ленинграда, с аэродрома Беззаботное, всего лишь за два часа до объявления воздушной тревоги. После утомительного полета надо бы отдохнуть, а тут вот налет фашистской авиации на Москву первый массированный налет за месяц войны.

Утром адъютант командующего майор Боков принес Жаворонкову свежий номер "Правды". Под заголовком "Налет немецких самолетов на Москву в ночь с 21 на 22 июля" газета писала:

"В 22 ч 10 м 21 июля немецкие самолеты в количестве более 200 сделали попытку массового налета на Москву. Налет надо считать провалившимся. Заградительные отряды нашей авиации не допустили основные силы немецких самолетов к Москве. Через заградительные отряды к Москве прорвались лишь отдельные самолеты противника. В городе возникло несколько пожаров жилых зданий. Имеется небольшое количество убитых и раненых. Ни один из военных объектов не пострадал.

Нашей ночной авиацией и огнем зенитных батарей, по неполным данным, сбито 17 немецких самолетов. Воздушная тревога продолжалась 5*/2 часов".

В ночь с 22 на 23 июля налет фашистской авиации на Москву повторился. Было брошено до 150 бомбардировщиков, хотя, как и в прошедшую ночь, достигнуть цели удалось немногим.

Жаворонкову стало совершенно ясно, что теперь налеты будут осуществляться врагом систематически, каждую ночь. Гитлер, видимо, хочет держать Москву в постоянном напряжении, чтобы подорвать моральный дух советских людей.

В Беззаботном Жаворонкову показали одну из сброшенных на Ленинград фашистских листовок. В ней было помещено хвастливое заявление министра пропаганды доктора Геббельса:

"Если вы думаете, что вы сможете достойно защитить Москву и Ленинград от ударов с воздуха, то вы глубоко ошибаетесь. Сопротивляясь немецким войскам, вы обречены! Вы все равно погибнете под развалинами домов Москвы и Ленинграда! Вы не устоите перед ураганом немецких бомб и снарядов. Мы превратим Москву в пепелище, сровняем Ленинград с землей, а матросский Кронштадт покроется водою. Напрасны сопротивления. Напрасны!"

Нельзя этого допустить, никак нельзя. Как же отплатить

врагу? Надо, чтобы он получил по заслугам. Выход один - предпринимать такие же систематические налеты советской авиации на Берлин. Пусть весь мир увидит, что советская авиация способна дать должный отпор и не позволит безнаказанно разрушать свою столицу.

Жаворонков встал, в раздумье прошелся по кабинету. Мысль об ответной бомбардировке Берлина не давала ему покоя. Он развернул на столе карту. Красно-синяя полоса линии фронта пересекала ее от Баренцева до Черного моря. За месяц войны противник вклинился на территорию СССР местами более чем на 600 километров. Расстояние от линии фронта до Москвы по прямой составляло в среднем 450 километров, что было много меньше радиуса действия немецких бомбардировщиков. До Берлина же от линии фронта было больше тысячи километров. Поэтому советские дальние бомбардировщики ДБ-3 конструкции Ильюшина при полной бомбовой нагрузке не в состоянии были с тыловых аэродромов долетать до Берлина и обратно.

Генерал еще раз взглянул на карту. Наиболее близкой к столице фашистской Германии была Советская Прибалтика. Литва и Латвия уже заняты врагом, а в Эстонии еще шли упорные бои. "Вот откуда, пожалуй, целесообразно бомбить Берлин. Особенно с самого большого острова Моонзундского архипелага Сааремаа. Отсюда до Берлина по прямой - около 900 километров. Правда, на пределе, но долететь можно,- пришла Жаворонкову в голову счастливая мысль. Он тут же запросил оперативный отдел штаба ВВС о состоянии островного аэродрома Кагул. Ответ был неутешительным. На нем базировалась 12-я отдельная Краснознаменная истребительная авиационная эскадрилья И-153, или "чаек",маленьких легких самолетов устаревшей конструкции, а для дальних бомбардировщиков аэродром не пригоден: взлетно-посадочная полоса слишком коротка.

Генерал Жаворонков срочно собрал совещание командного состава штаба ВВС. Вопрос был один: можно ли быстро подготовить аэродром Кагул для тяжелых самолетов. Решили, что можно. На удлинение взлетной полосы потребуется не так уж много времени. Идея оказалась вполне осуществимой.

Вечером Жаворонков попросил народного комиссара Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова принять его.

- Интересное сообщение, Семен Федорович? - вопросом встретил Кузнецов вошедшего в кабинет командующего военно-воздушными силами ВМФ.

Жаворонков утвердительно кивнул.

- Слушаю вас внимательно.

- Штаб военно-воздушных сил предлагает нанести удар по

Берлину, Николай Герасимович,- сказал Жаворонков.

Нарком вскинул густые брови, удивленно посмотрел на генерала.

- Идея заманчивая, но реальная ли?

- Мы прикинули, с эстонского острова Сааремаа ДБ-три способны дойти до Берлина,- продолжал Жаворонков.

Кузнецов, мгновенно оценив это предложение, подошел к висевшей на стене огромной карте. Глаза его отыскали в восточной части Балтийского моря остров Сааремаа и провели от него незримую прямую линию до черного кружочка с надписью "Берлин".

- Далековато все же и очень опасно,- задумчиво проговорил он.

Вошел начальник оперативного управления Главного морского штаба контр-адмирал Алафузов.

- Знаете, Владимир Антонович, что предлагает командующий ВВС? - не отрываясь от карты, произнес Кузнецов.- Предлагает минно-торпедную авиацию послать на Берлин. Понимаете, прямо на Берлин! Вот с этого эстонского острова Сааремаа.

- Замечательное предложение,- широко улыбнулся Алафузов.- А главное очень своевременное. Вот самый подходящий случай разоблачить ложь гитлеровской пропаганды об уничтожении советской авиации и показать всему миру нашу силу. Целиком поддерживаю вас, Семен Федорович! - Алафузов крепко пожал Жаворонкову руку.

- Ну что же,- сказал Кузнецов,- надо будет этим заняться всерьез, хорошенько взвесить все "за" и "против". Дело очень ответственное и нужное.

26 июля нарком ВМФ провел совещание. О предлагаемых налетах на Берлин бомбардировщиков морской авиации докладывал генерал-лейтенант Жаворонков. Он сказал, что это предложение было тщательно изучено специалистами штаба военно-воздушных сил ВМФ, которые дали обоснованное заключение о возможности таких налетов. Радиус действия дальних бомбардировщиков позволял им с острова Сааремаа достигнуть столицы фашистской Германии. Лететь придется по прямой над Балтийским морем, ночью, вслепую, ибо никаких ориентиров там нет, а затем, уже над территорией Германии,- на большой высоте, чтобы не попасть под огонь зениток. Расчетного запаса бензина и масла должно хватить, но при условии, что бомбовая нагрузка не превысит 750 килограммов. Продолжительность полета в оба конца составит около семи часов.

Удар по Берлину предполагается осуществить силами минно-

торпедной авиации Краснознаменного Балтийского и Черноморского флотов. В группу особого назначения следует выделить до семидесяти хорошо подготовленных экипажей. Основу группы составят летчики 1-го минно-торпедного авиационного полка 8-й бомбардировочной авиабригады Краснознаменного Балтийского флота под руководством опытнейшего командира полковника Преображенского.

Самое трудное дело в подготовке к налетам на Берлин - переоборудование аэродрома на острове Сааремаа. Он был создан незадолго до войны возле селения Кагул. Взлетно-посадочная полоса была грунтовая, длиной один километр, что слишком мало для взлета и посадки тяжелых самолетов. Предстоит огромная работа по ее удлинению, на что потребуется определенное время.

Начальник оперативного управления Главного морского штаба контр-адмирал Алафузов, одновременно с Жаворонковым изучавший вопрос о налете на Берлин, полностью поддержал все положения доклада командующего военно-воздушными силами ВМФ. И лишь обратил особое внимание присутствующих на сложность военной обстановки в Эстонии. 8-я армия Северо-Западного фронта под ударами превосходящих сил противника отходит на север, к Финскому заливу. Район главной базы Краснознаменного Балтийского флота - Таллинна и все острова Моонзундского архипелага могут скоро оказаться в глубоком тылу врага. Это неблагоприятно отразится на условиях базирования ДБ-3 и может сорвать налеты на Берлин. Все согласились, что подобная ситуация не исключена, но, пока есть возможность, надо летать.

- Добро,- заключил Кузнецов.- Так и доложу в Ставку.

Как член Ставки Верховного Командования, нарком ВМФ нередко бывал у Сталина. 28 июля, во второй половине дня, закончив доклад о положении на флотах и ответив на вопросы Верховного, он сказал:

- Товарищ Сталин, Главный морской штаб предлагает нанести удар по Берлину силами минно-торпедной авиации Краснознаменного Балтийского и Черноморского флотов.

Сталин слегка склонил голову над придвинутой к нему наркомом картой. Взгляд его остановился на прямой красной линии, соединяющей эстонский остров Сааремаа со столицей фашистской Германии.

- Вот наши расчеты,- Кузнецов положил рядом с картой листки машинописного текста.

Сталин молча посмотрел на карту, потом на подготовленные расчеты.

- Хорошо, товарищ Кузнецов. Я подумаю,- наконец произнес он.

Верховный вызвал Кузнецова на другой же день.

- Мы с самого начала войны имели хорошую возможность наносить бомбовые удары по Берлину,- неторопливо заговорил он.- Однако сознательно не делали этого. Не хотели лишних жертв среди гражданского населения. Поскольку фашистское командование не посчиталось с нашим гуманным шагом,- его авиация бомбит мирное население Москвы,- естественно, мы вправе принять ответные меры. Ставка разрешает вам, товарищ Кузнецов, нанести удар по Берлину.

- Морские летчики приложат все силы, чтобы выполнить это задание, товарищ Сталин,- заверил Кузнецов, гордясь тем, что именно морской авиации доверено такое важное дело.

- Авиацию Черноморского флота привлекать нецелесообразно,- продолжал Сталин.- Пошлите две эскадрильи с Балтики,- и, видя вопрос на лице Кузнецова, добавил: - Потом, если потребуется, пошлем еще...

Кузнецов посчитал разговор оконченным, но Сталин вдруг спросил его:

- Товарищ Кузнецов, а кто непосредственно предложил нанести удар по Берлину?

- Генерал-лейтенант авиации Жаворонков, командующий военно-воздушными силами флота.

- Вот пусть генерал Жаворонков и руководит операцией "Берлин"...

Вернувшись в наркомат, Кузнецов вызвал Жаворонкова.

- Решение Ставки на бомбардировку Берлина получено,- сообщил нарком.- Пока приказано готовить две эскадрильи.

- Для начала достаточно,- согласился Жаворонков.

- Руководство операцией "Берлин" возложено лично на вас, Семен Федорович. Так распорядился товарищ Сталин.

Жаворонков сразу как-то подтянулся, понимая, какая ответственность с этой минуты ложится на его плечи.

...В детстве Семен Жаворонков даже и не слышал об авиации. Чтобы помочь семье, он рано начал работать на прядильной фабрике соседнего села Тезино Ивановской области. Потом переехал в текстильный городок Вичугу. Здесь его захлестнули бурные революционные события 1917 года. В марте он уже член большевистской партии, а в октябре, в дни всеобщей стачки текстильщиков, создает на фабрике молодежный кружок "Союз рабочей молодежи имени III Интернационала", с которого фактически и началась история вичугской комсомольской организации. Семен Жаворонков становится председателем этого

кружка, а затем заместителем секретаря районного комитета партии.

Летом 1918 года, когда в Ярославле вспыхнул белогвардейский мятеж, Жаворонков в составе Кинешемского красногвардейского коммунистического отряда активно участвует в его подавлении. В сентябре этого же года он решает навсегда связать свою судьбу с армией.

Участие в кровопролитных боях при разгроме белогвардейцев Колчака и Деникина и белополяков Пилсудского закаляет молодого бойца. Гражданскую войну он заканчивает в должности военного комиссара батальона связи 7-й стрелковой дивизии.

Потом учеба в Военно-политической академии, и оттуда назначение в авиацию. В 1929 году он уже военный комиссар и начальник политотдела военно-воздушных сил Черного моря.

Жаворонков считал, что политработник наряду с выполнением своих обязанностей должен в совершенстве владеть и летным мастерством. Через начальника ВВС РККА Алксниса он добивается направления в школу летчиков имени Мясникова и после ее успешного окончания становится командиром авиабригады.

Осенью 1935 года комбриг Жаворонков - слушатель оперативного факультета Военно-воздушной академии имени Жуковского. После учебы ему доверяют командовать 5-м тяжелобомбардировочным авиационным корпусом, а потом переводят на должность командующего военно-воздушными силами Тихоокеанского флота. С июля 1939 года он командует авиацией ВМФ.

И вот теперь, в такой тяжкий период для страны, когда фашистские полчища захватывают советскую землю, а их авиация бомбит Москву, Ленинград и другие города, генерал-лейтенанту авиации Жаворонкову поручено самим Сталиным нанести ответный бомбовый удар по Берлину...

"Операция Б"

30 июля командир 8-й бомбардировочной авиационной бригады полковник Логинов получил из Москвы срочную радиограмму, где сообщалось, что командующий авиацией Военно-Морского Флота генерал-лейтенант авиации Жаворонков вылетел к ним в Беззаботное. Логинов вызвал к себе командира 1-го минно-торпедного авиаполка полковника Преображенского и показал ему радиограмму.

- Странно,- пожал плечами Преображенский.- Ведь генерал Жаворонков был у нас совсем недавно. Очень странно.

- Должно быть, предстоит что-то серьезное,- проговорил Логинов, тоже теряясь в догадках о причине неожиданного

повторного приезда командующего ВВС флота в Беззаботное. Всего полторы недели назад Жаворонков четверо суток провел в их бригаде, больше всего внимания уделяя 1-му минно-торпедному полку. Вроде бы он остался доволен боевым состоянием полка, его командирами эскадрилий, летчиками и штурманами. И приказание командующего о замене командира полка было трудно переоценить. Преображенский очень быстро освоился со своей новой должностью - ведь его и раньше хорошо знали в полку, весь личный состав поверил своему новому командиру, который, в отличие от прежнего командира, сам успешно водил эскадрильи на бомбардировки боевых порядков немецких войск, рвущихся к Ленинграду. Замена оказалась удачной и, главное, своевременной, тут командующий ВВС флота оказался совершенно прав. Не повлияло отсутствие Преображенского и на понижение боеспособности 57-го бомбардировочного авиационного полка; заместитель командира полка майор Тужилкин оказался достойным преемником полковника Преображенского.

- Я еще тогда понял, что генерал Жаворонков нацеливает наш первый минно-торпедный на какое-то особое, очень важное задание,- сказал Логинов.Так что готовьтесь, Евгений Николаевич!

- Первый минно-торпедный всегда готов выполнить любое задание, товарищ полковник! - ответил Преображенский.

- Знаю, знаю! - согласился Логинов.- И командующий знает. В общем, сами встречайте генерала Жаворонкова,- распорядился он.- Командующий в ваш полк прилетает...

Вернувшись в полк, Преображенский рассказал о радиограмме из штаба ВВС флота военкому полка батальонному комиссару Оганезову.

- Полюбил наш первый минно-торпедный командующий! - воскликнул оживившийся Оганезов.- Крепко полюбил. Иначе бы не прилетал так часто.

- Во что для нас выльется генеральская любовь, пока еще не знаем,- остудил пыл военкома полка Преображенский,- Но просто так командующий не появится во второй раз!

- Вы думаете? - стал серьезным Оганезов.

- Уверен!

- Возможно, предстоит передислокация на новый аэродром? - предположил Оганезов. Преображенский кивнул:

- Может быть, комиссар.

- Или удар всем полком по особо важной цели. Фашистской эскадре, например?

- Может, и это... В общем, гадать не будем. Командующий

сейчас прилетит. Идемте встречать.

Солнце пекло нестерпимо. Ни ветерка. Недвижимо стояли деревья, сплошной зеленой стеной обрамляя аэродром. Под палящими лучами их ветви безжизненно поникли. Над нагревшейся взлетно-посадочной полосой колыхалось едва заметное марево. Было душно и влажно: чувствовалось дыхание Финского залива.

Преображенский расстегнул крючки на воротнике кителя, снял фуражку, вытер мокрый от пота лоб.

Возле командного пункта расположилась группа летчиков. На земле, в тени ветвистой березы, лежали флагманский штурман полка капитан Хохлов и начальник разведки капитан Комаров. Они с интересом что-то обсуждали, разглядывая карту Балтийского моря. Возле них стоял улыбающийся командир 3-й Краснознаменной эскадрильи капитан Плоткин.

"Флагштурман небось прокладывает курс к какой-нибудь новой цели,- подумал Преображенский.- Вот неуемная натура!"

- Вы знаете, что надумал ваш штурман, товарищ полковник? - обратился Плоткин к командиру полка.- Хочет к Гитлеру в гости лететь. Ни больше ни меньше. Прокладывает курс на Берлин. Вот хватил!

- Куда, куда? - переспросил Оганезов.- На Берлин?!

- Так точно, товарищ батальонный комиссар. На Берлин,- ответил Хохлов, явно недовольный насмешливым тоном Плоткина.- Да это мы так с капитаном Комаровым, тренируемся...

Преображенский увидел лежащую на траве газету "Красная звезда", поднял ее, развернул. В глаза ему бросился заголовок, дважды подчеркнутый синим карандашом: "Налет немецких самолетов на Москву в ночь с 28 на 29 июля". Хохлов внимательно наблюдал за командиром, и как это часто у них бывало, думали они сейчас об одном и том же, будто чувствуя настроенность друг друга.

- Каждый день фашисты бомбят нашу белокаменную, товарищ командир! вырвалось у Хохлова.- Ударить бы в ответ по Берлину. Око за око, зуб за зуб! По-другому бы запели фашистские стервятники!

Преображенский согласно кивнул своему штурману.

- Вот что я скажу вам, друзья мои,- взволнованно заговорил он,- даром фашистам бомбардировка Москвы не пройдет. Наше Верховное Командование найдет способ на удар ответить ударом. Помяните мое слово,- и полковник показал на карту: - А дотянем, штурман?

Тот мгновенно понял его вопрос.

- От Беззаботного до Берлина далековато. Если б какой

аэродром поближе нашелся, тогда обязательно.

Послышался гул моторов: над аэродромом делал круг на посадку самолет командующего.

- Пошли,- заторопился Преображенский.

- Ну и штурман у вас, Евгений Николаевич! - смеясь, на ходу проговорил Оганезов.- Берлин, видите ли, ему подавай.

- И я бы полетел на Берлин, если б разрешили,- ответил Преображенский.- Да любой бы из нас полетел.

- Это вы верно сказали, товарищ командир,- заметил комиссар.- Все наши летчики ненавидят гитлеровцев, и каждый сделает все, чтобы любой ценой скорее завоевать победу.

Самолет командующего приземлился. Преображенский надел фуражку, подтянулся и пошел ему навстречу. Жаворонков пожал руки командиру и военкому полка, весело посмотрел вокруг.

- У вас тут, я вижу, настоящая Сахара! Хотя и у нас в Москве не прохладнее. Жаркое лето в этом году. Во всех отношениях...

Преображенский пригласил генерала на командный пункт, а сам то и дело многозначительно переглядывался с Оганезовым в ожидании сообщения командующего о цели приезда. Каковы же были их удивление и даже растерянность, когда Жаворонков попросил доложить о боевых действиях вверенного им полка.

Преображенский взял указку и подошел к карте.

- За последние полторы недели первый минно-торпедный авиационный полк наносил бомбовые удары в интересах сухопутных частей главным образом по боевым порядкам противника в районах Пскова, Порхова, Гдова и Луги,- указка прочертила на карте извилистую линию.- Бомбил танковые колонны, артиллерию и скопления немецких войск на крупных магистралях.

- Меня интересует боевая деятельность вашего полка не только за последние полторы недели, полковник,- прервал его Жаворонков.

Преображенский не знал, что и думать. Ведь о действиях полка в первый месяц войны командир авиабригады полковник Логинов подробно рассказывал командующему в прошлый его приезд. Что же он еще хочет услышать? Ведь вроде все известно.

Преображенский еще раз подробно рассказал о проведении минных постановок и нанесении бомбовых ударов в Ирбенском проливе и на подходах к нему по вражеским конвоям с техникой, вооружением и боеприпасами, идущим из Германии в Ригу для обеспечения приморского фланга группы армий "Север". 2-я эскадрилья капитана Гречишникова бомбила военные корабли немцев, скопившиеся в порту Мемель. Боевые вылеты дальними бомбардировщиками полка осуществлялись ежедневно. Летчики

и штурманы получили богатый опыт, летают на задания в любой обстановке. Единственное, что вызывало некоторую озабоченность полковника, это изношенность моторов самолетов. Очень часто приходится летать на задания, особенно в последние дни. На текущий ремонт двигателей порой не хватает времени.

- Товарищ генерал, первый минно-торпедный авиационный полк готов выполнить любое задание,- закончил Преображенский.

Оганезов подтвердил слова командира и отметил, что морально-политическое состояние летного состава очень высокое. Несмотря на большие нагрузки, экипажи рвутся в бой, отказываются даже от положенного отдыха.

Жаворонков удовлетворенно кивнул. Что и говорить, полк отличный. Это он увидел и при первом его посещении. Сейчас же, после доклада командира и военкома полка, его убежденность еще более окрепла. Выбор им сделан правильный. Именно экипажи 1-го минно-торпедного полка должны лететь на Берлин. Правда, ежедневные вылеты на задания порядком измотали летчиков и штурманов, да и материальная часть самолетов требует ремонта, но сейчас не до отдыха. Обстановка в Эстонии усложняется с каждым днем. Дивизии 18-й немецкой армии настойчиво стремятся выйти к Финскому заливу и захватить главную базу Краснознаменного Балтийского флота и острова Моонзундского архипелага. Как долго продержится при таких условиях остров Сааремаа - трудно даже предположить. Поэтому надо торопиться!

А с нанесением 1-м минно-торпедным авиаполком торпедных ударов по крупным кораблям немецкого военно-морского флота временно придется обождать. Фашистская эскадра стоит в своих северных базах под надежным прикрытием зенитной артиллерии и истребительной авиации и не собирается пока выходить в Балтийское море. Лишь два легких крейсера "Кельн" и "Лейпциг" с опаской курсируют между Данцигом, Мемелем и Либавой, остерегаясь стоящих на позициях советских подводных лодок. Опыт нанесения бомбовых ударов на предельных расстояниях по Берлину пойдет только на пользу экипажам торпедоносцев, что потом положительно скажется при торпедировании немецких тяжелых и линейных крейсеров.

Жаворонков пристально посмотрел на сидящих по другую сторону стола полковника и батальонного комиссара и торжественно сказал:

- Дорогие товарищи! Вашему полку выпала особая честь. Товарищ Сталин лично поставил перед вами очень важную и ответственную боевую задачу: нанести бомбовый удар по столице гитлеровской Германии городу Берлину!

Преображенский и Оганезов точно по команде встали. Глаза их возбужденно блестели, лица сияли улыбками. Еще бы! Им поручается такое задание, о котором они только мечтали. "Ай да капитан Хохлов! - с восхищением думал Преображенский.- Не зря он прикидывал курс на Берлин! Как в воду глядел."

- Товарищ генерал, летчики полка приложат все силы, чтобы выполнить поставленную перед ними боевую задачу! - полковник явно волновался и не старался этого скрывать.

- Заверьте товарища Сталина: наши краснозвездные бомбардировщики будут над Берлином! - тоже, не скрывая охватившего его волнения, проговорил Оганезов.

Чувство возбуждения и радости невольно передалось и Жаворонкову. Он поднялся и крепко пожал руки командиру и комиссару полка.

- Я верю в вас, дорогие товарищи! Верю, что вы будете над Берлином. Гитлеровцы еще узнают почем фунт лиха.

Когда все несколько успокоились, командующий заговорил о проведении столь сложной операции. Вылетать на бомбардировку придется с аэродрома острова Сааремаа. Оттуда по прямой до Берлина и обратно 1760 километров. Расстояние в оптимальных условиях полета легко преодолимое для ДБ-3. Однако при сложной метеорологической обстановке, при полете на большой высоте и при необходимости уклоняться от истребительной авиации и заградительного огня зенитной артиллерии противника оно может оказаться предельным. Поэтому он рекомендовал отбирать в авиагруппу особого назначения только отлично подготовленных летчиков и штурманов, которые не растеряются в любой сложной обстановке и способны найти выход из самого трудного положения.

- Полк может выделить в авиагруппу особого назначения двадцать экипажей. Списки летного состава и обслуживающего персонала, убывающих на Сааремаа, будут готовы к вечеру,- сказал командир полка.

- Сколько вам надо времени на подготовку? - спросил Жаворонков.

- Дня два,- ответил Преображенский, не решаясь назвать большую цифру.

- Хорошо,- согласился генерал.- Второго августа днем авиагруппа особого назначения должна быть перебазирована на Сааремаа.

- Есть, товарищ генерал!

- И последнее,- Жаворонков сделал паузу.- Никто в полку, кроме вас двоих, не должен знать о предстоящем задании. Пока в целях строжайшего сохранения тайны об этом сообщено лишь

командующему Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмиралу Трибуцу и командующему военно-воздушными силами флота генерал-майору авиации Самохину. Трибуц уже дал распоряжение командирам главной военно-морской базы и Кронштадтской военно-морской базы срочно отправить транспорты с горючим и авиабомбами на остров Сааремаа. Островному гарнизону приказано подготовить аэродром Кагул к приему ДБ-три и завершить строительство второго такого же аэродрома в Асте. Экипажи получат боевую задачу на месте нового базирования.

- Слово "Берлин" ни в документах, ни в разговоре пока не упоминать,продолжал Жаворонков.- Будем называть Берлин, как обычно сообщается в сводках, объект "Б". "Операция Б"!

- "Операция Б"! Звучит! - восторженно произнес Оганезов.

- Поймите, товарищи, никто раньше времени не должен знать о нашей боевой задаче. Наш успех - во внезапности!

- Ясно, товарищ генерал! - почти в один голос ответили Преображенский и Оганезов. Они попросили разрешения немедленно начать работу по отбору экипажей и подготовке самолетов.

- Еще есть один вопрос, который мы должны сейчас решить,- задержал командира полка Жаворонков.- ? Надо теперь же назначить командира новой авиагруппы.

У Преображенского подобный вопрос и не возникал, он был уверен, что сам поведет свои экипажи на Берлин.

Так же думал и командующий, хотя, с другой стороны, Преображенскому целесообразно было бы остаться в Беззаботном и командовать полком, сражавшимся на важнейшем участке фронта - подступах к Ленинграду. Признаться, Жаворонкову и самому хотелось возглавить налет на Берлин, поскольку Сталин доверил ему руководство полетами. Но, к сожалению, он никогда не летал на ДБ-3, иначе бы не упустил такой возможности.

- Так кого вы, товарищ полковник, предлагаете назначить командиром авиагруппы особого назначения? - спросил Жаворонков.

- Как кого? - искренне удивился Преображенский.- Я командир полка, я и обязан командовать авиагруппой.

Генерал улыбнулся.

- Основной состав полка остается в Беззаботном. Как же без командира?

- Сдам полк своему заместителю. Он опытный летчик и прекрасный командир.

- Уговорили,- засмеялся довольный Жаворонков,- Я и сам так думал.

Конечно, лучшей кандидатуры, чем Преображенский, не найти. Хотя по характеру он и мягок, но требователен и пунктуален в выполнении решений. В нем удачно сочетались романтическая увлеченность авиацией и трезвый расчет. Путевку в небо дал Преображенскому комсомол, а его учителем был прославленный летчик Герой Советского Союза Василий Молоков, отличившийся при спасении челюскинцев в ледяных просторах Арктики.

- Теперь о флагманском штурмане авиагруппы,- продолжал Жаворонков.- Ваше предложение, командир?

- Капитан Хохлов! - не задумываясь, ответил Преображенский и, замявшись, добавил: - Он, между прочим, уже и курс на Берлин проложил.

- Добро! Хороший штурман всегда раньше других все видит,- усмехнулся командующий. Хохлова он знал как отличного специалиста. Равного капитану по знанию акватории Балтийского моря, умению быстро сориентироваться в воздухе, вести самолет в сложнейших метеоусловиях не было в 1-м минно-торпедном авиационном полку да и во всей 8-й бомбардировочной авиабригаде.

Начальником штаба авиагруппы особого назначения Преображенский предложил назначить начальника разведки полка капитана Комарова, а комиссаром - старшего политрука Полякова. Батальонный комиссар Оганезов будет прилетать на остров Сааремаа по мере необходимости.

Согласовав кандидатуры руководящего состава авиагруппы, командующий отпустил Преображенского.

Вечером командир полка положил на стол список тринадцати экипажей, первыми вылетающих на Сааремаа. Жаворонков внимательно читал фамилии летчиков, штурманов, стрелков и техников самолетов, многие из которых ему были хорошо знакомы. Фактически перед ним лежал первый исторический документ о дерзкой по замыслу и трудной по выполнению операции - ответной бомбардировке Берлина.

Генерал еще и еще раз смотрел на список, будто стараясь запомнить его.

Список экипажей,
убывающих для выполнения специального задания
Самолет No б/н
Летчик - полковник Преображенский
Штурман - капитан Хохлов
Стрелок-радист - сержант Кротенко
Стрелок-радист - старший сержант Рудаков
Техник самолета - старшина Колесниченко

Самолет No 2
Летчик - капитан Бабушкин
Штурман - старший лейтенант Надха
Стрелок-радист - старшина Стройков
Воздушный стрелок - краснофлотец Панфилов
Техник самолета - воентехник 2 ранга Капустин
Самолет No 2ж
Летчик - старший лейтенант Дроздов
Штурман - лейтенант Котов
Стрелок-радист - сержант Лучников
Воздушный стрелок - краснофлотец Силин
Техник самолета - воентехник 1 ранга Кузнецов
Самолет No 7
Летчик - капитан Ефремов
Штурман - старший лейтенант Серебряков
Стрелок-радист - младший лейтенант Анисимов
Воздушный стрелок - краснофлотец Аштапов
Техник самолета - воентехник 2 ранга Михайлов
Самолет No 10
Летчик - лейтенант Кравченко
Штурман - старший лейтенант Сергеев
Стрелок-радист - старшина Титов
Воздушный стрелок - краснофлотец Рачковский
Техник самолета - старшина Шарафутдинов
Самолет No 9
Летчик - капитан Есин
Штурман - капитан Троцко
Стрелок-радист - сержант Никерин
Воздушный стрелок - краснофлотец Нянкин
Техник самолета - воентехник 2 ранга Зубарев
Самолет No 6ч
Летчик - лейтенант Мильгунов
Штурман - лейтенант Чубатенко
Стрелок-радист - младший сержант Кулешов
Воздушный стрелок - краснофлотец Акимов
Техник самолета - воентехник 2 ранга Герасименя
Самолет No 2г
Летчик - лейтенант Александров
Штурман - капитан Буланов
Стрелок-радист - младший сержант Диков
Воздушный стрелок - краснофлотец Королев
Техник самолета - воентехник 2 ранга Серебряков
Самолет No 2ч
Летчик - старший лейтенант Трычков

Штурман - лейтенант Рысенко
Стрелок-радист - сержант Несмелов
Воздушный стрелок - краснофлотец Бондарев
Техник самолета - воентехник 2 ранга Красий
Самолет No 11ч
Летчик - старший лейтенант Фокин
Штурман - лейтенант Швецов
Стрелок-радист - старшина Лукичев
Воздушный стрелок - младший сержант Белов
Техник самолета - воентехник 2 ранга Солобанов
Самолет No 7г
Летчик - лейтенант Юрин
Штурман-лейтенант Шевченко
Стрелок-радист - краснофлотец Саранча
Воздушный стрелок - сержант Беляев
Техник самолета - старшина Белуданов
Самолет No 12ч
Летчик - лейтенант Пятков
Штурман - старший лейтенант Хабибулин
Стрелок-радист - младший сержант Невредов
Воздушный стрелок - краснофлотец Белоусов
Техник самолета - воентехник 2 ранга Павлов
Самолет No 5ч
Летчик - лейтенант Русаков
Штурман - старший лейтенант Волков
Стрелок-радист - младший сержант Соболь
Воздушный стрелок - краснофлотец Большев
Техник самолета - воентехник 2 ранга Шевченко
Начальник штаба группы - капитан Комаров
Комиссар группы - старший политрук Поляков
Врач - военврач 3 ранга Баладин
Писарь - краснофлотец Баранов
Командир полка (Преображенский)
Военком полка полковник батальонный комиссар (Оганезов)
Начальник штаба полка капитан (Бородавка)

Остальные семь экипажей, возглавляемые летчиками капитанами Гречишниковым, Плоткиным и Беляевым, старшими лейтенантами Финягиным и Семеновым, лейтенантами Дашковским и Леоновым, должны были прилететь на Сааремаа несколько позднее, после завершения ремонта их самолетов.

Предусматривалась замена в составе экипажей в зависимости от готовности каждого человека.

Аэродром Кагул

29 июля комендант Береговой обороны Балтийского района

генерал-майор Елисеев получил шифровку из штаба Краснознаменного Балтийского флота. В ней командующий вице-адмирал Трибуц приказал немедленно оборудовать аэродром в Кагуле для двадцати дальних бомбардировщиков минно-торпедной авиации, которые должны были в первых числах августа перебазироваться из-под Ленинграда на остров Сааремаа.

Общее руководство по нанесению бомбового удара по Берлину возлагалось на командующего авиацией Военно-Морского Флота генерал-лейтенанта авиации Жаворонкова, а за обеспечение базирования бомбардировщиков и прикрытия их на аэродроме нес ответственность комендант БОБРа - так сокращенно называли соединение, обороняющее острова Моонзундского архипелага.

Елисеев понимал, что остров Сааремаа был выбран не случайно. Отсюда до Берлина самое кратчайшее расстояние: всего 870 километров. Из них почти 700 километров пути пролегало над водами Балтийского моря, где нет никакой противовоздушной обороны. Но куда посадить бомбардировщики? На острове не было ни одного аэродрома, пригодного для такого типа самолетов. А ведь намечалось перебазировать двадцать бомбардировщиков, потом их число может увеличиться. Вот и попробуй разместить такую махину.

Елисеев вызвал машину.

- Едем с начальником штаба и начальником инженерной службы в Кагул,передал он оперативному дежурному.

Из Курессаре выехали в направлении поселка Кихельконна. По накатанной гравийной дороге машина быстро доставила их к деревне Кагул, за которой в лесу, на большой зеленой поляне, находился главный островной аэродром. Строительство его было закончено еще весной, однако он предназначался в основном для легких самолетов. Сейчас здесь базировалась 12-я Краснознаменная отдельная истребительная авиационная эскадрилья майора Кудрявцева, особо отличившаяся в зимней войне с Финляндией. Теперь требовалось разместить на аэродроме тяжелые самолеты ДБ-3 конструкции Ильюшина. Елисеев объехал аэродром на машине. Взлетная грунтовая полоса занимала примерно половину поляны. Вторая половина была неровной. Машину подбрасывало на бугорках и ямах. Наконец шофер остановился:

- Застрянем здесь, товарищ генерал.

Елисеев, начальник штаба БОБРа подполковник Охтинский и начальник инженерной службы майор Навагин вылезли из машины, осмотрелись. С трех сторон огромную зеленую поляну окружали хутора эстонцев. С четвертой, восточной, высился

сосновый лес, перед которым были густо разбросаны гранитные валуны. Особое внимание привлекали сравнительно высокая кирха и ветряная мельница. Раньше на этой поляне эстонские крестьяне пасли свой скот, теперь она по всему периметру была огорожена колючей проволокой.

- Будем делать взлетную полосу на всю длину поляны,- распорядился Елисеев.- До самой ветряной мельницы,- показал он на ветряк.

- Успеем ли, товарищ генерал? - усомнился Охтинский.

- Успеем. Обязаны успеть,- отрезал Елисеев.- Сколько вам потребуется дней на удлинение взлетной полосы, начальник инженерной службы? - повернулся он к майору Навагину.

- Недели полторы, минимум,- подумав, ответил Навагин.- Работа трудоемкая, товарищ генерал.

- Недели полторы?! - повторил Елисеев и внимательно поглядел на Навагина, точно видел его впервые.- Три дня. Точнее - трое суток. Работать днем и ночью. Снимайте хоть все свои строительные подразделения.

- А как же строительство оборонительной полосы на восточном побережье острова Муху? - спросил Охтинский.- Ведь немцы вот-вот отрежут нас от Большой земли.

- Аэродром Кагул - задача номер один для нас, - ответил Елисеев и зашагал к машине. Ему надо было еще заехать к председателю Курессарского исполнительного комитета Элламу, чтобы решить вопрос с размещением летного и технического состава авиационной группы особого назначения, а потом зайти и к первому секретарю Курессарского райкома партии Мую с тем, чтобы проинформировать его о предстоящей ответственной операции морской авиации. Оба они, известные в Эстонии революционеры, с юных лет включились в борьбу с эстонской национальной буржуазией, за что дважды были приговорены к длительным каторжным работам. С установлением советской власти в Эстонии летом 1940 года они были направлены эстонской компартией на свой родной остров Сааремаа. Александр Муй и Иохан Эллам ясно осознавали создавшееся тяжелое положение на Моонзундском архипелаге в первые недели войны и помогали островному гарнизону генерала Елисеева укреплять оборонительные полосы в районах возможной высадки немецких морских десантов. Елисеев был уверен, что и сейчас руководители Курессарского района не откажут ему в помощи по размещению личного состава авиагруппы особого назначения.

Председатель исполкома Иохан Эллам предложил генералу разместить летный состав авиагруппы в здании восьмилетней школы поселка Паадла.

- Сейчас школа пуста. Места хватит всем.- Он развернул карту острова и пододвинул ее генералу.- Всего пять-шесть километров до стоянки самолетов. Ближе ничего подходящего нет.

- Подойдет,- согласился Елисеев.- Прямо сейчас и начнем переоборудовать школу.

- А для технического состава и аэродромной команды что-нибудь подыщем поблизости,- пообещал Эллам.- Я сам подберу подходящие строения...

Вернувшись в штаб, Елисеев вызвал к себе подполковника Охтинского.

- Займитесь, Алексей Иванович, воздушной обороной и наземной охраной аэродрома Кагул,- распорядился он.

- С наземной охраной проще, я уже выделил роту красноармейцев,- произнес Охтинский.- А вот зенитное обеспечение... Ведь оголим и без того голые свои объекты, Алексей Борисович! Потери в личном составе от немецкой авиации возрастут в десятки раз. Нам помощи от флота ждать бесполезно. Воевать же в окружении придется долго.

- Знаю,- перебил Елисеев.- Но там...- он поднял палец к потолку,- там, в Ставке, полагают, что сейчас бомбардировка Берлина важнее обороны наших островов. Так что половину зенитной артиллерии отдайте Кагулу.

- Две зенитные батареи из наших четырех?

- Товарищ подполковник!..

- Есть, товарищ генерал! - Охтинский вытянулся, прищелкнул каблуком и вышел из кабинета.

Елисеев тяжело вздохнул и устало опустился в кресло. Да, намного прибавится забот и хлопот с предстоящей с острова Сааремаа бомбардировкой Берлина, Вместо того, чтобы все и без того скудные силы гарнизона бросить на укрепление оставляемых в тылу наступающих немецких войск островов Сааремаа, Хийума, Муху и Вормси, приходится заниматься обеспечением операции "Берлин", или "Операции Б", как в целях строгой секретности назвал ее в шифровке вице-адмирал Трибуц. При этом командующий флотом приказывает удерживать острова любой ценой, отвлекая на себя значительные силы немецких войск, предназначенных для штурма главной базы флота Таллинна.

Стратегическое значение Моонзундского архипелага было трудно переоценить. Он служил форпостом западного побережья нашей страны. Мимо него проходили морские пути к Таллинну, Ленинграду, Хельсинки, Риге и Либаве. Поэтому и неудивительно, что в течение многих веков за Моонзунд шла упорная борьба всех прибалтийских государств. Лишь в 1721 году

Петру I удалось присоединить острова Моонзундского архипелага к России. Спустя почти двести лет, в октябре 1917 года, им пришлось сыграть историческую роль в защите колыбели революции Петрограда. Гарнизон Моонзунда во взаимодействии с кораблями революционного Балтийского флота сковал германский кайзеровский флот, насчитывавший более трехсот боевых кораблей и судов, в том числе новейшие линкоры, крейсера и подводные лодки, закрыв им путь в Финский залив и дальше к Петрограду.

Советское правительство, стремясь обезопасить свои северо-западные границы и не дать возможности фашистской Германии вовлечь прибалтийские государства в свой внутренний блок и тем самым создать удобный плацдарм в Прибалтике для нападения на Советский Союз, предложило правительству буржуазной Эстонии заключить договор о взаимопомощи. Под давлением эстонского рабочего класса и крестьянства, которые всегда стремились жить в дружбе и сотрудничестве с советским народом, 28 сентября 1939 года был подписан пакт о взаимопомощи между СССР и Эстонией. По этому пакту в целях совместной обороны Советский Союз имел право на островах Моонзундского архипелага и в порту Палдиски разместить свои войска численностью до 25 тысяч человек.

Перед Краснознаменным Балтийским флотом встала ответственная задача по организации новых мест базирования кораблей флота и создания обороны на приморских направлениях. В октябре 1939 года была сформирована Береговая оборона Балтийского района. В первую очередь намечалось создание мощной артиллерийской обороны на островах Моонзундского архипелага, где должны были строиться береговые батареи калибром 130 - 406 миллиметров.

К лету 1940 года внутренняя обстановка в Эстонии резко обострилась. Профашистские правящие круги оказались изолированными от своего народа, и правительство президента Пятса вынуждено было уйти в отставку. Новое демократическое правительство, возглавляемое поэтом Варесом, провело выборы в Государственную думу Эстонии, депутаты которой 21 июля 1940 года провозгласили в своей республике власть Советов и приняли декларацию о вступлении в состав СССР. Примеру Эстонии последовали Латвия и Литва.

Советская Прибалтика приобрела важное стратегическое значение для СССР, новая государственная граница теперь проходила дальше к западу от промышленных районов Советского Союза. Это, в свою очередь, потребовало широкого развертывания строительства береговой обороны военно-морских

баз и прибрежных участков, главная роль в которой отводилась дальнобойной береговой артиллерии.

В конце лета 1940 года военный совет Краснознаменного Балтийского флота пересмотрел план строительства береговых батарей крупного и среднего калибров в сторону их резкого увеличения. Строительство первой очереди должно было завершиться к сентябрю 1941 года, а второй, батарей калибром 305 - 406 миллиметров,- к июлю 1942 года.

Осложнение международной обстановки в начале 1941 года заставило военный совет флота сократить сроки строительства береговых батарей первой очереди, однако большинство батарей к началу войны построить не удалось. Сейчас на островах Моонзундского архипелага приходилось в спешном порядке и всеми имеющимися в распоряжении силами решать эту жизненно важную задачу. Работа продолжалась круглосуточно, в три смены. Вместе с инженерными подразделениями трудился и весь личный состав батарей.

Гораздо хуже обстояло дело с созданием сухопутной обороны островов. В состав Моонзундского архипелага входили четыре больших острова: Сааремаа (Эзель), Хиума (Даго), Муху (Моон) и Вормси, длина побережья которых составляла более 800 километров. Да еще имелось несколько сот мелких островков.

С вступлением Эстонии в состав СССР сухопутная оборона Моонзунда находилась в ведении Народного комиссариата обороны. Весной 1941 года, с открытием навигации, на Сааремаа прибыло Управление строительства Прибалтийского особого военного округа для постройки долговременных огневых точек, но к началу войны не было построено ни одного дота. Лишь саперным батальоном 3-й отдельной стрелковой бригады было сооружено сорок пулеметных и артиллерийских дзотов на побережье бухты Тагалахт, на полуострове Сырве и на острове Муху. Эти дзоты располагались в двух километрах один от другого и не могли обеспечить надежную оборону от высадки вражеского морского десанта.

Такое же положение было и на островах Хиума и Вормси. И тут и там сухопутная оборона островов планировалась и строилась из расчета высадки десантов противника с моря. Наступление же противника с материка совершенно не учитывалось. Никто не мог и подумать, что немецкие войска выйдут на территорию Эстонии, и в такое короткое время.

На Сааремаа и Муху в распоряжении Елисеева имелись 3-я отдельная стрелковая бригада, шесть береговых батарей калибром 130 - 180 миллиметров, четыре 76-миллиметровые зенитные батареи, два инженерных батальона, саперная рота и

еще несколько мелких подразделений. Всего - чуть больше восемнадцати тысяч человек. Кроме того, на островах Хиума и Вормси находился Северный укрепленный сектор, оперативно подчиненный Береговой обороне Балтийского района. В его состав входили два стрелковых и два инженерных батальона, шесть береговых батарей и две зенитные батареи - около пяти тысяч человек.

Мало, слишком мало сил для длительной обороны островов! К тому же ограничены запасы снарядов и патронов, снаряжения и продовольствия.

Елисееву были известны планы гитлеровского командования по захвату Моонзунда: разведчики эстонского истребительного отряда, переправившись на Большую землю, в районе Виртсу захватили офицера связи одной из дивизий 18-й немецкой армии.

Из документов было видно, что едва немецкие войска вторглись на территорию советских прибалтийских республик, как в штабе группы армий "Север" началась подготовка к взятию островов Моонзундского архипелага. С учетом быстрого продвижения немецких армий на север Моонзунд, являвшийся передовым опорным пунктом советского Балтийского флота, приобретал особое значение. На этих островах базировались советские подводные лодки, эсминцы, торпедные катера, самолеты, мешающие переправлять морем из Германии оружие, технику, боеприпасы и людей для обеспечения войск группы армий "Север". Верховное главнокомандование вооруженных сил Германии при составлении директивы No 21 под названием план "Барбаросса", исходя из опыта первой мировой войны, учло этот факт. Группе армий "Север" ставилась главная задача:

"...Уничтожить все действующие в районе Балтийского моря силы противника и путем занятия балтийских портов, кончая портами Ленинграда и Кронштадта, лишить русский флот его опорных пунктов".

Действующей на левом приморском фланге 18-й армии после занятия Литвы и Латвии предлагалось очистить от противника Эстонию, при этом

"проводить все необходимые подготовительные мероприятия к занятию Моонзундских островов таким образом, чтобы обеспечить возможность внезапного осуществления этой операции, как только позволит обстановка".

На одиннадцатый день наступления начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковник Гальдер после беседы с Гитлером напомнил штабу группы армий "Север" о необходимости освобождения Эстонии от русских войск в самое ближайшее время и занятия в первую очередь всего побережья. На

захват русских портов в Прибалтике с суши фюрер отводил всего три-четыре недели.

За этот срок войска 18-й армии сумели лишь овладеть Либавой, Виндавой, Ригой и Пярну. Частям 291-й дивизии удалось занять важный в тактическом отношении порт Виртсу и взять под контроль семикилометровый пролив Муху-Вяйн, отделяющий Моонзундские острова от материка. К этому времени продвижение войск 18-й армии замедлилось. В районе Марьямаа они встретили упорнейшее сопротивление дивизий советской 8-й армии.

В штаб группы армий "Север" поступила подписанная Гитлером директива ОКВ No 33 о дальнейшем ведении войны на Востоке. В ней предписывалось "как можно быстрее овладеть островами на Балтийском море, которые могут явиться опорными пунктами советского флота".

21 июля Гитлер приехал в группу армий "Север" и имел беседу с ее командующим фельдмаршалом фон Леебом. Фюрер требовал быстрейшего взятия Ленинграда и Кронштадта и очищения Финского залива от флота русских. Его очень беспокоил советский Балтийский флот, особенно подводные лодки. Если их лишить баз в Финском заливе и на островах Моонзундского архипелага, то они не смогут помешать Германии перевозить по Балтийскому морю железную руду из Швеции и осуществлять снабжение морем группы армий "Север".

Буквально через два дня Гитлер подписал дополнение к директиве ОКВ No 33: "Силы противника, все еще действующие в Эстонии, должны быть уничтожены".

Фельдмаршал фон Лееб поставил перед 18-й армией задачу нанести решающий удар в стык 10-го и 11-го стрелковых корпусов 8-й советской армии и в самое ближайшее время выйти к Финскому заливу в районе мыса Юминда, отрезанную от основных русских войск таллиннскую группировку прижать к морю и уничтожить.

Еще через неделю, 30 июля, в директиве ОКВ No 34 указывалось, что "первоочередной задачей всех сил 18-й армии является очищение от противника Эстонии. Лишь после этого ее дивизии начнут выдвигаться в направлении на Ленинград".

Штаб группы армий "Север" представил фельдмаршалу два плана захвата островов Моонзундского архипелага под кодовыми названиями "Беовульф I" и "Беовульф II". По первому из них предполагалось высадку десанта на остров Сааремаа произвести с Курляндского побережья Латвии через Ирбенский пролив. По второму - десант из района Виртсу через неширокий пролив Муху-Вяйн предполагалось перебросить на восточный берег

острова Муху. Фон Лееб сразу же отверг план "Беовульф I" как неосуществимый. Слишком широк Ирбенский пролив, да и укреплен русскими полуостров Сырве очень хорошо.

План "Беовульф II" являлся наиболее реальным, и фельдмаршал утвердил его. Пролив Муху-Вяйн неширок, по сведениям агентурной разведки, восточный берег острова Муху не укреплен, на нем еще только начиналось строительство земляных укреплений силами инженерных батальонов и местного населения.

В операции по взятию островов предусматривалось участие пехотных соединений, артиллерии, авиации, немецкого и финского военно-морских флотов, в состав которых входили немецкие крейсера "Эмден", "Лейпциг", "Кельн" и финские броненосцы береговой обороны "Ильмаринен" и "Вяйнемяйнен".

Легкие силы немецкого флота довольно быстро сумели закрыть острова Моонзундского архипелага минными заграждениями. Юго-западнее полуострова Сырве были поставлены два минных заграждения под условным названием "Эйзенах" и "Эрфурт", северо-западнее острова Сааремаа - "Корбут", севернее острова Хиума - "Апольда" и северо-западнее острова Вормси - "Гота".

Бомбардировочная и истребительная авиация почти ежедневно наносила удары по береговым батареям и местам базирования кораблей островного гарнизона. Гитлеровское командование прилагало все усилия для блокирования Моонзунда с воздуха, моря и материка, и небезуспешно.

Дата начала операции "Беовульф II" Елисееву не была известна: во взятых документах у пленного немецкого офицера связи она обозначалась как "День X".

Хуторской вариант

Двухдневные сборы по подготовке к новому заданию проводили в лесу, в трех километрах от аэродрома Беззаботное. Штаб авиагруппы особого назначения разместился в доме лесника, летчики и штурманы жили в палатках, по звеньям. Командирами звеньев Преображенский назначил командира 1-й эскадрильи капитана Ефремова, командира 2-й эскадрильи капитана Гречишникова, командира 4-й эскадрильи капитана Беляева и помощника командира 4-й эскадрильи старшего лейтенанта Фокина. Звено управления возглавил командир 3-й Краснознаменной эскадрильи капитан Плоткин.

Из Москвы, из штаба военно-воздушных сил ВМФ, прилетели флагманские специалисты для проведения занятий с летным составом. Вместе с ними занятия проводили полковник Преображенский и капитан Хохлов. Стрелки-радисты, воздушные

стрелки, техники самолетов, мотористы и оружейники готовили машины и вооружение к дальнему перелету.

Каждый понимал, что задание предстоит сложное и ответственное, недаром же за подготовкой летчиков и штурманов наблюдал сам командующий ВВС Военно-Морского Флота. Но куда именно будет перебазироваться авиагруппа, какие объекты предстоит бомбить,- никто не знал. Предположений было много. Одни говорили, что с эстонского аэродрома Палдиски придется защищать главную базу Краснознаменного Балтийского флота город Таллинн. Другие - систематическими бомбовыми ударами уничтожать военно-морской флот Финляндии, в первую очередь броненосцев береговой обороны "Вяйнемяйнен" и "Ильмаринен", спрятавшихся в шхерах Ботнического залива. Кто-то уверял, что в Балтийском море появилась мощная фашистская эскадра, в состав которой входят два карманных линкора типа "Тирпиц". Нашлись и такие, кто утверждал о целесообразности постоянных налетов с эстонских аэродромов на морские порты Мемель, Пиллау, Данциг, Свинемюнде и Штеттин с целью срыва бесперебойной доставки морем пополнения, вооружения, боеприпасов и техники группе армий "Север". Ведь в Эстонию уже отправили на автомашинах группу технического обеспечения со всем необходимым имуществом, запасными частями, оружием и боеприпасами. О бомбардировке Берлина никто из летчиков и штурманов даже и не подумал. В том числе и сам капитан Хохлов, за день до этого прокладывавший боевой курс от аэродрома Беззаботное до столицы фашистской Германии.

Преображенский на все вопросы отвечал многозначительной шуткой:

- Каждому овощу придет свое время!

На третий день утром командир авиагруппы произвел последнюю проверку экипажей первых тринадцати самолетов. Кажется, все в порядке, все учтено, все сделано. Приказ, составленный по распоряжению Преображенского начальником штаба 1-го минно-торпедного авиационного полка капитаном Бородавкой, гласил:

"2 августа 1941 года летно-технический состав авиагруппы особого назначения считать выбывшим на аэродром К. За командира полка остается капитан Федоров".

К полудню экипажи и технический состав разместились на ДБ-3.

- Лететь за мной,- распорядился Преображенский.- В полете радиопередатчиками пользоваться категорически запрещаю.

В 12 часов 30 минут первым поднялся в воздух дальний бомбардировщик командира авиагруппы. За ним взлетели

остальные двенадцать ДБ-3. Сделав круг над аэродромом, флагман взял курс на запад. Справа медленно проплыл Ленинград, остался Кронштадт. Высота три тысячи метров. Авиагруппа особого назначения летела над центром Финского залива.

Штурман Хохлов морщил лоб, недовольный молчанием командира. И скрытен же полковник! Ведь в полете уже, пора бы сообщить конечную точку маршрута.

Миновали острова Лавенсари, Гогланд. Справа, вдалеке, виден Хельсинки. Слева вырисовываются контуры Таллинна. Но самолет летит строго на запад.

- Курс на остров Сааремаа,- наконец услышал Хохлов в шлемофоне голос Преображенского.- Посадка на аэродроме Кагул.

- Так там же посадочная полоса с гулькин нос! - вырвалось у Хохлова. Он знал все аэродромы Прибалтики. Кагул предназначался лишь для легких самолетов. Как сажать туда громоздкие ДБ-3?

- Аэродром для нас подготовлен,- успокоил штурмана Преображенский.

Дальние бомбардировщики повернули на юг. Слева в дымке растворился Таллинн. Проплыл мимо приморский городок Палдиски. Под крыльями - Моонзундский архипелаг. Второй по величине остров - Хийумаа, неширокий пролив Соэла-Вяйн. За ним, весь покрытый зеленым лесом,- остров Сааремаа. Хохлов точно вывел группу ДБ-3 на Кагул. Вот уже видно овальной формы поле аэродрома с серой грунтовой взлетно-посадочной полосой. На границе аэродрома с окружающим лесом видны маленькие самолетики - "чайки". Ярко светится посадочное "Т".

Преображенский с ходу пошел на посадку. Внешне неуклюжий бомбардировщик мягко коснулся грунта, чуть подпрыгнул и плавно покатился по полосе. Затем он свернул на траву, освобождая полосу для садящегося следом самолета.

Заглушив моторы, Преображенский соскочил на землю, огляделся. Вот, оказывается, каков этот небольшой аэродром Кагул, откуда предстоит им теперь действовать. "Мал золотник для наших ДБ-три, да, как говорится, дорог!" подумал полковник.

Все самолеты произвели посадку благополучно.

Генерал-лейтенант Жаворонков прилетел на Сааремаа с экипажем старшего лейтенанта Фокина. Этому смелому, лихому и решительному человеку он симпатизировал с того памятного для всех морских летчиков случая в первые дни войны, когда Фокин, рискуя жизнью, спас экипаж боевого товарища. Было это так...

...Эскадрилья дальних бомбардировщиков 1-го минно-торпедного авиационного полка нанесла бомбовый удар по скоплению танков противника. Гитлеровцы встретили ДБ-3 плотным зенитным огнем и подожгли самолет капитана Есина, который, не дотянув до линии фронта, сделал вынужденную посадку поблизости от вражеского гарнизона. Фокин, не задумываясь, посадил свою машину рядом, чтобы спасти товарищей от гибели.

У капитана Есина оказались обожженными ноги, а стрелок-радист и воздушный стрелок были ранены. Не пострадал лишь штурман.

Экипаж Есина быстро разместили в самолете Фокина. И вовремя! К месту посадки уже мчались гитлеровские мотоциклисты.

Фокин мастерски поднялся с небольшой площадки и на бреющем пролетел над дорогой, приказав стрелкам "проучить фрицев". Стрелки расстреляли мотоциклистов из пулеметов, отомстив за погибший самолет.

Капитан Есин быстро поправился, и его тоже включили в состав авиагруппы особого назначения.

Аналогичный подвиг совершил и командир 1-й эскадрильи капитан Ефремов. 10 июля, когда его эскадрилья бомбила вражеские моторизованные колонны, зенитки подожгли самолет старшего лейтенанта Селиверстова. Выйдя из боя, Селиверстов повел горящий ДБ-3 к линии фронта, но дотянуть до нее не смог, пламя охватило всю машину. По радио Ефремов приказал ему немедленно посадить самолет и спасти экипаж.

Селиверстов сел на лесную поляну. Ефремов засек это место на карте, вернулся на аэродром, доложил обо всем командиру полка и попросил разрешения слетать за попавшими в беду боевыми товарищами.

Непросто было разыскать их в лесу, нелегко было посадить на небольшую поляну самолет, но Ефремов нашел друзей и сел рядом с пострадавшим самолетом. У летчика оказались большие ожоги, у стрелка-радиста сломаны руки, ранен и штурман. Вдвоем с воздушным стрелком Ефремов перенес раненых в свой самолет.

Подняться с такой маленькой поляны с мягким мшистым покровом было труднее, чем сесть на нее. Двенадцать раз измученные Ефремов и воздушный стрелок разворачивали машину, и только на тринадцатой попытке удалось наконец взлететь.

Вот каким отважным летчикам было поручено задание бомбить фашистскую столицу!

Жаворонков с беспокойством думал о предстоящем первом ударе по Берлину. В летчиках и штурманах он не сомневался, они не подведут. Волновало его другое: как надежно обеспечить полеты? Обеспечение это включало широкий круг вопросов: наличие удобной, скрытой от наблюдения с воздуха стоянки ДБ-3, их охрана; прикрытие истребительной авиацией взлета и посадки самолетов, создание достаточной плотности зенитного огня при отражении налетов на аэродром вражеских бомбардировщиков; разведка погоды; служба наблюдения, оповещения и связи; организация аварийно-спасательных работ; тщательная подготовка экипажей к вылетам; ремонт самолетов; снабжение горючим и боеприпасами; размещение летно-технического состава и еще многое, многое другое.

От размышлений Жаворонкова отвлек подошедший с докладом командир 12-й отдельной Краснознаменной истребительной авиационной эскадрильи майор Кудрявцев. Жаворонков внимательно его выслушал.

- Сколько у вас истребителей? - переспросил он.

- Пятнадцать "чаек" осталось...

- Не густо!

- Было двадцать семь. До начала войны...

- Летчики как?

- Ребята воюют отважно. Не новички. Боевую закалку получили солидную...

В мастерстве летного состава эскадрильи Жаворонков был уверен. До сих пор "чайки" успешно наносили удары по вражеским кораблям, пытавшимся через Ирбенский пролив прорваться в Ригу. Но ведь истребитель И-153, или "чайка",вчерашний день авиации. Он тихоходен и по своим тактико-техническим данным значительно уступает немецким "мессершмиттам". А гитлеровцы, узнав о базировании в Кагуле дальних бомбардировщиков, наверняка бросят сюда свои лучшие самолеты. И невзирая на опыт и отвагу наших летчиков, тягаться с высокоманевренными и скоростными самолетами врага стареньким "чайкам" будет очень трудно.

- Пару раз встречались с "мессерами",- догадываясь, о чем думает командующий, сказал Кудрявцев.

Жаворонков с любопытством взглянул на майора.

- И как?

- Ничего. Приноровились. Одного "мессера" отправили на корм рыбам. Правда, и нашей "чайки" недосчитались.

- Нельзя позволить "мессерам" хозяйничать здесь, майор. Никак нельзя! Задание у бомбардировщиков очень важное. И ваша эскадрилья должна обеспечить их безопасность,- внушал генерал Кудрявцеву.

Подрулил к опушке леса последний, тринадцатый, бомбардировщик. Трехлопастные стальные винты замедлили свое вращение и с затихающим свистом остановились. Над Кагулом воцарилась тишина.

Преображенский построил летно-технический состав, доложил Жаворонкову:

- Товарищ генерал, авиагруппа особого назначения построена. Командир авиагруппы полковник Преображенский.

- Объявите личному составу о предстоящей задаче.

Преображенский вопросительно посмотрел на командующего: почему он сам не сообщит летчикам причину их перебазирования на остров Сааремаа? Ведь это же такое важное и радостное сообщение! Предстоит летать в само логово Гитлера!

Жаворонков понял, о чем думал полковник.

- Командир группы - вы, вам и боевую задачу ставить,- разрешил он его сомнения.

- Есть!

Преображенский вышел на середину строя. Обычно спокойный и порой даже несколько флегматичный, сейчас он явно волновался. Это не ускользнуло от стоящих перед ним людей, и они не сводили с командира глаз.

- Товарищи,- голос командира дрогнул, надломился, точно горло сдавила спазма.- Товарищи! - он уже овладел собой и говорил спокойно и четко.- На нашу авиагруппу особого назначения лично товарищем Сталиным возложена ответственная боевая задача: в ответ на бомбардировку Москвы нанести бомбовые удары по столице фашистской Германии городу Берлину!..

Несколько секунд строй сосредоточенно молчал, осознавая услышанное. Потом над аэродромом разнеслось дружное ликующее "Ура!". Преображенский, которому самому хотелось кричать от радости, сдерживался и терпеливо ждал, когда все успокоятся. А затем торжественно, как слова присяги, произнес:

- Мы клянемся, что с честью выполним ответственное задание нашей любимой Родины, Коммунистической партии!

И снова далеко разнеслось многоголосое "Ура!".

Теперь, когда летно-технический состав авиагруппы особого назначения знал, какую боевую задачу предстояло решать, надо

было готовиться к первому полету. План работы уже был составлен. Самым важным делом было обеспечение сохранности дальних бомбардировщиков на стоянке. Противник, который знает тактико-технические данные ДБ-3, быстро сообразит, где они базируются, разыщет островной аэродром и, конечно же, будет пытаться его уничтожить. От его бомб не спасет простое рассредоточение ДБ-3 по аэродромному полю: цель крупная, не спрячешь здесь. Значит, надо искать надежные способы маскировки.

Жаворонков предложил Преображенскому, командиру 12-й отдельной эскадрильи майору Кудрявцеву и командиру авиабазы майору Георгиади осмотреть окружающую местность. На машине они проехали по периметру аэродрома, по проселочным дорогам, останавливались на заросших травой лужайках, возле полей, разделенных на маленькие участки. Где же разместить бомбардировщики? Куда ни поставь, с воздуха они будут заметны.

Остановились на хуторе, у колодца. Из радиатора повалил пар, и шофер решил добавить холодной воды. Все вышли из машины и осмотрелись. Деревянный дом, крытый потемневшим от старости камышом, был окружен фруктовым садом. Поодаль разбросаны сараи, баня и еще какие-то постройки.

Из дома вышел хозяин, высокий пожилой эстонец.

- Тере,- склонил он голову.

- Тере, тере,- ответил Кудрявцев и разъяснил генералу: - По-эстонски это означает "здравствуйте".

Хозяин хутора пригласил гостей в дом, жестом показывая на открытую дверь. Жаворонков поблагодарил за приглашение.

- Время! - показал он на ручные часы. Командир авиабазы ходил между построек, будто что-то вымеряя шагами.

- Если подогнать самолеты к хуторским постройкам и замаскировать, то с воздуха можно будет принять их за сараи, например,- сказал Георгиади.

- Интересно! - Преображенский сразу же оценил идею командира авиабазы,Немецким летчикам и в голову не придет, что мы гостим у эстонцев.

Подумав, Жаворонков согласился. Пожалуй, "хуторской" вариант самый подходящий. Если ДБ-3 поставить рядом с сараем и накрыть маскировочной сетью, то с воздуха не различишь, где что стоит. Но как подогнать самолет к хутору? Ведь через все эти поля и огороды от границ аэродрома до хуторов нужно прокладывать рулежные дорожки. А некоторые хутора отстоят от аэродрома больше чем на два километра... Земля тут, правда, сухая, каменистая, утрамбовывать ее не надо. Зато нужно

заравнивать многочисленные ямы и канавы, снимать изгороди. Это все непросто. Да и как сами эстонцы посмотрят на такое беспокойное соседство? Без согласования этого вопроса с местными партийными и советскими органами не обойтись.

Высадив Преображенского, Кудрявцева и Георгиади на аэродроме, генерал поехал в городок Курессаре, чтобы встретиться с начальником островного гарнизона и первым секретарем уездного комитета партии. Нужно было решить с ними вопросы, связанные с обеспечением полетов авиагруппы особого назначения.

Комендант Береговой обороны Балтийского района генерал-майор береговой службы Елисеев и командующий ВВС Военно-Морского Флота генерал-лейтенант авиации Жаворонков встретились как старые знакомые. Они хорошо знали друг друга по совместной службе на Тихоокеанском флоте: один возглавлял береговую оборону, а другой - морскую авиацию.

- Здравствуйте, дорогой Алексей Борисович! - сказал Жаворонков, пожимая Елисееву руку.- Вот не думал, что вы с Дальнего Востока переберетесь на крайний запад!

- Превратности войны,- произнес Елисеев, по привычке кончиками пальцев теребя клинышек седой бородки.- Вот уж поистине -- "крайний запад". Дальше некуда - море. Кругом море.

- Видел, когда подлетал к Моонзунду. Сверху, между прочим, острова сказочные.

- Так оно и есть, Семен Федорович,- склонил большую голову Елисеев.- Места здесь красивые. Второй раз вот любуюсь.

Жаворонков недоуменно поглядел на коменданта. Елисеев улыбнулся.

- Я здесь начинал службу. Еще до революции...

...Район Моонзундского архипелага Елисеев давно и хорошо знал. Был он сначала рядовым матросом-комендором на крейсере "Россия", затем артиллерийским унтер-офицером на линейном корабле "Слава". Оттуда за революционную деятельность его списали на береговую батарею, находившуюся на острове Муху. Осенью 1917 года ему довелось участвовать в боях с кайзеровскими войсками, высаженными на остров Сааремаа.

В начале 1918 года Елисеев стал членом партии большевиков. Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа, за что был награжден орденом Красного Знамени. Его, как опытного командира-артиллериста, направили на Волгу для создания речной военной флотилии. Закончил он гражданскую войну на Каспийском море.

Потом Елисеева снова переводят на Балтику, назначив комендантом самого мощного форта - Красная Горка. Затем он

становится комендантом Кронштадтской крепости, а позднее - комендантом и комиссаром Береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота.

В предвоенные годы Елисеева, как большого специалиста в области использования береговой артиллерии, посылают на Тихоокеанский флот. Но в 1940 году он опять возвращается на Балтику, служит командиром военно-морской базы Ханко, а за месяц до начала войны назначается комендантом Береговой обороны Балтийского района...

- Никак не думал, что спустя двадцать четыре года во второй раз доведется сражаться за Моонзунд,- закончил свой рассказ Елисеев.

- Да, войны никто из нас не хотел,- сказал Жаворонков.- Но раз уж довелось воевать, я рад, что рядом будете вы, Алексей Борисович. Ваши знания этого района, ваш огромный опыт здесь будут очень нужны.

И Жаворонков рассказал Елисееву о том, зачем к нему приехал.

- Ждем от вас помощи, Алексей Борисович. Дело это большое, важное. Наше общее дело.

Елисеев не торопился с ответом. Обеспечение полетов на Берлин - дело многоплановое и непростое. Зависит оно к от условий на архипелаге, и от обстановки, складывающейся на всем Северо-Западном фронте. А ему, как коменданту Береговой обороны, нужно не только помочь летчикам, но и обеспечить оборону всего Моонзунда.

Обстановка же к этому времени сложилась очень тревожная. Немецко-фашистские войска, заняв Литву, Латвию и большую часть Эстонии, рвались к Ленинграду. Гарнизон Моонзунда в первые же недели войны оказался отрезанным от Большой земли.

Жаворонков уже знал от вице-адмирала Трибуца о тяжелом положении на отдаленных островах. Но обстановка здесь складывается, по словам коменданта БОБРа, гораздо серьезнее. Немцы в любое время могут начать форсирование из района Виртсу семикилометрового пролива Муху-Вяйн. Малочисленный гарнизон моонзундцев едва ли долго сможет противостоять превосходящим силам противника. Значит, налеты на Берлин прекратятся, ДБ-3 всегда базируются на тыловых аэродромах, а Кагул даже не прифронтовой аэродром - фактически он находится в тылу противника.

Больше всего Жаворонкова беспокоило воздушное прикрытие Кагула. Комендант Береговой обороны из своих противовоздушных средств выделил 12-ю отдельную Краснознаменную истребительную авиаэскадрилыо майора

Кудрявцева в составе пятнадцати "чаек" и две из четырех зенитные батареи. Обслуживание авиагруппы особого назначения возлагалось на 15-ю разведывательную авиационную эскадрилью МБР-2, базирующуюся на морском аэродроме у поселка Кихельконна. Все посты ВНОС (Воздушное наблюдение, оповещение и связь) переключались на обеспечение полетов дальних бомбардировщиков. Два инженерных батальона перебрасывались с оборонительных работ на восточном побережье острова Муху на строительство второго аэродрома в Асте, куда вскоре должна была прилететь вторая группа ДБ-3 в количестве двадцати самолетов.

- А чем же вы собираетесь прикрывать вторую авиагруппу? - поинтересовался Жаворонков.

- Придется отдать остальную зенитную артиллерию,- вздохнул Елисеев.- Да, вот еще что, Семен Федорович,- продолжал он.- Нельзя сбрасывать со счетов немецкую агентуру на островах. Она будет рыскать везде, пока не найдет ваши бомбардировщики. А ее помощниками станут кайтселиты. Это кучка местных националистов. Возможно нападение на стоянки самолетов. Потребуется круглосуточная охрана.

- Час от часу не легче,- озабоченно проговорил Жаворонков.- И так забот хоть отбавляй. А тут будь начеку каждую минуту.

- Мы выделим вам на усиление роту из эстонского оперативного батальона,обещал комендант.- Да и эстонский истребительный отряд будет в постоянной готовности. Я дам распоряжение начальнику особого отдела старшему политруку Павловскому.

- Спасибо, Алексей Борисович.

Елисеев вызвал в кабинет начальника штаба Береговой обороны подполковника Охтинского и начальника политотдела полкового комиссара Копнова, представил их командующему военно-воздушными силами ВМФ. На начальника штаба комендант возложил общее руководство обеспечением авиагруппы особого назначения, а начальника политотдела просил оказать помощь политработникам новой части гарнизона. Охтинский и Копнов обещали утром приехать в Кагул и на месте решить все необходимые вопросы.

Жаворонков стал прощаться, надо было еще заехать в уездный комитет партии.

- Возьмите с собой начпо,- посоветовал Елисеев.- Лаврентий Егорович - друг Муя, первого секретаря уездного комитета партии.

Дорогой Копнов рассказал генералу о первом секретаре Курессарского уездного комитета партии...

Александр Михайлович Муй - старейший коммунист Эстонии. В 1925 году за активную революционную деятельность буржуазное правительство арестовало его. И только летом 1940 года, когда к власти в республике пришел народ, революционер обрел долгожданную свободу. ЦК компартии Эстонии предложил Мую вернуться на свой родной остров Сааремаа, где он и был избран первым секретарем Курессарского уездного комитета партии.

В первые же дни войны по его инициативе из добровольцев был создан эстонский истребительный отряд, предназначавшийся для борьбы с немецкой агентурой. Потом, зная о малочисленности островного гарнизона, предложил создать эстонский оперативный батальон. Для новых формирований Береговой обороны Балтийского района - велосипедной роты и кавалерийской группы - Муй конфисковал у населения сто пятьдесят велосипедов и триста лошадей. На работу по созданию оборонительных укреплений он мобилизовал почти все трудоспособное население острова. На себя Александр Михайлович взял и обеспечение гарнизона овощами и рыбой.

Жаворонкова первый секретарь уездного комитета партии встретил очень приветливо. Муй понравился генералу своей рассудительностью и пониманием военной обстановки. Бросались в глаза его тонкие поджатые губы, открытый чистый лоб и большие роговые очки, из-за которых внимательно смотрели на собеседника пытливые голубые глаза.

Копнов представил Мую командующего военно-воздушными силами ВМФ, сказал о цели его прибытия на Сааремаа.

- О, это будет достойное возмездие за удары гитлеровской авиации по Москве! - заулыбался Муй.

- Требуется ваша помощь, Александр Михайлович,- заговорил Жаворонков.

- Все, что в наших силах, сделаем, товарищ генерал,- заверил Муй.

Они быстро обсудили вопросы, касающиеся обеспечения действий авиагруппы особого назначения, и в том числе "хуторской" вариант стоянки самолетов. Постройки в районе аэродрома и здание сельской школы для размещения летного состава передавались морским летчикам.

- Я сегодня же буду в Кагуле и все улажу, товарищ генерал,- заверил Муй.

Довольный встречей с комендантом Береговой обороны генералом Елисеевым и с первым секретарем Курессарского уездного комитета партии Александром Михайловичем Муем, Жаворонков вернулся в Кагул.

Пробный полет

Получив разрешение на "хуторской" вариант размещения бомбардировщиков, технический состав и группа обслуживания принялись за прокладку рулежных дорожек от аэродрома к хуторам. Приходилось заравнивать овраги, борозды, спиливать встречающиеся на пути деревья и корчевать пни, сносить изгороди и заборы. ДБ-3 рулил по готовой дорожке туда и обратно раза два-три и останавливался впритык к хуторским постройкам. Сверху на него накидывали маскировочную сеть. Возле каждого хутора размещалось не больше двух самолетов.

Майор Георгиади в это время с аэродромной командой и присланными Муем на помощь эстонцами удлинял взлетно-посадочную полосу. Тысячи сто метров для тяжелых бомбардировщиков явно мало. По грунту взлетать нелегко. Требовалось удлинить полосу еще хотя бы метров на двести. Для уменьшения веса самолета старший инженер авиагруппы военинженер 2 ранга Баранов предложил снять с некоторых машин часть оборудования, один пулемет и не брать воздушного стрелка. Это составляло по его подсчетам свыше 300 килограммов.

На размещение самолетов по "хуторскому" варианту ушло двое суток. Преображенский сам поднялся в воздух, чтобы посмотреть на аэродром и окрестности. Признаков стоянки бомбардировщиков не было видно. На обочинах зеленого поля виднелись лишь "чайки" из эскадрильи майора Кудрявцева.

- Молодцы ребята, чисто сработали! - похвалил Преображенский.- Пусть теперь попробуют немецкие самолеты-разведчики обнаружить нас.

Летный состав к аэродромным работам не привлекался. Летчики и штурманы готовились к удару по Берлину. Занятия проводили командир полка полковник Преображенский и флагманский штурман капитан Хохлов. Маршрут от Кагула до Берлина, нанесенный на карты,- особенный. От Сааремаа до Штеттина он шел через Балтийское море и только потом до Берлина - над землей. Ориентиры в море шведский остров Готланд и датский остров Борнхольм. Расстояние в оба конца 1760 километров, в том числе 1400 километров над морем. Высота полета предполагалась близкой к практическому потолку - около 7000 метров. Времени на полет при условии одного захода на цель потребуется в среднем около семи часов. По расчетам горючего должно хватить для возвращения на свой аэродром. В случае же штурманской ошибки при выходе на цель и удлинения маршрута самолет может не дотянуть до Кагула, и ему придется садиться на воду или на занятую противником

территорию. Для оказания помощи севшим в море бомбардировщикам на морской аэродром у поселка Кихельконна уже прилетели две двухмоторные летающие лодки Че-2 (конструкции Четверикова) под командованием капитана Усачева, а вот если доведется совершить вынужденную посадку на занятой противником территории, то следует сжечь ДБ-3 и через линию фронта пробиваться к своим. Запасной аэродром - в Асте, а если хватит бензина,- на материке, в Палдиски. От штурманов требовалось особое мастерство вождения самолета: определить свое место на море при плохой видимости чрезвычайно трудно, ориентироваться придется лишь по компасу, точному расчету времени и скорости полета с поправкой на метеоусловия.

Особое внимание Преображенский обратил на изучение целей. Каждому самолету он выделил военный объект, с тем чтобы как можно шире рассредоточиться над Берлином и охватить бомбардировкой весь город.

Летчики и штурманы тщательно изучили карту Берлина. В городе имелось десять самолетостроительных, семь авиамоторных и восемь заводов авиавооружения, двадцать два станкостроительных и металлургических завода, семь - электрооборудования и тринадцать газовых, десятки складов военно-промышленного оборудования. Берлин обеспечивали электроэнергией семь электростанций, в его черте были двадцать четыре железнодорожные станции. Основными объектами бомбового удара для ДБ-3 являлись танкостроительный и авиамоторный завод "Даймлер-Бенц", заводы "Хейнкель", "Фокке-Вульф", "Шварц", "Симменс", "Цеппелин", железнодорожные станции, на которых сосредоточивались воинские эшелоны с вооружением и боеприпасами для восточного фронта, и электростанции.

Запасными целями являлись город Штеттин (третий морской порт Германии после Гамбурга и Бремена) - пункт ввоза железной руды из Швеции и город Кенигсберг со своими крупнейшими кораблестроительными верфями, паровозо- и вагоностроительными, химическими, литейными и машиностроительными заводами и складами горючего. Второстепенные запасные цели - порты Данциг, Гдыня, Пиллау, Мемель и Либава, где базировались корабли и суда немецкого военно-морского флота.

Задачей каждого экипажа было долететь до главной цели - Берлина. И только в случае неполадок в материальной части разрешалось сбросить бомбовый груз на запасную цель.

5 августа авиагруппа особого назначения была полностью

готова к выполнению боевой задачи. К этому времени из Беззаботного прилетели в Кагул и остальные семь самолетов.

"Лондон, 26 июля (ТАСС). Как передает агентство Рейтер, английское министерство авиации сообщает, что во время налета на Берлин в ночь на 26 июля было сброшено некоторое количество бомб самого крупного калибра. В центре города появились огромные красные молнии. Четырехмоторные бомбардировщики с полным грузом бомб маневрировали при свете осветительных ракет, которые были сброшены, чтобы определить точное расположение объектов. Один из офицеров английских военно-воздушных сил рассказывает, что вначале германская зенитная артиллерия не подавала признаков жизни, но как только были сброшены бомбы, все зенитные батареи открыли огонь. Мы находились над самым городом, говорит этот офицер. Направляясь туда, мы пролетели через полосу грозы и пробивались сквозь тучи, над Германией небо было чистое. Мы прорвались через два кольца прожекторов, прежде чем оказались над Берлином".

Преображенский положил "Правду" за 27 июля и взял свежий номер. Так же внимательно прочел сообщение о новой бомбардировке английской авиацией Берлина, Гамбурга и Киля.

"Лондон, 3 августа (ТАСС). Агентство Рейтер передает коммюнике английского министерства авиации, в котором говорится, что минувшей ночью английские самолеты подвергли бомбардировке Берлин. Это был один из наиболее интенсивных налетов, когда-либо совершавшихся на германскую столицу. В городе возникло много крупных пожаров. Бомбардировке подверглись также порты в Гамбурге и Киле, которым причинен огромный ущерб. Небольшое соединение английских самолетов совершило налет на доки Шербурга. Из всех операций четыре английских самолета не вернулись на свои аэродромы".

"Лондон, 3 августа (ТАСС). Как передает агентство Рейтер, английское министерство информации сообщает, что в налете на Берлин в ночь на 3 августа принимали участие крупные соединения английских четырех- и двухмоторных бомбардировщиков. Английские самолеты начали налет на Берлин во всех направлениях. После того как на город упала первая бомба, германская зенитная артиллерия открыла огонь по самолетам. Однако, поскольку над городом одновременно находилось значительное число бомбардировщиков, германская артиллерия не могла вести сосредоточенный огонь по отдельным самолетам. По заявлению летчиков, участвовавших в налете, наиболее интенсивной бомбардировке подвергся центр Берлина. Кроме того, большое количество зажигательных бомб было

сброшено над западной частью города".

Преображенский отложил газету, задумался. Сведения эти очень скупы, но и по ним можно было представить противовоздушную оборону столицы фашистской Германии. Из разведданных ему было известно, что вокруг Берлина расположено около шестидесяти оборудованных по последнему слову техники аэродромов, позволяющих базироваться любым самолетам. Город прикрывается армадой истребителей, в том числе и ночных с мощными фарами, которые встретят бомбардировщиков противника еще на подходе. Сам Берлин прикрыт аэростатными заграждениями, поднятыми на высоту свыше четырех тысяч метров. Зенитная артиллерия в радиусе до ста километров густо опоясывает город огненными кольцами. И везде прожектора. Их лучи освещают цели на высоте даже шести тысяч метров.

Заслон, казалось бы, непроходимый. Недаром Геббельс и Геринг кричат о непробиваемости неба над "столицей столиц мира". Но ведь английские летчики все же дошли до Берлина! Значит, дойдут и советские самолеты. Правда, англичанам намного легче: расстояние в два раза короче да и бомбардировщики помощнее.

Советский дальний бомбардировщик ДБ-3, или Ил-4, конструкции Сергея Владимировича Ильюшина был одним из лучших самолетов в мире по своему классу, и морские летчики очень гордились своей машиной, ласково называя ее "букашкой". Двухмоторный цельнометаллический моноплан был по-своему уникален и как нельзя лучше подходил для морской авиации. В военно-воздушных силах флота дальний бомбардировщик с успехом использовался в четырех вариантах: торпедоносца, минного заградителя, бомбардировщика и воздушного разведчика. Его тактико-технические данные вполне отвечали требованиям современной бомбардировочной авиации, что подтвердили первые недели войны. В максимальных цифрах они выглядели внушительно: полетный вес -13 тонн, потолок - до 10 тысяч метров, скорость - свыше 400 километров в час, запас горючего в баках - 3000 литров, что обеспечивало дальность полета до 2300 километров, бомбовая нагрузка - 3 тонны. ДБ-3 располагал бомбоотсеком для десяти стокилограммовых бомб и имел еще три наружных бомбодержателя под центропланом для подвески крупнокалиберных авиационных бомб весом 250, 500 и 1000 килограммов.

В вариантах боевого использования как торпедоносца ДБ-3 брал на внешнюю подвеску одну торпеду для высотного или низкого торпедометания, а как минный заградитель - одну мину с

якорной установкой или две авиационные мины донные АМД-500.

В случае использования ДБ-3 в качестве воздушного разведчика на его борту устанавливалась аэрофотоаппаратура для плановой и перспективной съемки.

Для отражения атак истребителей противника ДБ-3 имел на вооружении четыре пулемета системы ШКДС калибром 7,62 миллиметра со скорострельностью каждого свыше двух тысяч выстрелов в минуту.

Экипаж дальнего бомбардировщика состоял из четырех человек: летчика, штурмана, стрелка-радиста и воздушного стрелка. В случае вынужденной посадки на воду для их спасения на борту имелись надувная резиновая лодка и надувные спасательные жилеты.

Самолет располагал двойным управлением пилотирования в кабинах летчика и штурмана, внутренняя связь в нем осуществлялась по СПУ - самолетному переговорному устройству, а внешняя - через радиостанцию большой мощности.

Ничего не скажешь, грозная, современная боевая машина. Недаром кроме морской авиации ее взяла на вооружение и дальнебомбардировочная авиация Красной Армии. Расстояние от острова Сааремаа до Берлина и обратно ДБ-3 по своим тактико-техническим данным перекрывает свободно. А вот практически этот маршрут полета для него окажется сейчас предельным из-за изношенности моторов. Ведь за пять недель войны эти самолеты использовались в боях без какого-либо ограничения. Поэтому при полете на Берлин следовало особо учитывать данный фактор, как и бомбовую нагрузку, погоду, высоту полета, крейсерскую скорость и, что не менее важно, грунтовую взлетную полосу.

Полковник Преображенский рассчитал время полета. Самое выгодное время появления над Берлином - с часу до двух ночи. Значит, вылетать из Кагула надо вечером часов в девять-десять, а возвращаться придется в четыре-пять утра. Летние ночи на Балтике коротки, и, к сожалению, в темное время суток никак не уложиться. Это представляло серьезную опасность, так как немецкие истребители, базирующиеся на прибрежных аэродромах Латвии и Литвы, могут пойти наперехват перегруженным, да еще идущим с набором высоты ДБ-3. Помощь тихоходных "чаек" едва ли окажется достаточно эффективной. Точно так же "мессершмитты" могут перехватывать ДБ-3 и при возвращении на Сааремаа. Да, условия полета на Берлин очень тяжелы. Риск огромный. Об этом знали и летчики, и командование. Но налеты должны состояться невзирая ни на что.

- Погоду, погоду, погоду! - сердито требовал Жаворонков от

стоявшего перед ним начальника метеослужбы штаба военно-воздушных сил КБФ капитана Каспина, которого летчики, шутя, называли "метеобогом".- Сейчас от погоды зависит все. Понимаете, все!

Они находились на подземном командном пункте 12-й отдельной эскадрильи, где теперь размещался штаб авиагруппы особого назначения.

- Нет погоды, товарищ генерал. Циклоны с Атлантики господствуют,оправдывался метеоролог.

Каспин не обнадеживал. Он считал, что в ближайшие дни будет держаться густая облачность до 10 - 12 баллов, сильный порывистый ветер, дождь и, возможно, гроза. Балтика капризна. И даже когда нет облаков, земля не всегда бывает видна. Вечерами и особенно по утрам над ней расстилается такой туман, что балтийское побережье Германии может быть совсем закрыто. На Сааремаа тоже может быть неважная видимость: "островки" тумана могут появиться над лощинами и полями, закрыть аэродром Кагул. А вот метеоусловия в районе Берлина вообще неизвестны.

Выходило, что экипажам придется лететь вслепую от Кагула чуть ли не до самого Берлина. Морские ориентиры - острова Готланд и Борнхольм будут скрыты облаками, а прибрежные - возможным туманом. Штурманы в этих сложных условиях могут сбиться с курса и не доведут самолеты до цели. А если и доведут, то не дойдут на обратном пути до своего аэродрома, так как расчетного количества бензина хватит только на точно выдержанный маршрут. Придется садиться где попало, а это - большой риск.

А Ставка торопила. Немецкая авиация продолжала ежедневно бомбить Москву. При каждом докладе наркома ВМФ адмирала Кузнецова Сталин интересовался подготовкой ответного удара по Берлину. Нарком же, в свою очередь, требовал от Жаворонкова ускорить операцию. Да и Жаворонков не мог без конца ссылаться на нелетную погоду: в конце концов в Москве скажут, что же это за морские летчики, которые могут летать лишь при ясной погоде? Летный состав авиагруппы с нетерпением ждал полета на Берлин, а капитан Каспин дает прогнозы погоды один мрачнее другого. Вот тебе и "метеобог"! Правда, Преображенский не давал экипажам засиживаться. Он посылал их бомбить морские порты Мемель и Либаву, где базировались немецкие корабли. Это помогало летчикам и штурманам досконально изучить подходы к своему аэродрому, привыкнуть к ночным полетам и посадкам, безошибочно определять входные ориентиры. Каждый вылет на бомбардировку полковник тщательно анализировал, отмечал

удачные действия летчиков и штурманов и заострял внимание на упущениях.

Летчики и штурманы же жаловались на погодные условия. При наборе высоты они сразу же попадали в сплошную облачность. Сориентироваться в море было невозможно. Это заставило Жаворонкова еще серьезнее учитывать метеоусловия на маршруте Кагул - Берлин.

- Вот что, Каспин, я должен знать погоду на каждый час,- говорил Жаворонков.- Вы понимаете, капитан, как она нам нужна сейчас?

- Понимаю, товарищ генерал,- соглашался Каспин,- но я же не бог, нет погоды,- и он беспомощно разводил руками.

Жаворонков вызвал к себе командира эскадрильи летающих лодок Че-2 капитана Усачева. Посоветовавшись, Жаворонков, Каспин и Усачев решили с утра до позднего вечера осуществлять дальнюю разведку погоды по маршруту вплоть до Штеттина.

Несколько дней Каспин с Усачевым летали по маршруту к берегам Германии. Их метеосводки изучал начальник штаба авиагруппы капитан Комаров. Сведения были неутешительными. Погода ожидалась не ранее 8 августа.

Жаворонков принял решение: первый удар по Берлину нанести в ночь на 8 августа 1941 года, о чем шифровкой доложил наркому Военно-Морского Флота.

Ну а пока следовало послать в пробный полет на Берлин хотя бы пять дальних бомбардировщиков. Это давало возможность разведать маршрут над морем, проверить противовоздушную оборону на подступах к столице фашистской Германии и, учитывая изношенность моторов и сложность метеоусловий, практически определить бомбовую нагрузку на каждый самолет.

Генерал сам на карте начертил намеченный маршрут пробного полета, который по изломанной линии от острова Сааремаа пролегал на запад до центральной части Балтийского моря, затем шел на юг к немецкому порту Штеттину, углублялся до семидесяти километров в глубь территории и резко поворачивал на восток в направлении на Данциг. От Данцига линия маршрута снова выходила в центральную часть Балтийского моря и оттуда возвращалась на Сааремаа.

Правда, можно было бы от Штеттина дальние бомбардировщики возвращать по старому маршруту, но уж слишком заманчива запасная цель -Данциг. Ведь именно с его внешнего рейда ушел в Атлантику флагман фашистского военно-морского флота линкор "Бисмарк" в сопровождении быстроходного крейсера "Принц Ойген". И сейчас на внешнем рейде Данцига, по сведениям разведки, находится немецкая

эскадра в составе линейного крейсера "Тирпиц", тяжелого крейсера "Адмирал Шеер", легких крейсеров "Нюрнберг", "Эмден", "Лейпциг", "Кельн" и нескольких эсминцев и миноносцев. То-то будет неожиданным для немецкой эскадры, когда на нее с тыла, из глубины немецкой территории, вывалятся советские бомбардировщики н начнут прицельное бомбометание по стоящим на якорях кораблям!

Полковник Преображенский по достоинству оценил предлагаемый командующим ВВС флота замысел пробного полета на Берлин. Конечно, лучше было бы дальним бомбардировщикам возвращаться от Штеттина на Сааремаа по прежнему маршруту, хотя и в то же время заманчиво нанести неожиданный бомбовой удар по фашистской эскадре на рейде Данцига. Следовало лишь отказаться от прицельного бомбометания, на немецких кораблях мощная противозенитная артиллерия, десятки скорострельных зенитных пулеметов. Можно потерять боевые экипажи, а это сейчас неоправданно, ведь главная цель - Берлин.

Жаворонков согласился с доводами полковника.

- Кто возглавит пробный полет на Берлин? - спросил он.

- Командир первой эскадрильи капитан Ефремов,- ответил Преображенский.

- Приглашайте капитана Ефремова со своим штурманом сюда, на командный пункт...

Капитан Ефремов и штурман старший лейтенант Серебряков явились на КП быстро; они находились поблизости, в штабной землянке на занятиях по изучению обстановки в районе Берлина, которое вел прилетевший из Москвы флагманский штурман авиации Военно-Морского Флота полковник Мастипан.

Боевую задачу на пробный полет поставил сам командующий ВВС флота, Серебряков тут же перенес маршрут на свою штурманскую карту. Лететь придется фактически вслепую: ночью и почти в сплошной облачности.

Определили бомбовую нагрузку на каждый самолет. Решили брать по 800 килограммов фугасных авиационных бомб ФАБ-250 и ФАБ-100.

Преображенский назвал остальные четыре экипажа ДБ-3 летчиков капитана Беляева, старших лейтенантов Семенова и Трычкова, лейтенанта Леонова.

В ночь на 5 августа пять дальних бомбардировщиков взлетели с аэродрома Кагул с интервалом в десять минут и взяли курс на Штеттин. Каждый ДБ-3 шел самостоятельно, радиосвязь между бомбардировщиками в воздухе запрещалась.

Ефремов перед взлетом посмотрел на часы: стрелки показывали ровно двадцать два часа. Сразу же с набором высоты

самолет вошел в плотные слои облаков. Стрелка высотомера медленно ползла вверх, достигла отметки четырех тысяч метров, но облачности, казалось, не будет и конца. Можно было бы еще "поднимать" потолок, но тогда придется надевать кислородные маски, что затруднит работу.

Ефремов перевел ДБ-3 в горизонтальный полет, откинулся на спинку кресла. Сразу же почувствовал холод, ведь кабина летчика не герметична. На земле было жарко в меховом комбинезоне, а тут, на высоте, без него невозможно обойтись. Самолет затрясло точно на ухабах - попали в зону разреженных кучевых облаков. В образовавшиеся маленькие "окна" Ефремов пытался разглядеть море, но ничего не видно. Напрасная трата сил. Лучше смотреть на тускло освещенные приборы, они привычно успокаивают нервы. Полет фактически еще только начинался, впереди неизведанная и оттого загадочно-страшная немецкая земля. Как-то встретит она советские самолеты, первыми с начала войны появившиеся в воздушном пространстве фашистской Германии?

- Штурман, как там у вас? - поинтересовался по СПУ Ефремов, нарушив обычное для всех членов экипажа молчание во время полетов.

- Все хорошо, товарищ командир. Приборы в норме,- охотно отозвался Серебряков.

- Стрелок-радист?

- Полный порядок на седой революционной Балтике! - послышался ответ младшего лейтенанта Анисимова.- Никаких отклонений! Не считая собачьего холода.

- Над Штеттином будет теплее,- пообещал Ефремов.- Немцы с удовольствием подбросят нам огонька...

И опять длительное молчание. Наконец голос штурмана:

- Товарищ командир, подходим к расчетной поворотной точке маршрута. Мы над центральной частью Балтики. Прошу лечь на курс сто восемьдесят пять.

- Курс сто восемьдесят пять,- повторил Ефремов, разворачивая ДБ-3 почти строго на юг.

Снова молчание. В ушах беспрестанный, ровный рокот двух мощных моторов бомбардировщика. Где-то сзади следом идут ДБ-3 Беляева, Семенова, Трычкова и Леонова.

Стрелки часов давно уже перевалили за цифру "24" - начинались новые сутки, 5 августа 1941 года.

- Товарищ командир, подходим к береговой черте,- почти торжественным голосом передал Серебряков. Ефремову понятно было волнение штурмана: еще бы, они первыми подходят к территории фашистской Германии.

- Есть береговая черта! - воскликнул Серебряков.- Справа по

курсу скоро будет Штеттин...

Сколько ни вглядывался Ефремов, внизу ничего не было видно. Штеттин закрыли толстые слои облаков, а спускаться ниже рискованно, можно напороться на аэростаты заграждения.

- Товарищи дорогие, друзья! - обратился по СПУ к своему экипажу Ефремов.Летим над фашистской землей! Поздравляю! Мы - первые!

- Проторим дорожку,- отозвался стрелок-радист младший лейтенант Анисимов.Потом сделаем из нее целый воздушный тракт Кагул - Берлин!

В томительном ожидании минуты полета тянулись медленнее обычного. Там, внизу, под крыльями родной "букашки" вражеская земля. И с нее вот-вот могли открыть огонь зенитки по неизвестному самолету.

Но фашистская земля упорно молчала. То ли немецкие зенитчики не слышат рокота моторов советского бомбардировщика, то ли не стреляют из-за того, что не видят в облаках цели. Даже прожектора для поиска не используют, не хотят демаскировать свои позиции.

- Товарищ командир, подходим к конечной точке маршрута! --доложил Серебряков. - Отдаленность от береговой черты - шестьдесят пять километров.

- Давайте на Данциг, штурман.

- А может, товарищ капитан, махнем до самого Берлина? - вмешался в разговор стрелок-радист Анисимов.- Ведь осталось-то совсем ничего!

- Наблюдайте повнимательней за верхней полусферой,- охладил пыл радиста-стрелка Ефремов.

- Есть, наблюдать за верхней полусферой! - понял свою оплошность Анисимов.- Извините, товарищ капитан....

В шлемофоне прозвучал голос штурмана:

- Курс на Данциг - семьдесят девять градусов...

Снова ожидание открытия огня немецкой зенитной артиллерией, но уже менее назойливое, чем раньше. Но немцы на земле по-прежнему молчат. А уже и Данциг. К нему ДБ-3 подходит с юго-запада, из глубины немецкой территории. Ни сам город, ни внешний рейд порта не видны, они надежно скрыты от наблюдения толстым слоем облаков.

- Данциг под нами! - сообщил Серебряков.- Подходим к цели. Даю боевой курс...

Внизу в темноте внешний рейд порта. На нем базируется немецкая эскадра во главе линейного крейсера "Тирпиц" и тяжелого крейсера "Адмирал Шеер". Но где конкретно корабли, в каком квадрате стоят на якорях, предположить невозможно.

Поэтому бомбить приходится по расчетам штурмана, а они далеко не точны. За все время полета не было видно ни одного ориентира, чтобы определить истинное местонахождение бомбардировщика в воздухе. В данном случае скорее всего должен сыграть моральный фактор, пусть немецкие моряки теперь знают, что советские самолеты достанут их в своих портах.

Ефремов машинально посмотрел вниз: опять ничего не видно. Подумал, вероятность попадания бомб в цель ничтожна, ведь площадь данцигского внешнего рейда огромна.

- Боевой! Так держать! - послышался требовательный голос штурмана Серебрякова.

Ефремов крепче сжал рукоятки штурвала, взгляд прикован к приборам. Полминуты он должен строго выдерживать определенный штурманом боевой курс.

- Цель! - выдохнул штурман и нажал кнопку электросбрасывателя. Ефремов ощутил знакомый до боли толчок; бомбардировщик словно вздрогнул, даже подпрыгнул, избавившись от тяжелого груза.

- Поше-е-ел! - протянул Серебряков.

Две бомбы ФАБ-250 и три ФАБ-100 полетели вниз на скрытый темнотой внешний рейд. На приборной доске тут же загорелись сигнальные лампочки, означающие: "бомбы сброшены, ложись на курс отхода". Ефремов развернул ДБ-3 строго на север. Корабельная зенитная артиллерия молчала. Должно быть, немецкие моряки-зенитчики прохлопали цель или, возможно, намерены открыть огонь по летящим следом бомбардировщикам капитана Беляева, старших лейтенантов Семенова и Трычкова и лейтенанта Леонова?

- Лиха беда начало! - удовлетворенно передал по СПУ своим помощникам Ефремов.- Возвращаемся на аэродром...

Летели опять в сплошной облачности. Лишь перед самым островом Сааремаа облачность стала редеть и появились сравнительно большие "окна".

Вот и Кагул.

- Штурман, сигнальную ракету! - приказал Ефремов.

Серебряков открыл астролюк и выпустил зеленую ракету. Тут же на земле темень вдоль посадочной полосы прорезал желтый луч, указывая направление. Ефремов с ходу повел ДБ-3 на посадку.

Едва бомбардировщик срулил с посадочной полосы на поляну, уступая место следом летящему ДБ-3, и заглушил моторы, как подкатила эмка, и из нее вышли Жаворонков, Преображенский и Хохлов. Они с нетерпением ждали доклада командира эскадрильи о первом результате пробного полета на

Берлин.

- Товарищ генерал, задание выполнено, пробный полет экипажем проведен успешно,- доложил Ефремов.

- Ну а противовоздушная оборона у немцев как? - нетерпеливо спросил Хохлов.- Зениток понаставлено много?

- За все время полета над территорией противника нас никто не обстрелял.

- И даже эскадра в Данциге?

- И даже эскадра.

- Странно,- пожал плечами удрученный Хохлов,- Дрыхли беспробудно, что ли, немцы в это время?!

Примерно через полчаса появился дальний бомбардировщик капитана Беляева и, сделав круг над аэродромом, благополучно приземлился. Потом совершили посадку самолеты старших лейтенантов Семенова и Трычкова. Доклады у всех были примерно одинаковы: пробный полет прошел нормально, бомбы сброшены на внешний рейд Данцига, зенитная артиллерия противника огня не открывала.

- Непонятно как-то?- недоумевал Хохлов.- Словно у немцев и зениток нет.

- Есть одна,- успокоил своего флагштурмана Преображенский.- Для тебя специально оставили...

Ждали возвращения дальнего бомбардировщика лейтенанта Леонова, с нарастающей тревогой все чаще и чаще посматривая на юг, но самолет не появлялся. В томительном ожидании прошел час, потом еще полчаса. Уже начинало светать, а Леонова все не было. С посадочной полосы возвратились в штабную землянку, понимая, что ждать бомбардировщик лейтенанта Леонова теперь бесполезно, видимо, с экипажем случилось несчастье. И не мудрено. В такую отвратительную видимость можно проскочить мимо Сааремаа, и тогда садиться придется где-то на материке на аэродромах Палдиски, Таллинна, а то и в Котлах или Беззаботном под Ленинградом. Бензина хоть и на пределе, но должно хватить.

Летчики всегда ждут из полетов своих боевых товарищей, надеясь на лучший исход. Ждали с волнением и возвращения экипажа Леонова или хотя бы сообщения о его судьбе, но безрезультатно. И лишь к полудню радист передал Жаворонкову радиограмму из штаба ВВС Краснознаменного Балтийского флота с известием о катастрофе ДБ-3 лейтенанта Леонова, врезавшегося в землю при заходе на посадку на аэродроме Котлы. Летчик лейтенант Леонов, штурман майор Котельников и стрелок-радист сержант Рыбалко погибли.

Весь личный состав авиагруппы особого назначения тяжело

переживал потерю первого экипажа еще только начинавшейся "Операции Б".

Второе рождение

Рано утром 5 августа нарочный привез на мотоцикле из Курессаре в Кагул шифровку командующего Краснознаменным Балтийским флотом на имя генерал-лейтенанта авиации Жаворонкова. Вице-адмирал Трибуц сообщал, что, по сведениям разведки, в эстонском курортном городе Пярну разместились командный пункт и штаб 18-й немецкой армии. Оттуда осуществлялось боевое управление дивизиями этой армии, пытающимися пробиться к Финскому заливу и отрезать главную базу флота Таллинн от основных сил советских войск. В Пярну же находилась и резервная дивизия, которая могла быть передислоцирована в Виртсу для форсирования пролива Муху-Вяйн и захвата первого из островов Моонзундского архипелага Муху. Командующий флотом требовал сегодня же нанести бомбовый удар по штабу 18-й армии в Пярну.

Жаворонков показал шифровку комфлота полковнику Преображенскому.

- Цель архиважная, если учесть, что свою резервную дивизию немцы нацелят на наш Моонзунд,- проговорил Преображенский.- Надо послать звено. Подвесим по три ФАБ-двести пятьдесят на каждую "букашку". Думаю, хватит для начала.

- Кто возглавит звено?

- Разрешите мне вести звено, товарищ генерал?

Жаворонков не возражал. Лучше командира авиагруппы особого назначения никто не выполнит задание командующего флотом. Расстояние от Кагула до Пярну небольшое, чуть больше ста километров. Советские дальние бомбардировщики неожиданно появятся над приморским городом со стороны Рижского зализа.

- Когда возможен вылет?

- Ровно в полдень,- ответил Преображенский.

Жаворонков заулыбался, удовлетворенно склонив голову:

- Самое купальное время! В Пярну отличные песчаные пляжи, немцы наверняка ими воспользуются. День-то обещает быть солнечным.

Преображенский тут же вызвал к себе флагштурмана капитана Хохлова и летчиков капитана Бабушкина и старшего лейтенанта Дроздова.

- Летим звеном бомбить штаб 18-й немецкой армии в Пярну,- сообщил он и протянул Хохлову бланк.- Вот примерные координаты цели.

- В Пярну? - переспросил Хохлов, явно не удовлетворенный

предстоящим боевым заданием. Нужно было передислоцировать авиагруппу особого назначения из-под Ленинграда на остров Сааремаа, чтобы отсюда бомбить Пярну. Берлин настоящая цель! Ему вчера очень хотелось участвовать в пробном полете на территорию Германии, но Преображенский и слушать не хотел об этом. А сегодня сам летит на довольно легкое боевое задание.- В Берлин надо уже лететь, товарищ полковник!

Преображенский неодобрительно покосился на флагманского штурмана, резко сказал:

- Придет время - полетим в Берлин. А сейчас летим в Пярну. Готовность,- он посмотрел на свои наручные часы,- через четыре часа тридцать минут.

Хохлов промолчал. Он знал, что командир непреклонен в своих решениях, Значит, так надо, полковнику виднее. А как хотелось Хохлову самому разведать маршрут на Берлин!

День выдался жарким. В полдень термометр показывал 27 градусов. Из-за повышенной влажности дышать было тяжело, как в жарко натопленной бане.

- Как в тропиках,- сказал Хохлов.- Ну и жара! Как-то наши моторы ее перенесут?

- Да,- ответил Преображенский,- самолеты у нас старые, все на них отражается. Ни к чему нам такое тепло.

К хутору, где стоял командирский ДБ-3, Преображенский и Хохлов подъехали на эмке. Стрелки-радисты сержант Кротенко и старший сержант Рудаков уже были на месте. С мотористами и оружейниками они снимали с бомбардировщика маскировочную сеть. Техник самолета старшина Колесниченко в последний раз обходил вокруг свою "букашку" (так летный и технический состав ласково называл ДБ-3). Вроде все в порядке, все исправлено, все проверено. Под фюзеляжем на внешней подвеске висели три фугасные авиационные бомбы ФАБ-250.

- Как машина? - поинтересовался Преображенский.

- Полный порядок, товарищ командир,- ответил Колесниченко. По его лицу текли капли пота,-Жарко только очень. Боюсь, двигателям станет невмоготу. Их и прогревать не надо.- Он дотронулся рукой до лопасти стального винта: - Словно из печи. А все палит! Не балтийская нынче погода.

- В воздухе, на высоте, будет прохладнее,- успокоил старшину Преображенский и попросил дать парашюты.

- От винта! - последовала команда.

Фыр-фыр-фыр-р-р,- как бы нехотя зафыркал правый мотор, и все вокруг заглушил нарастающий мощный гул.

Преображенский запустил и левый мотор, дал газ - двигатели работали нормально.

От хутора до взлетной полосы было около полутора километров. ДБ-3 медленно полз по рулежной дорожке.

У старта уже стояли два ведомых ДБ-3, под фюзеляжами у них тоже были подвешены по три ФАБ-250. Генерал Жаворонков полагал, что девяти таких бомб с избытком хватит, чтобы разнести в Пярну командный пункт и штаб 18-й немецкой армии.

Подрулив к взлетной полосе, Преображенский затормозил машину и приглушил двигатели. Кажется, все в порядке. Он открыл фонарь и вытянул руку: сигнал о готовности. Над полем аэродрома повисла зеленая ракета. Взлет!

Преображенский постепенно увеличивал обороты винтов на обоих моторах. Корпус самолета начал содрогаться. Отпустив тормоза, он дал газ, и ДБ-3 побежал по серовато-черной полосе к маячащей впереди стене зеленого леса. Главное - и этому он учил своих летчиков - выдержать точное направление. Уклонение в сторону хотя бы на метр-два и исправление этой ошибки удлинят пробег, а взлетная полоса в Кагуле и так коротковата для тяжелых бомбардировщиков.

ДБ-3 пробежал больше половины полосы, но еще не оторвался от земли. Преображенский выжал газ до предела. В нагретой солнцем кабине жарко, а в затянутых меховых регланах вообще спасу нет. Пот заливает лицо, мешает наблюдению. Преображенский то и дело дует вверх, стараясь сбить капельки с ресниц. Руками смахнуть их нельзя, пальцы крепко держат рукоятки штурвала. Наконец ДБ-3 нехотя оторвался от земли и, едва не задевая шасси за верхушки деревьев, с трудом перевалил через зеленую стену. Моторам явно не хватало тяги, это Преображенский сразу же почувствовал при разбеге, но почему? Старшина Колесниченко доложил: двигатели в порядке. А он очень опытный техник.

Слух резанули хлопки: начал "стрелять" правый мотор, его тяга быстро падала. Перегрев! Преображенский убрал шасси, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, но бомбардировщик все равно не набирал высоты. Силы одного мотора недостаточно для этого, к тому же машина перегружена. Развернуться и сесть на аэродром нельзя, так как скорость слишком мала, на развороте может опрокинуть, и тогда конец... Единственный выход - немедленно садиться прямо по курсу.

Поглядел вниз: перед глазами мелькают кусты, серые пни и темные камни-валуны. Леса, к счастью, нет. Опасны лишь валуны. Садиться на "брюхо" нельзя, под фюзеляжем бомбы. Один удар - и взрыв.

Выпустив шасси, Преображенский все же приземлил бомбардировщик. Самолет, ударяясь о неровности, запрыгал,

затрясся, сзади что-то заскрежетало, хвостовая часть поднялась вверх, грозя опрокинуть машину навзничь. Преображенский изо всех сил тянул на себя штурвал, но рули бездействовали, не срабатывали и тормоза. На пути вырос хутор, обнесенный дощатым забором. ДБ-3 легко протаранил его. Прямо перед кабиной летчика - хуторские постройки. "Не задавить бы кого",- пронеслось в голове Преображенского. Самолет, заметно теряя скорость, катился на сарай. Хвостовая часть наконец опустилась вниз и зацепилась за валун. ДБ-3 резко затормозил, его левая плоскость уперлась в камышовую крышу сарая. Машина развернулась и встала как вкопанная.

Хохлов тут же открыл нижний люк штурманской кабины и первым выпрыгнул на землю. Не устояв, повалился на бок. Над ним, чуть поскрипывая, угрожающе покачивались три фугасные бомбы. Держатели оказались крепкими. "Повезло нам!" - подумал штурман.

Оба стрелка-радиста, как только бомбардировщик коснулся земли, легли на пол кабины, чтобы уберечься от болтанки. Но тут на них обрушилась груда земли, прижав к перегородке бомболюка. Оказалось, что камень-валун распорол дно фюзеляжа и в образовавшееся отверстие набился грунт.

Кротенко и Рудаков открыли колпак, выскочили из самолета и бросились на помощь летчику и штурману. "Как они там?" Хохлова они увидели лежащим на земле под авиабомбами, а летчика - сидящим в кабине с открытым фонарем. Преображенскому никак не удавалось отстегнуть парашют, руки его дрожали, из носа текла кровь: видимо, при посадке он ударился о приборную доску.

- Живы? - спросил Преображенский.

- Живы, живы - одновременно ответили обрадованные стрелки-радисты.

- Везучи же мы, черт подери!

- Мать говорила, я под счастливой звездой родился,- засмеялся Кротенко.

Встал Хохлов и, потирая ушибленную руку, подошел к стрелкам-радистам.

- Со вторым рождением вас, дорогие товарищи,- через силу улыбнулся он.

- И вас, товарищ капитан,- ответил Рудаков.

"Со вторым рождением,- Преображенский повторил про себя слова штурмана.Нет, дорогой Петр Ильич. Меня надо поздравлять с третьим..."

...В тот памятный день он летел в штаб авиабригады вместе со своим товарищем боевым летчиком Николаем Челноковым.

Старенький, видавший виды самолет Р-6 тянул нормально. И вдруг его словно подменили, он стал неуправляем: сначала задрал нос, потом завалился на левое крыло и, кувыркаясь, пошел к земле. Напрасно пытался Преображенский вывести Р-6 в горизонтальное положение, рули не действовали.

Удар о землю отозвался в ушах далеким эхом...

Придя в себя, Преображенский первым делом подумал о Челнокове. Жив ли он? С трудом выбравшись из кабины, увидел неподвижно лежащего в крови товарища. В горле будто застрял колючий комок, не хватало воздуха.

- Коля! Коля-я! Ты жив? Жив? - тряс Преображенский товарища.

Челноков не отвечал, казалось, что он совсем не дышит.

Откуда-то появились двое мужчин с носилками и девушка в белом халате должно быть, врач. Они подхватили Преображенского, пытаясь уложить его на носилки.

- Челнокова, Челнокова берите! - закричал Преображенский, вырываясь из рук санитаров.- Он же разбился, а не я!..

Девушка склонилась над Челноковым, пощупала пульс.

- Да он еще жив,- удивленно произнесла она и приказала санитарам: - Быстро его отнесите, а потом сюда.

Санитары осторожно положили Челнокова на носилки. Он очнулся, едва приоткрыл глаза.

- Пи-и-ить,- вырвалось из сухих губ, и сознание вновь покинуло его.

- Жив, Коля, жив! Ура! - закричал Преображенский.

Не дожидаясь возвращения санитаров, девушка схватила Преображенского за руку и потащила за собой.

- Вам тоже надо в госпиталь, идемте же,- твердила она.

Преображенский упирался. Боли он не чувствовал и хотел немедленно выяснить причину аварии. Несмотря на уговоры врача, он лазил по разбитой машине, заглядывая под каждый обломок. Наконец нашел: авария произошла из-за имевшегося ранее разрыва троса руля глубины, который техник самолета почему-то не скрепил болтом, как положено, а лишь соединил проволокой.

- Чтоб тебе ни дна ни покрышки! - выругал техника Преображенский и со злостью плюнул. На землю полетел выбитый зуб. Одной рукой схватился за лицо: нос разбит, ладонь оказалась в крови. Другая рука не действовала, правый глаз закрывала большая опухоль от сильного ушиба.

Семнадцать дней пролежал Преображенский в госпитале. Врачи сделали все возможное, чтобы поставить летчика в строй.

Жена Таисия в эти дни должна была ехать в родильный дом -

ждали третьего ребенка. Преображенский не мог ее в таком положении волновать. Для нее он улетел в срочную командировку в Москву. Таисия получала частые весточки от мужа. По договоренности, летчики отвозили письма Преображенского в Москву, а оттуда они уже шли обычной почтой.

Когда Преображенский вернулся домой, его ждала радость: родился сын. Провести жену с аварией не удалось. Она тут же заметила все ее следы, и Преображенскому пришлось во всем признаться.

Чувствовал он себя неплохо, но из-за руки и глаза медики не допускали его к полетам. Преображенский бурно возмущался. Дело дошло до командира бригады. И лишь благодаря его заступничеству врачи дали наконец желаемое заключение: "Годен к полетам"...

И вот теперь вторая авария. И в какое время? Идет подготовка к полету на Берлин, а он, командир полка и командир авиагруппы особого назначения, разбился в простейшей ситуации, на глазах у всех. Что теперь подумают летчики? Не потеряли бы они уверенность из-за этого нелепого случая. Преображенский не находил себе места, обвиняя и ругая себя за неудачный взлет.

Из дома вышли хозяин хутора с дочкой - белокурой хрупкой девушкой. Они несли большой глиняный кувшин и четыре кружки.

- Тере,- поздоровался хозяин и из кувшина начал наливать в кружки молоко.

- Тере, тере, отец! - смущенно ответил Кротенко.- Вот, пожаловали к вам... Уж извините за такое неожиданное вторжение.- Он показал на палящее солнце:Оно подвело! Моторы перегрелись.

Эстонец закивал в ответ.

- Кю-ша-йт,- по слогам произнесла трудное слово девушка, подавая летчикам наполненные доверху кружки.

Преображенский взял кружку и пил, совершенно не чувствуя вкуса молока. Ощутил лишь холод внутри, видно, хозяева только достали молоко из погреба.

Увидев на лице хмурого летчика кровь, девушка побежала в дом и тут же вернулась с чистым полотенцем. Протянула его летчику.

- По-жа-люй-ста...

- Спасибо,- поблагодарил Преображенский, вытер лицо, увидел кровь на полотенце и через силу выдавил улыбку: - Пустяки. Не то еще у нас бывает...

Кротенко достал из своей кабины бортовой паек, вынул четыре плитки шоколада и отдал девушке.

- Возьми, красавица. От нас, от летчиков. За гостеприимство.

- Спа-си-ба,- тщательно выговаривая, произнесла девушка.

- А молоко у вас вкуснущее! Давно не пробовал такого. И холодное. Хорошо в такую жарищу.- Кротенко протянул пустую кружку эстонцу, и тот снова наполнил ее.

К хутору подкатила эмка. Из нее вышли генерал Жаворонков, начальник штаба авиагруппы капитан Комаров и старший инженер авиагруппы военинженер 2 ранга Баранов.

- Кто из вас родился в сорочке? - спросил Жаворонков. На его лице светилась добрая улыбка, он не скрывал радости, что все целы.

- Если сегодняшний день считать вторым рождением, то все, товарищ генерал, - ответил Хохлов.

- Я так и думал!

Генерал подошел к бомбардировщику, у которого уже по-хозяйски хлопотал Баранов, осмотрел его, потом взглянул на пробитую им брешь в заборе и удивленно покачал головой. Ему, как и всем остальным, казалось невероятным, что перегруженный ДБ-3 смог удачно произвести посадку на такой непригодной местности. Что это: счастливая случайность или мастерство пилота?

- За машину не беспокойтесь, товарищ полковник,- сказал Баранов.- Через двое суток будет как новенькая. Еще в Берлин на ней полетите. Ручаюсь.

Видя подавленное состояние Преображенского, Жаворонков отвел его в сторону и, положив руку на плечо, сказал:

- Не переживайте, командир полка. Главное, все живы остались. А летчики понимают, что с каждым такое может случиться. Так что выше нос. Впереди у нас Берлин!

Преображенский и Хохлов уехали на аэродром вместе с Жаворонковым. Стрелки-радисты Кротенко и Рудаков остались ждать трактора. К вечеру покореженный ДБ-3 был доставлен в Кагул, и ремонтники под руководством Баранова спешно принялись за работу.

Даешь Берлин!

Военком 1-го минно-торпедного авиационного полка батальонный комиссар Оганезов прилетел из Беззаботного на остров Сааремаа вместе с капитаном Плоткиным. Он привез несколько сот тысяч отпечатанных на немецком языке листовок, которые стрелки после бомбардировки должны были сбросить на Берлин.

Дел в эти горячие дни у Оганезова было много. С раннего

утра и до позднего вечера его можно было видеть то у летчиков, штурманов или стрелков, то у техников и мотористов, оружейников и заправщиков, то у аэродромной команды или в подразделениях тыла. Всюду слышался его голос. Комиссар рассказывал о положении на фронтах, об энтузиазме тружеников советского тыла, о злодеяниях гитлеровцев на временно оккупированной территории.

- Вот пусть увидят берлинцы, как их солдаты глумятся над беззащитным мирным населением,- показал он листовку, на которой была изображена изуверская казнь советской девушки. Эта фотография была изъята у убитого фашиста.- А это - наша работа! - Он вынул вторую листовку, где на фото была запечатлена хваленая немецкая техника, разбитая советскими воинами.- Так будет и впредь!

На третьей листовке были показаны трупы убитых на фронте гитлеровцев.

- Узелок на память! Пусть знают, что ожидает каждого, кто пришел к нам с мечом.

Текст четвертой листовки гласил:

"Немецкие солдаты! Почему вы должны погибать за узурпаторские, бредовые планы Гитлера? Свержение Гитлера - это путь к переустройству Германии, к миру. Гитлера надо уничтожить. Ваша жизнь нужна для будущего Германии. Да здравствует свободная Германия! Долой Гитлера!"

Оганезов поддержал предложение своего помощника - военкома авиагруппы особого назначения старшего политрука Полякова о "персональных подарках" руководителям рейха от летчиков Краснознаменной Балтики. На бомбах, предназначенных для бомбардировки Берлина, каждый экипаж делал броскую надпись белой или красной краской: "Подарок Гитлеру!", "Герингу!", "Геббельсу!", "Гиммлеру!", "Риббентропу!".

- Ох, хороши подарочки, друзья-товарищи! - хвалил военком.- Сразу узнают, от кого. А то ведь хвастунишка Геббельс весь эфир засорил. Трубит-орет, что "ни один камень не содрогнется в Берлине от постороннего взрыва. Немцы могут жить в столице спокойно. Советская авиация уничтожена". То-то он будет беситься, когда мы появимся над их "надежно защищенной твердыней" и "персональные подарки" красных летчиков Балтики посыплются с неба! Мы будем над Берлином, друзья. Обязательно будем! Даешь Берлин!

Оганезов радовался, что подготовка к полету проходила успешно. Личный состав работал с энтузиазмом, не считаясь со временем. Лишь бы поскорее приблизить этот волнующий, долгожданный для каждого час - час возмездия за удары по

родной Москве.

Преображенский удивлялся работоспособности военкома полка, открыто восхищался его, казалось, неиссякаемой энергией. Везде-то он бывал, все знал,, всюду успевал. Полковнику с Оганезовым было легко работать, они всецело доверяли и понимали друг друга.

Немалую помощь Оганезову в период подготовки к удару по Берлину оказывал начальник политотдела Береговой обороны Балтийского района полковой комиссар Копнов, постоянно находившийся в Кагуле. Он привез с собой кинопередвижку, развернул походные библиотечки, обеспечивал всех воинов свежими газетами и журналами. Копнов беседовал с летным и техническим составом о сложившейся обстановке на Моонзундском архипелаге, о местном населении, недовольном вторжением гитлеровских войск на территорию Эстонии и готовом с оружием в руках защищать свою землю, приводил героические примеры из далекой истории Моонзунда, когда эстонцы и русские совместными усилиями обороняли острова от иноземных захватчиков.

На Копнова возлагалась также политическая работа в подчиненных Береговой обороне Балтийского района подразделениях - 12-й отдельной эскадрилье и зенитных батареях, предназначенных для прикрытия аэродрома Кагул.

Оганезов рассказывал Преображенскому, что личный: состав прекрасно подготовился к операции и нетерпеливо ждет ее начала.

- Да, ребята у нас молодцы! Такие обязательно долетят до Берлина.

Настроение у летчиков и штурманов, стрелков-радистов и воздушных стрелков было приподнятое. Все с воодушевлением готовы были выполнить приказ - на Берлин! Вызывал у военкома некоторое недоумение лишь один человек - командир 2-й эскадрильи капитан Гречишников. Держался он как-то обособленно, был замкнут, раздражен. В таком состоянии вряд ли целесообразно пускать его в ответственный полет, хотя он и один из самых опытных летчиков в полку. Конечно, Оганезов мог бы вызвать капитана на откровенный разговор, но лучше, если бы беседу первым начал Гречишников. Во всяком случае, если утром в день вылета капитан не придет к нему, военкому придется пригласить его к себе.

Гречишников пришел сам. Глаза его воспалились, лицо было мрачным, он то и дело нервно покусывал нижнюю губу, сдерживая себя. Молча протянул измятый, много раз читанный листок письма.

Огнезов читал не торопясь, болезненно морщил "большой лоб, бросал сочувственные взгляды на хмурого капитана. Письмо прислали из-под Николаева друзья семьи Гречишниковых. Они сообщали горестную весть: мать Василия замучили фашисты.

Оганезов вернул письмо Гречишникову.

- Тебе, Василий, представляется возможность лично отплатить Гитлеру за гибель матери,- сказал он.

- Только ли за мать! - воскликнул Гречишников.- А за жену? За детей?..

Он поведал военкому о своем неудачном предвоенном отпуске в белорусском селе Петрикове, на родине жены, куда они приехали всей семьей. В день начала войны Гречишникова срочно отозвали в полк, а жена Ксения с детьми осталась в Петрикове. Село заняли гитлеровцы, и если они узнают, что Ксения жена летчика, коммуниста,- ей несдобровать.

- Ишь сколько бед на тебя свалилось,- сочувственно произнес Оганезов, остро ощущая жгучую боль Гречишникова за своих родных, и подумал: "Может быть, не стоит в таком возбужденном состоянии посылать капитана на Берлин, пусть немного успокоится, придет в себя?"

Сказал об этом Гречишникову.

- Да что вы, товарищ батальонный комиссар! - Гречишников весь вспыхнул, глаза его лихорадочно заблестели.- Да я пешком готов идти до Берлина, чтобы отомстить фашистам. Это мое право, мой долг, сына, мужа, отца

- Тогда лети, Василий! - Оганезов обнял летчика.- И отплати за мать, замученную фашистскими извергами, отплати за любимую жену, за сынишку-несмышленыша, за дочку. Лети, Василий, и бей крепче фашистов в их собственном логове!

- Я буду над Берлином! Клянусь! - торжественно произнес Гречишников.

Разговор с командиром эскадрильи заставил Оганезова по-иному оценить свою роль как военкома. Теперь мало агитировать людей лететь на выполнение важного боевого задания, а надо самому участвовать в этом полете и личным примером, на деле показать, на что способен комиссар. Конечно, он не летчик и не штурман, вести самолет не может. Зато на полигоне ему не раз доводилось поражать мишени из пулемета.

Оганезов решительно направился в штабную землянку к командующему военно-воздушными силами ВМФ.

- Разрешите обратиться, товарищ генерал?

- Я вас слушаю, Григорий Захарович,- Жаворонков рукой показал на табуретку.

- Разрешите мне лично лететь на Берлин, товарищ генерал?

Воздушным стрелком.

Жаворонков добродушно улыбнулся, вспомнив, как и сам он хотел с подобней же просьбой обратиться к наркому Военно-Морского Флота адмиралу Кузнецову и повести один из самолетов на Берлин.

- Я справлюсь, товарищ генерал! - заверил Оганезов, подумав, что командующий, видимо, сомневается в умении военкома стрелять из пулемета.

- У нас с вами и здесь, на аэродроме, забот по горло, Григорий Захарович,отказал Жаворонков.- Ведь от правильней подготовки экипажей зависит успех всей операции.

О своем разговоре с командующим Оганезов не сказал Преображенскому, впервые скрыв от него свое намерение.

С раннего утра 7 августа 1941 года инженеры, техники, мотористы, оружейники начали готовить тринадцать дальних бомбардировщиков к полету. К 15 часам уже были заправлены баки бензином, проверены связь и навигационные приборы, испытаны пулеметы, опробованы моторы. В каждый самолет загрузили по 800 килограммов бомб: шесть ФАБ-100 и четыре ЗАБ-50.

Преображенский доложил командующему военно-воздушными силами ВМФ план удара по Берлину. Он считал первый налет разведывательным и потому брал в него в основном командирские кадры.

На Берлин идут три звена. Первое звено возглавляет сам Преображенский. В его состав входят экипажи летчиков капитана Плоткина, старшего лейтенанта Трычкова и лейтенанта Дашковского.

Вторым звеном командует командир 2-й эскадрильи капитан Гречишников. С ним идут экипажи капитана Беляева, старших лейтенантов Фокина и Финягина.

Третье звено поведет командир 1-й эскадрильи капитан Ефремов. В его составе летят экипажи капитана Есина, старшего лейтенанта Русакова и лейтенантов Кравченко и Александрова.

- Одобряю,- заключил Жаворонков.- Желательно только, чтобы вы подольше бомбили Берлин. И со всех направлений. Пусть фашисты почувствуют силу нашего удара.

Кажется, сделано все. Преображенский спокоен, уверен в успехе. Накануне из Москвы, из штаба ВВС Военно-Морского Флота, были присланы план Берлина с помеченными целями и схемы противовоздушной обороны.

Преображенский вызвал летчиков и штурманов на командный пункт. Уточнив цели, маршрут полета, ориентиры, полковник сказал:

- Взлетать будем звеньями, через пятнадцать минут. Строй в воздухе "ромб". Высота полета над морем будет зависеть от погоды. Высота над целью не менее шести тысяч метров. Тогда нам не будут страшны аэростаты заграждения, да и немецкие зенитки не смогут вести прицельный огонь. Рассредоточиваться над городом - по моему сигналу огнями. Возвращение в Кагул - самостоятельно, по прежнему маршруту. Задача наша заключается в том, чтобы как можно точнее поразить цели и больше времени воздействовать на Берлин.

Ответив на вопросы, Преображенский предупредил:

- Для скрытого подхода к Берлину радиостанциями не пользоваться. При встречах с немецкими ночными истребителями огня воздушным стрелкам не открывать.

Последнюю метеосводку штурманы должны были получить за час до вылета. Жаворонков уже послал по маршруту Че-2 на разведку погоды.

Дальнейший распорядок дня предусматривал для летного состава отдых до самого ужина. В 20.00 - построение на аэродроме, в 21.00 - вылет.

Перед вылетом на задание, считал командир полка, каждый летчик должен осмыслить поставленную боевую задачу, продумать предстоящий полет и хорошо отдохнуть. Сам же полковник любил посидеть с баяном в руках и погрустить под свою любимую песню "Степь да степь кругом". В полку знали эту слабость командира. И когда он брал баян, летчики присаживались невдалеке, задумчиво слушали песню. Простая, задушевная мелодия уносила их в родные края, где остались дорогие их сердцу люди.

Припомнилось и Преображенскому...

...Родился он в старинном русском селе Волокославенское, стоящем на древнем пути, по которому речные суда с Волги перетаскивали волоком в Сухону.

Евгений рано научился играть на гармошке, а потом легко освоил и баян. Но музыкантом он не стал, а выбрал профессию отца, сельского учителя. Поступил в педагогический техникум в городе Череповце. Там в кружке Осоавиахима впервые столкнулся с военным делом - стрелял из малокалиберной винтовки, получил значок ворошиловского стрелка, занимался военно-прикладными видами спорта, участвовал в военизированных походах.

По комсомольской путевке пришел Евгений в военно-морское авиационное училище. В первый самостоятельный полет, дав путевку в небо, его выпустил командир отряда школы, известный летчик Василий Молоков.

С тех пор Преображенский налетал уже свыше полумиллиона

километров, прошел все командирские ступени, стал командиром прославленного полка и вот теперь, через несколько часов, должен лететь на бомбардировку столицы фашистской Германии - города Берлина....

Начальник штаба Береговой обороны Балтийского района подполковник Охтинский, приехавший в Кагул, был немало удивлен, увидев в руках командира полка баян. Преображенский кивком поздоровался с ним - они уже успели подружиться, доиграл песню, мечтательно вздохнул.

- Душа песни просит. А вы, Алексей Иванович, любите песни? - вдруг спросил он.

- Да, конечно,- ответил Охтинский.- Только повеселее.

Преображенский озорно сверкнул глазами, развел мехи баяна и лихо заиграл плясовую.

- Хотите нашу развеселую вологодскую, а? Чтоб ноги сами заходили!

Охтинский заулыбался. Оживились и летчики, которым невольно передалось веселое настроение командира.

Преображенский вдруг резко сжал растянутые мехи и поставил баян на самодельный столик.

- Шабаш на сегодня! - встал он.- Пора и в гости лететь. Гостинцы уже подвешены.

Ровно в 20 часов летный состав был на аэродроме. На зеленом поле стояли двенадцать дальних бомбардировщиков, готовых к вылету. К этому времени вернулась из разведывательного полета Че-2. Каспин был расстроен, погода не улучшилась, на пути ожидаются густая облачность, дождь, туман. С Атлантики идет циклон, а это значит, что в южной части Балтийского моря все небо не один день может быть закрыто плотными облаками. Единственно, чем мог порадовать летчиков Каспин,- это что на Сааремаа будет стоять пока хорошая погода.

- И на том спасибо,- усмехнулся Преображенский.- Хоть взлетать да садиться будем в нормальных условиях.

Каспин раздал метеосводки штурманам. Преображенский посмотрел на часы.

- Разрешите приступить к выполнению операции, товарищ генерал? - обратился он к Жаворонкову. Генерал одобрительно кивнул.

- Приступайте, Евгений Николаевич.

- По самолетам! - раздалась команда Преображенского.

Летчики и штурманы направились к своим машинам, возле которых уже стояли стрелки-радисты, воздушные стрелки и техники самолётов. Теплыми взглядами и дружескими рукопожатиями их провожали те, кто помогал готовиться к

полету и теперь в томительном ожидании оставался на аэродроме. Мысленно каждый из них был с улетавшими экипажами, от всего сердца желая им благополучного возвращения.

Преображенский вызвал эмку. Он решил объехать аэродром, чтобы еще раз убедиться в готовности к полету всех экипажей. С ним поехали военком полка Оганезов и флагштурман капитан Хохлов.

Доклады летчиков были обнадеживающими: материальная часть проверена, моторы готовы к запуску, настроение экипажей отличное, уверенность в выполнении боевой задачи полная. Преображенский внимательно, по-отцовски вглядывался в лица летчиков, штурманов, стрелков, с кем уже много раз доводилось бок о бок, крылом к крылу громить ненавистного врага. Сейчас им всем вместе предстоит лететь в глубокий тыл, в сам Берлин, над которым еще ни разу не появлялись краснозвездные самолеты. Именно им, морским летчикам Балтики, суждено было проложить путь к фашистской столице. Сначала этот путь пройдет только по воздуху, а потом настанет тот счастливый день, когда советские воины дойдут туда и по земле. В это верил каждый.

Эмка подкатила к флагманскому самолету. Возле него находились старший инженер Баранов и техник старшина Колесниченко. Машина была в полном порядке, от позавчерашней аварии не осталось и следа. Подновленный краской, четко виделся бортовой номер 2816.

По лицам облаченных в меховые комбинезоны стрелков-радистов Кротенко и Рудакова струйками тек пот. Они помогли летчику и штурману надеть такое же обмундирование и пристегнуть парашюты.

- Ну, пора, товарищи,- чуть дрогнувшим от волнения голосом проговорил Преображенский.

Он простился с Барановым и Колесниченко. Оганезов обнял и расцеловал каждого члена экипажа флагманской машины. Он был взволнован больше чем когда-либо и не скрывал этого.

- Я верю, дорогие товарищи, что вы благополучно долетите до этого проклятого Берлина. Бейте фашистов в их логове по-моряцки, по-балтийски! Пусть они почувствуют силу наших ударов возмездия. Весь мир будет знать о советских летчиках, ударивших по Берлину. Мы ждем вас. Возвращайтесь с победой!

Преображенский, Хохлов, Кротенко и Рудаков поднялись в свои кабины. Хохлов тут же вынул из полетной сумки штурманские карты с нанесенным маршрутом до Берлина. Вместе с картами выпал двусторонний гаечный ключ 17 на 9. Как он

оказался в полетной сумке? Кто его туда положил и зачем? Видимо, техник самолета старшина Колесниченко при осмотре креплений приборов машинально, по забывчивости сунул в лежащую рядом полетную сумку штурмана. Хотел выбросить через нижний люк на землю, но потом решил оставить: "Пусть летит на Берлин. Раз уж оказался в моей сумке..."

Время на исходе. Хохлов открыл астролюк, по пояс вылез наружу и с ракетницей в руке застыл в ожидании команды.

- Сигнал! - приказал Преображенский. Над аэродромом вспыхнула, рассыпаясь каскадами искр, зеленая ракета.

- От винта! - послышались команды.

Аэродром ожил. Все громче и громче ревели моторы, самолеты дрожали, будто от нетерпения. Летчики, разогревая двигатели, опробовали их на полных оборотах.

На старте, куда поочередно стали выруливать машины, распоряжался начальник штаба авиагруппы капитан Комаров. Туда же пришел и Жаворонков. С двумя флажками в руках - белым и красным он давал разрешение на взлет.

Высоко в небе над Кагулом уже кружили маленькие "чайки", заблаговременно поднятые в воздух. Они должны были прикрыть бомбардировщики от возможного нападения немецких истребителей.

Первой вырулила на старт флагманская машина. Жаворонков показал белым флажком на взлетную полосу: "Взлет разрешаю". Генерал приложил руку к фуражке, прощаясь с экипажем.

Самолет Преображенского медленно покатился по взлетной полосе. Моторы гудели натужно, убыстряя ход тяжело нагруженной машины, все ближе подходившей к кромке аэродрома. Со стороны казалось, что бомбардировщик не сумеет преодолеть темно-зеленый барьер леса, окружавшего аэродромное поле. Но самолет все же оторвался от земли, перевалил через лес и начал набирать высоту.

Следом за ним помчались друг за другом ДБ-3 капитана Плоткина, старшего лейтенанта Трычкова и лейтенанта Дашковского.

В воздухе самолеты построились ромбом и полетели в сторону Балтийского моря.

Через пятнадцать минут стартовало звено капитана Гречишникова, а еще через пятнадцать взлетели экипажи звена капитана Ефремова.

"Иду на Берлин!" - приняли радисты короткую радиограмму от Преображенского.

Первый налет на Берлин

Бомбардировщик медленно набирал высоту. Моторы

работали на полных оборотах, от их мощного надрывного гула дрожали стекла кабин.

Внизу, под крыльями, проплывал узкий, длинный полуостров Сырве, клином уходящий на юг, к Ирбенскому проливу. Слева синел Рижский залив, справа Балтийское море, а впереди, за проливом, угадывался приплюснутый, скрытый сизой дымкой Курляндский берег Латвии, занятый врагом.

Мелькнула песчаная оконечность полуострова Сырве - мыс Церель с полосатым маяком, служащим для штурманов исходной точкой начала маршрута и входным ориентиром при его завершении.

Море освещали косые лучи опускавшегося к горизонту солнца. Ветер играл волнами, и их гребни, подсвеченные солнцем, переливались разноцветьем.

Курляндский берег Латвии тонул в темной вечерней дымке, над ним стояла стена облаков. А справа небо было чистое, горизонт горел багрянцем, слепил глаза. Но солнце все ниже и ниже опускалось к морю, и вот уже его край коснулся воды.

- Товарищ командир, все тринадцать самолетов в воздухе, идут курсом на цель,- доложил по самолетному переговорному устройству сержант Кротенко.

- Добро,- ответил в микрофон Преображенский. Он слегка потянул на себя штурвал, и ДБ-3 пошел ввысь.- А погодка как нельзя лучше,- сказал он Хохлову, показывая на румяную полосу заката.- Берлин будет как на ладони. Можно производить даже прицельное бомбометание.

- Если зенитки станут молчать,- отозвался Хохлов, сверяя курс.

- А мы их обхитрим!

И вдруг все пропало: небо, море, полыхающая вечерняя заря. Самолет врезался в облака. В кабине стало темно, светятся лишь циферблаты многочисленных приборов.

"Начинается,- подумал Преображенский.- Все, как и предупреждал метеоролог,- вспомнил он о капитана Каспине.- Может быть, вверху облачность поменьше?"

Штурвал на себя. Самолет нехотя идет в высоту.

- Кротенко, передавай: пробивать облачность! - приказал стрелку-радисту.

Стрелка высотомера медленно ползла по циферблату. Три тысячи пятьсот метров.... Четыре тысячи... Четыре тысячи пятьсот. В кабине заметно похолодало, за бортом - тридцать два градуса мороза. Облака сгущались, превращаясь в плотные темные тучи. Преображенский вел машину вслепую, по приборам. Надежда, что облачность скоро прекратится, таяла с каждой минутой. Ей,

казалось, нет ни конца ни края. Самолет бросало с крыла на крыло, кидало вверх и вниз, временами трясло, точно на ухабах.

- Надеть кислородные маски,- приказал Преображенский.

Чтобы вырваться из облачного плена, надо подняться еще выше. Стрелка высотомера как бы нехотя миновала отметку пяти тысяч метров, пяти тысяч с половиной и, наконец, шести тысяч метров.

Кабина негерметична, и в ней стало совсем холодно. Пальцы уже почти не чувствовали штурвала. Стекла очков покрылись инеем. Высота шесть с половиной тысяч метров.

- За бортом сорок шесть градусов ниже нуля,- раздался в наушниках голос Хохлова.

- Знатный морозец! Где мы?

- Возле датского острова Борнхольм,- ответил Хохлов.

Долго лететь на большой высоте мучительно трудно: дает себя знать недостаток кислорода. Подступает тошнота, дышать тяжело, холод сковывает лицо и руки, пробирается под меховой комбинезон. Нелегко приходится стрелку-радисту старшему сержанту Рудакову: в его приборе произошла утечка кислорода. У Преображенского не выдержали барабанные перепонки - из ушей потекла кровь.

"Надо дойти! - упрямо твердил он про себя и крепче сжимал штурвал.Обязательно надо!"

- Подходим к территории Германии,- сообщил наконец штурман.

"Балтийское море позади. Над землей, подальше от берега, облачность должна кончиться",- размышлял Преображенский.

Действительно, вскоре промелькнуло звездное небо. И снова мутная пелена окутала кабину. Но облака уже были другими, просветы стали появляться чаще и продолжительнее. А потом облачность осталась внизу, и взору открылась чистая звездная пустыня, над которой недвижно висела сиявшая луна.

- Штеттин,- доложил Хохлов.

Преображенский посмотрел вниз. Город был незаметен, На аэродромном поле скользили узкие лучики прожекторов, освещая длинную посадочную полосу: шли, по-видимому, ночные полеты.

- Может, сядем? - улыбнулся Преображенский.- Для нас тут и световое "Т" выложили. Ишь какие гостеприимные.

- Принимают нас за своих,- сказал Хохлов.- Прямо руки чешутся - вот бы долбануть.

- Да, хороша цель,- согласился командир.

Самолет опять нырнул в непроглядную тьму. Хохлов в который раз принялся производить расчеты на случай, если придется бомбить Берлин вслепую. Но облачность вскоре

пропала. В лунном свете хорошо была видна автострада Штеттин - Берлин. Минут через десять впереди по курсу показались пятна света.

- Подходим к Берлину! - произнес штурман.

- И здесь нас явно не ждали,- кивнул полковник на незатемненный город.Что ж, тем лучше. Прикинь поточнее, Петр Ильич!

Вспыхнули и тут же погасли аэронавигационные огни флагманского ДБ-3. Вспышки повторились еще два раза. Преображенский подавал своим ведомым условный сигнал: выходить на цели самостоятельно. Он толкнул штурвал вперед бомбардировщик послушно пошел на снижение.

Под крыльями проплывали освещенные улицы, прямоугольники кварталов. Самонадеянность фашистов была видна во всем.

- Ах, сволочи, обнаглели дальше некуда. Ну подождите, сейчас мы вам всыплем!

- Цель через пять минут,- сообщил Хохлов.

Россыпи огней все ближе и ближе. Видна узкая лента реки. Блеснуло озеро.

Преображенский чувствовал, как сильными толчками билось сердце, руки крепко сжимали штурвал. Как долго ждал он этого мгновения и вот наконец дождался - фашистская столица под крыльями его самолета!

А внизу все тихо, спокойно. Не видно прожекторов, молчат зенитки.

- Ну, раз долетели до Берлина по воздуху, то по земле тем паче дойдем! крикнул полковник в микрофон.

Неожиданно прямо по курсу возникло громадное черное пятно. Преображенский инстинктивно потянул штурвал на себя. И вовремя. Под бомбардировщиком проскользнул аэростат заграждения. Значит, ниже спускаться нельзя, над городом висят аэростаты.

- Подходим к цели,- доложил Хохлов. Он напряженно всматривался в огни на земле.

- Цель под нами! - наконец произнес штурман.

- Начать работу,- приказал Преображенский. И, не выдержав, крикнул: Давай, Петр Ильич!

Его охватил боевой азарт. Там, внизу, объект. Сейчас фашисты узнают, что такое война. Они думали, что могут спать спокойно, пока горят чужие города и села. Нет, не выйдет: что посеешь, то и пожнешь!

Хохлов с яростью нажал на кнопки электросбрасывателя. Бомбы устремились вниз. Самолет, освободившись от тяжелой

ноши, вздрогнул, как бы подпрыгнул.

- Как, пошли? - спросил Преображенский.

- Пошли! - ответил штурман. Сердце его ликовало, прыгало от радости: "Это вам за Москву! Это вам за Ленинград!"

Кротенко заметил внизу желтовато-красные взрывы. Тут же сообщил о попадании:

- Есть! В точку!

Он открыл нижний люк и ногой вытолкнул пачку листовок.

- Почитайте на досуге!

Вспышки все новых и новых взрывов появлялись повсюду. Это бомбили военные объекты ведомые командира капитан Плоткин, старший лейтенант Трычков и лейтенант Дашковский. Гигантским пламенем охвачено бензохранилище. Ослепительным фейерверком взлетел на воздух склад боеприпасов. Горят вокзалы. Огненные столбы взметнулись над промышленными районами.

- Хорошо! Хорошо! - кричал Преображенский, а у самого горло пересохло от волнения.

В городе выключили освещение, Берлин погрузился во тьму. Сотни прожекторных лучей начали полосовать небо, Как только на земле взорвались первые бомбы, открыли огонь зенитные пушки, крупнокалиберные пулеметы. Сначала стрельба велась беспорядочно, но с каждой минутой огонь становился организованнее. Вспышки орудийных выстрелов отчетливо были видны с самолетов. В небе бушевал ураган стальных осколков.

Преображенский решил развернуть машину на обратный курс.

- Передавай, Кротенко, на аэродром,- приказал полковник.- Мое место Берлин. Работу выполнил. Возвращаюсь.

Кольцо огненных разрывов вокруг советских машин все сжималось. Идя на высоте шесть с половиной тысяч метров, они почти полчаса выполняли противозенитные маневры. Самолеты вздрагивали, резко кренясь от взрывных волн, и то меняли направление полета и высоту, то шли на приглушенных моторах.

Опасность быть сбитыми над вражеской территорией увеличилась. В воздухе появились ночные истребители фашистов. Освещая фарами пространство перед собой, они пытались перехватить бомбардировщики, но те, ловко уклоняясь от встречи, проскочили сквозь этот заслон невредимыми.

Преображенский с тревогой подумал, хватит ли им горючего. Однако беспокойство его оказалось напрасным. Бензина оставалось достаточно, все пока соответствовало расчетам, сделанным до вылета.

Вот уже и побережье. Слева пылал Штеттин. "Значит, кто-то из наших все же не пробился к Берлину, бомбил запасную цель",- определил Преображенский.

Зенитный огонь прекратился. Бомбардировщики, обойдя прибрежные аэродромы, вырвались на просторы Балтики. Наконец можно снизиться. Все сняли кислородные маски, с наслаждением дышали полной грудью. Теперь, когда нервное напряжение спало, Преображенский поудобнее уселся в кресле, слегка разжал пальцы рук, расслабил онемевшее тело.

Хохлов в изнеможении откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Так бы и лежал без движения, не думая ни о чем. Но через минуту снова склонился над картой, стал уточнять маршрут полета. Курс надо выдерживать точно, чтобы долететь на свою базу без отклонений.

Дальний бомбардировщик капитана Есина подходил к Берлину одним из последних. Штурман лейтенант Нечепоренко проверил расчеты.

- Товарищ капитан, до цели двадцать пять минут полета,- передал он по самолетному переговорному устройству капитану

Есину.

И как бы в подтверждение его слов прямо по курсу тут же засветилось яркое пятнышко, растекаясь по горизонту. Неужели Берлин освещен? До чего же самоуверенны немцы, не опасаются налетов авиации союзников на свою столицу!

Пятнышко, на глазах превращающееся в зарево. Вдруг небо начали полосовать тоненькие лучики света. Стало ясно, первые советские дальние бомбардировщики наконец-то засечены немецкой противовоздушной обороной, правда, уже после того, когда бомбы были сброшены на город.

Нечепоренко освободил ручку и ножные педали от креплений и перевел их в рабочее положение. Ему, штурману, в случае выхода из строя летчика, надлежало брать управление самолетом на себя.

Если полковник Преображенский и идущие следом за ним экипажи свободно, без помех дошли до Берлина и сбросили бомбы на запланированные цели, то последним советским дальним бомбардировщикам приходилось испытывать на себе всю мощь ударов опомнившейся столичной противовоздушной обороны. Десятки, сотни прожекторных лучей полосовали ночную высь, отыскивая в небе неизвестные вражеские самолеты; зенитная артиллерия, захлебываясь, вела беспрестанный огонь в надежде поразить хотя бы один бомбардировщик или просто сбить прицельное бомбометание. Справа и слева от ДБ-3, внизу под фюзеляжем Нечепоренко видел в свете луны белесые шапки разрывов зенитных снарядов. Но они пока появлялись еще далеко, не угрожая "букашке". Однако с подходом к границе Берлина шапки разрывов все плотнее и плотнее окружали бомбардировщик. Невольно закрадывалось сомнение: дойдем ли? Зенитный огонь очень интенсивен, а до цели еще несколько томительных минут полета. Есин в противозенитном маневре бросил ДБ-3 в сторону, стараясь уйти от огня, но снаряды рвались повсюду. Лучше идти напрямую, машина перегружена, маневр затруднен, можно самому напороться на шальной зенитный снаряд.

Одно желание - дойти скорее до цели, освободиться от груза бомб, а там безразлично, что будет.

Нечепоренко больше не обращал внимания на устрашающие шапки разрывов снарядов, сейчас надо сосредоточиться на боевом курсе: Берлин под крыльями.

- Подходим к цели,- предупредил он Есина.

Как можно точнее в эти последние минуты следует подобрать боевой угол разворота прицела. Ведь от этого зависит точность бомбометания. Кажется, родная "букашка" наконец легла в

заданном направлении. Теперь открыть бомболюки, снять предохранитель с электросбрасывателя.

- Боевой!

Полминуты боевого курса - выхода самолета на расчетный угол сбрасывания бомб, самый ответственный момент для всего экипажа, особенно для летчика, который обязан строго выдержать направление, скорость и высоту полета.

- Так держать!

Наступает долгожданный миг, ради которого с огромным риском появились над столицей фашистской Германии-Берлином! Нечепоренко с силой надавил пальцем на кнопку электросбрасывателя. Десять ФАБ-100 посыпались из бомболюков на встревоженный город. Облегченный самолет точно попытался подпрыгнуть, его моторы заработали ровнее, без надрывной натуги.

С высоты семи километров бомбы упадут на землю лишь через сорок секунд. Штурман обязан убедиться, с какой точностью они легли на цель. Затаив дыхание, Нечепоренко через прицел всматривался в темную землю. Вот они красноватые точки - взрывы фугасных авиационных бомб! Одна, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая... Все десять легли по огненной цепочке!

- Есть цель! - передал он капитану Есину.- На курс отхода!

Есин тотчас развернул ДБ-3 на обратный курс. Дело сделано и неплохо, если судить по радостному, возбужденному голосу штурмана. Теперь осталось преодолеть наиболее опасный маршрут полета до Балтийского моря, а там станет легче. Всего лишь полчаса!

Нечепоренко начал уточнять курс возвращения, склонившись над штурманской картой, как кабину осветило ярким, режущим глаза светом. Обернулся на источник света: прямо на него надвигались два луча фар-прожекторов немецкого ночного истребителя. Кажется, лучи насквозь прожгут бомбардировщик, но в следующее мгновение они взметнулись ввысь: Есин резко развернул самолет с уходом вниз и ловко вышел из освещенной полосы. Но не надолго. Цепкие лучи немецкого истребителя снова захватили советский бомбардировщик, на него понеслась огненная трасса снарядов и пуль. Они прошили темноту в полсотне метров над кабиной штурмана; за трассой промелькнула и черная тень самого ночного истребителя.

- Стрелок, Нянкин, ты чего спишь? - закричал по самолетному переговорному устройству на стрелка-радиста рассерженный Есин.- Врежь ему, наглецу! Сбей спесь!

- Не видел я ночника, товарищ капитан! - оправдывался Нянкин.- Сразу как-то он... Гляжу, одни лучи. Ослепил...

Можно было понять растерянность стрелка-радиста, впервые встретившего в воздухе немецкого ночного истребителя с мощными фарами-прожекторами. К тому же для скрытности воздушный стрелок не имел права самостоятельно, без команды летчика открывать огонь по самолетам противника.

- Ладно, увернулись... Впредь, Нянкин, не зевать! - предупредил Есин.

- Есть, товарищ капитан! Понял! Проучу фашистского ночника...

Дважды освещенного ночным истребителем советского бомбардировщика заметили с земли, и тотчас несколько прожекторов попытались захватить его в перекрестия лучей. Однако расстояние оказалось слишком большим, свет рассеивался, очень сильно ослабевал, и увидеть с земли точку-цель было невозможно. Отчаявшись, немецкие зенитчики открыли огонь из орудий среднего калибра. Десятки шапок-разрывов окружили ДБ-3, постепенно сжимая кольцо. Особенно их много вырастало впереди, по курсу; немецкие зенитчики отрезали путь отхода советского самолета к спасительному Балтийскому морю. Бомбардировщик от близких ударов взрывных волн сильно трясло, отбрасывая в стороны. Есин то и дело менял курс: уклонялся вправо или влево, бросал послушную "букашку" вверх и вниз. Перегрузки иногда достигали предела, и в такие критические моменты невольно закрадывалось сомнение: не развалился бы корпус самолета.

Из всего экипажа штурман Нечепоренко был наиболее спокоен и, главное, уверен в благополучном завершении первого налета на Берлин. И не потому, что пилот капитан Есин, мастер своего дела, выведет "букашку" из любых передряг. Просто ему, лейтенанту Нечепоренко, больше не суждено падать с воздуха на землю. За последние неполных полтора года он уже дважды попадал в катастрофы и оба раза чудом оставался в живых. "Вы, Тихон Иванович, свой лимит по падениям уже выбрали полностью,- сказал командир полка полковник Преображенский.Теперь всю войну провоюете и останетесь целым и невредимым"...

...В первую катастрофу лейтенант Нечепоренко попал 26 февраля 1940 года. Тогда после очередной бомбардировки линии Маннергейма самолет был подбит зенитным снарядом, однако летчик на одном моторе все же дотянул изрешеченную машину до своего аэродрома. Бомбардировщику предстоял длительный ремонт, и лейтенанта временно определили штурманом на самолет Р-6, используемый в качестве воздушного танкера по перевозке горюче-смазочных материалов.

С неудовольствием воспринял Нечепоренко новое назначение, пусть и временное. Успешно провоевал почти всю зимнюю войну с Финляндией, а теперь его в извозчики, доставлять горючее на аэродром острова Лавенсари.

Первый рейс на Лавенсари был совершен успешно, хотя погода и не благоприятствовала полету. Перед вторым рейсом техник самолета дополнительно загрузил хвостовую часть фюзеляжа ящиками с запчастями. При взлете центровка Р-6 была нарушена, и с высоты ста метров он свалился в штопор и врезался в землю. Штурман получил тяжелое ранение, а летчик и техник самолета отделались сравнительно легкими ушибами.

Очнулся Нечепоренко в полевом госпитале уже после операции. Глаза ничего не видели, лицо сплошь забинтовано, нельзя пошевелить ни рукой, ни ногой. Казалось, конец всему, налетался, быть теперь вечным калекой. Уж тогда бы разбиться насмерть...

Настроение больного несколько улучшилось после снятия повязок, Он боязливо открыл глаза и, к неожиданной радости, увидел свет. "Я же не слепой, я зрячий! Значит, надо жить!"

Лечение затянулось более чем на полгода, Нечепоренко уже дважды съездил в санаторий на Черноморское побережье Крыма, чувствовал себя вполне нормально. Однако военно-врачебная комиссия к полетам его категорически не допускала. Он понял, что в морской авиации ему больше не служить и попросил командование перевести его на должность командира торпедного катера. Четыре года срочной он прослужил на торпедных катерах, был главным старшиной мотористов, потом захотел стать морским летчиком и поступил в Ейское военно-морское авиационное училище.

В переводе на торпедные катера Нечепоренко категорически отказали. И вскоре он был, наконец, назначен штурманом звена в экипаж лейтенанта Селиверстова...

Вторая катастрофа произошла 11 июля 1941 года. После нанесения бомбового удара в составе звена по скоплению танков и механизированных частей немцев под городом Порховом ДБ-3 лейтенанта Селиверстова на обратном курсе был обстрелян зенитной артиллерией. Один из снарядов угодил в левую плоскость, пробил баки с бензином и маслом, поджег мотор, ранил летчика. Ценой невероятных усилий лейтенант Селиверстов дотянул подбитый бомбардировщик до линии фронта, пересек ее на высоте всего лишь около ста метров. И тут от перегрева рассыпался правый мотор, самолет быстро терял скорость и готов был завалиться в штопор. Последним усилием летчик направил бомбардировщик на вершины соснового леса,

это было единственно правильное решение, ибо ветви деревьев смягчили удар. Нечепоренко потерял сознание, а когда очнулся - с трудом вылез из смятой штурманской кабины. Его глазам предстала страшная картина: сплющенный самолет придавлен вывороченными с корнями соснами, от места правого мотора поднимался пар, к нему по плоскости текли струйки бензина из пробитого бака. Вот-вот вспыхнет пожар, и бак с бензином взорвется.

Первая мысль о командире. Что с ним? Если он не пытается выбраться из кабины, значит, нет сил. Тяжело ранен.

Нечепоренко отстегнул лямки и быстро сбросил с себя мешающий свободному движению парашют. По левой плоскости добрался до кабины летчика. Так и есть, Селиверстов тяжело ранен, над правым виском видна кровь. Начал что было сил бить кулаком по целлулоиду фонаря, изранил пальцы в кровь, с трудом проделав отверстие. Дальше стал обеими руками вырывать куски прочного целлулоида. В нос ударил едкий запах дыма: струйки бензина дотекли до раскаленного металла от остатков мотора и вспыхнули. Нечепоренко с силой потянул на себя безжизненное тело командира, по плечи он уже был вытащен из кабины. И тут взметнулся в высь огненный столб: взорвался правый бак с бензином. Взрывной волной Нечепоренко сбросило на землю. Он тут же поднялся на ноги и стремглав вновь забрался на плоскость. Потянул что было сил Селиверстова из охваченной пламенем кабины, но мешал на летчике парашют, а снять его через пробитое отверстие в фонаре кабины не представлялось возможным.

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем Нечепоренко каким-то чудом удалось все-таки вытащить из кабины лейтенанта Селиверстова и вместе с ним рухнуть на центроплан. Одежда на летчике и штурмане горела, языки пламени охватывали уже и левую плоскость.

К счастью, на помощь пришли стрелок-радист и воздушный стрелок, наконец-то выбравшиеся из-под обломков бомбардировщика; все вместе они свалились на землю и отнесли Селиверстова в сторону от горящего ДБ-3.

Вскоре над местом катастрофы закружил санитарный самолет У-2; один из штурманов ведомого бомбардировщика засек место падения самолета командира звена лейтенанта Селиверстова и вот теперь прилетел на помощь. У-2 сел рядом, на полянке, из него вышли командир эскадрильи капитан Ефремов, военврач и штурман, запомнивший место катастрофы.

Лейтенанта Селиверстова доставили в полевой госпиталь на У-2, остальные члены экипажа добрались до аэродрома по

железной дороге с эшелоном, эвакуирующим семьи железнодорожников из Пскова в Ленинград...

"Вы, Тихон Иванович, свой лимит по падениям уже выбрали полностью. Теперь всю войну провоюете и останетесь целым и невредимым,- Нечепоренко снова повторил про себя слова командира полка полковника Преображенского.- Да, но ведь я падал на землю, а тут море, вода?" - насторожился он. Огляделся по сторонам. Шапок от разрывов снарядов становится все меньше и меньше. Вскоре они пропали вовсе. Бомбардировщик благополучно пробил все заградительные огни и вышел на просторы Балтийского моря. Теперь они вне опасности!

И вдруг в наушниках испуганный голос стрелка-радиста краснофлотца Нянкина:

- Немецкие истребители-ночники! Догоняют нас с верхней задней полусферы! Вижу огни от их фар!..

Нечепоренко забеспокоился. Неужели фашисты послали вдогонку свои истребители? Обычно немецкие летчики опасаются летать над морем, а тут, видимо, рискнули.

Сколько ни всматривался Нечепоренко в густую синь неба, лучей от фар-прожекторов немецких ночных истребителей не видел. Зато ярко светились три звезды точно в указанной Нянкиным верхней задней полусфере. Видимо, от напряжения, а еще вернее, от взбучки командира за провороненное нападение ночника еще при отходе от Берлина их-то и принял Нянкин за лучи фар-прожекторов немецких истребителей.

- Товарищ командир, тревога ложная,- сообщил Нечепоренко.- Стрелок-радист, товарищ Нянкин, пора научиться отличать огни фар немецких ночников от небесных светил. Не первый год служите!

- Ничего, бывает,- примирительно сказал Есин. - Главное, наблюдение за воздухом не ослаблять.

Он пошел на снижение. На высоте четырех тысяч метров экипаж снял кислородные маски. Кажется, вволю и не надышишься, свежий воздух пьянил, тут же начинала сказываться усталость, клонило ко сну. А впереди еще более двух часов полета над Балтийским морем. Погода явно не балует. Сразу же врезались в грозовые облака, крупные капли дождя захлестали по фюзеляжу.

По подсчетам Есина, бензина до Кагула вполне хватало. Следует лишь постараться идти по кратчайшему расстоянию до Сааремаа. Точное местонахождение в воздухе можно определить лишь по ориентирам, а вокруг непроглядная темнота: густые облака сменялись грозовым дождем.

Время тянулось медленно. По расчетам уже вышли на траверз

шведского острова Готланд, на его южной оконечности постоянно работает маяк. Вот бы воспользоваться им!

- Товарищ командир, слева по курсу световой маяк Готланда. Лучшего ориентира нам и не сыскать. Если вы пробьете слои облаков...- предложил Нечепоренко.

- Попробую пробить,- согласился Есин со штурманом и повел бомбардировщик на снижение.

Стрелка высотомера медленно поползла вниз. Нижнюю кромку облаков удалось пробить на высоте чуть более тысячи метров. Нечепоренко открыл астролюк, высунул голову по плечи, ощутил на лице сырую сильную встречную струю воздуха. Пристальный взгляд на запад, в темноту. Кажется, что-то промелькнуло или просто от перенапряжения рябит в глазах? Нет, это свет, световые проблески шведского маяка. Взять пеленг на маяк и угол визирования проблесков его огней не составляло для него труда. Опустившись в кресло, он быстро определил место ДБ-3 в воздухе. Расхождения с расчетными данными оказались вполне допустимыми, что обрадовало штурмана. На радостях он невольно запел свою любимую песню, забыв что тумблер связи по СПУ включен:

Дывлюсь я на нэбо,

Та и думку гадаю...

- Штурман, лейтенант Нечепоренко, что там у вас? - сердито спросил Есин.

- Концерт в честь первого успешного удара по фашистскому Берлину, товарищ капитан, - засмеялся стрелок-радист Нянкин.- Исполнитель артист-орденоносец Тихон Нечепоренко, он же штурман по совместительству, - съязвил он.

- Лишним разговорам шабаш! Концерт артиста-орденоносца перенесем на аэродром,- произнес Есин.- А до него еще надо дойти.

- Дойдем! Считайте, мы уже почти в Кагуле, - заверил Нечепоренко.- Вот точный курс, товарищ командир...- передал он Есину изменение курса на Сааремаа, скорость полета и время появления над аэродромом.

Ночью на аэродроме никто не сомкнул глаз. Техники, мотористы, оружейники, краснофлотцы аэродромной команды собирались группками и вполголоса, словно боясь нарушить тишину летней ночи, говорили об улетевших товарищах. Взгляды их невольно обращались на юго-запад, в темную синь неба, куда улетели дальние бомбардировщики Преображенского. Все они страстно желали летчикам поскорее нанести бомбовый удар по фашистской столице и вернуться невредимыми.

На командном пункте возле развернутой на столе карты

сидели сосредоточенные Жаворонков, Оганезов, Комаров и Охтинский. Толстая красная линия брала начало почти в центре острова Сааремаа и, пересекая все Балтийское море, шла на Берлин. Взгляды всех присутствующих в землянке были прикованы к этой линии - маршруту полета бомбардировщиков Преображенского. "В какой точке сейчас наши самолеты?" - думал каждый.

Охтинский приехал в Кагул не только для того, чтобы проводить экипажи в первый, самый трудный полет. По поручению генерала Елисеева он должен был проинформировать Жаворонкова об ухудшении для советских войск обстановки в Эстонии. Перед подготовкой к вылету Охтинский не хотел волновать командующего военно-воздушными силами ВМФ. А теперь, когда все успокоились, можно было и разъяснить сложившуюся обстановку.

Жаворонков слушал подполковника не перебивая.

7 августа дивизии 18-й немецкой армии вышли к Финскому заливу на участке Юминда - Кунда. 8-я армия Северо-Западного фронта оказалась разрезанной на части: ее 11-й стрелковый корпус отступил к Нарве, а 10-й начал отходить к Таллинну. На главную базу Краснознаменного Балтийского флота нацелены семь немецких дивизий. Части 10-го стрелкового корпуса отходят на подготовленные под Таллинном рубежи, на которых вместе с вновь сформированными бригадами морской пехоты будут оборонять город.

- Комендант Береговой обороны предполагает, что две резервные дивизии из Пярну немцы могут бросить на остров,- закончил Охтинский.

- Да, положение трудное,- сказал Жаворонков.- Придется летать на Берлин как можно чаще, пока это еще возможно.

Время шло медленно. Генерал то и дело глядел на часы. В пепельнице лежала груда окурков. В землянке витали сизые облачка дыма.

- Тяжело там ребятам. Под потолком небось идут. Холодновато придется. За бортом, как на Северном полюсе. И воздух разрежен на такой высоте. Кислородное голодание...- задумчиво проговорил Оганезов.

- Интересно, о чем завтра будет кричать немецкое радио? - поинтересовался Комаров.

Оганезов пожал плечами.

- Да ни о чем.

- Как это так?

- Да просто не поверят, что советские самолеты оказались над Берлином. И Геббельс, и Геринг заверяли немцев, что этого

никогда не будет.

Прошло еще долгих полчаса. По расчетам Комарова, Преображенский должен был бы уже отбомбиться и возвращаться обратно. Но от него никаких вестей нет. Генерал нетерпеливо поглядывал в сторону радиорубки, находившейся за стеной. Он ждал появления радиста с бланком радиограммы, а его все не было. Неужели что-то случилось?

Радист будто вырос в дверях. Глаза его радостно блестели.

- От полковника Преображенского, товарищ генерал! - он протянул Жаворонкову радиограмму.

Жаворонков выхватил бланк, впился в него глазами.

- "Мое место - Берлин. Работу выполнил. Возвращаюсь",- прочитал он вслух.Молодчина Преображенский! Молодцы летчики-балтийцы! Теперь мы Берлину покоя не дадим. Проторили дорожку...

Весть о возвращении бомбардировщиков мигом облетела аэродром. Волновало одно: все ли самолеты возвращаются? Так не хотелось терять боевых товарищей.

Наступило утро. Тихо, совсем тихо на аэродроме. Все вокруг ждет пробуждения. Темные деревья и трава, цветы с еще закрытыми лепестками, птицы в соседнем лесу - все ждет священного мига, когда встанет солнце и возвестит начало нового дня. И так же нетерпеливо, как природа ждет наступления нового дня, ждут возвращения самолетов люди на аэродроме, готовые соединить счастье победы с торжеством ликующего утра.

Охтинский вместе со всеми пристально всматривался в пустынное серое небо, напряженно прислушивался.

- Летят! Братцы, летят! - закричал вдруг техник флагманского самолета старшина Колесниченко и побежал к посадочной полосе.

Охтинский напряг слух и уловил далекий звук моторов самолетов. Техник не ошибся.

- Наши летят! Наши,- закричали со всех сторон.

Гул моторов нарастал с каждой секундой, и вот уже из утренней дымки вынырнул первый бомбардировщик и сразу же пошел на посадку. По номерному знаку вышедший из штабной землянки Оганезов узнал машину заместителя командира второго звена капитана Беляева. За ним шли на посадку еще несколько ДБ-3 из второго и третьего звеньев. А где же остальные?

Беляев подрулил к командному пункту, заглушил моторы и сошел на землю. Рядом остановились и другие машины. К летчикам бросились все, кто стоял у командного пункта. Обнимали, жали руки, хотели качать, но летчики, молчаливые и

мрачные, сторонились товарищей, пытаясь поскорее освободиться от них.

Оганезов понял: случилось что-то неладное. Спросил:

- Отбомбились?

- Да,- резко ответил Фокин.

- Чего же вы тогда такие... колючие? - удивился Оганезов.

- Отбомбились. Только по запасной цели. По Штеттину! А до Берлина не дошли,- Фокин махнул рукой и тихо, про себя выругался.

- Погода прескверная, товарищ батальонный комиссар,- пояснил Беляев.- Не пробились. Решили по Штеттину...

- А остальные вот пробились! - Оганезов повысил голос.

- Как?! - плечистый, сильный Фокин подался весь вперед.

- Преображенский радиограмму из Берлина дал.

Фокин до боли сжал кулаки, скрипнул зубами.

- А мы... Эх, надо было одному идти,- он тяжко вздохнул и пошел прочь, ругая на чем свет стоит себя, своего штурмана и заместителя командира звена. А ведь ему так хотелось быть над Берлином! И что теперь скажет полковник Преображенский? Как же так получилось, что они оказались хуже всех?!

Капитан Беляев направился на командный пункт для доклада генералу Жаворонкову.

- Ничего страшного не случилось,- успокоил его рядом шагавший Оганезов.По запасной цели ударили. И это неплохо для начала. А до Берлина еще долетите.

Примерно через час посты ВНОС доложили о приближении к острову с юга группы самолетов:

- Летят наши!

- Наши летят, наши! Преображенский! Из Берлина!..- снова разнеслось над аэродромом. На летное поле высыпали все, кроме дежурной и караульной служб.

Первым из-за леса вывалился бомбардировщик Преображенского и с приглушенными моторами пошел на посадку. Остальные делали по кругу, а то и по два, прежде чем приземлиться. Оганезов видел, что садились все как-то неуверенно, что было непохоже на летчиков полка. Видимо, сказывались огромная усталость и чрезвычайное напряжение от длительного полета.

Военком считал подходившие самолеты. Все благополучно вернулись. Последним сел капитан Гречишников, единственный из второго звена, долетевший самостоятельно до Берлина. "Отлично, Василий! Значит, отомстил фашистам за гибель своей матери. Отомстил за жену и детей!" - подумал военком.

Когда Оганезов вместе с Жаворонковым подошли к

флагманской машине, Преображенский, Хохлов, Кротенко и Рудаков со снятыми шлемами сидели на влажной от росы траве. Лица осунувшиеся, рты ловили свежий воздух и жадно вбирали его в легкие - по всему чувствовалось, что люди устали, как не уставали до сих пор никогда.

При виде командующего Преображенский встал, надел шлем и приложил руку к виску.

- Товарищ генерал, вверенная мне авиагруппа задание Ставки выполнила. Бомбы сброшены на Берлин.

Жаворонков подошел к полковнику, обнял его и трижды поцеловал. Расцеловал он и капитана Хохлова, и стрелков-радистов.

- Дорогие вы мои соколы! Герои! Богатыри! Сердечное вам спасибо. Спасибо от всех. Не посрамили гордое звание летчика-балтийца! Донесли наше Красное знамя до Берлина. Показали всему миру, на что способна советская авиация! Честь вам и слава!

В тот же день все немецкие радиостанции сообщили:

"В ночь с 7 на 8 августа крупные силы английской авиации в количестве до 150 самолетов пытались бомбить Берлин. Действиями истребителей и огнем зенитной артиллерии основные силы авиации противника рассеяны. Из прорвавшихся к городу 13 самолетов 9 сбито".

Эта фальшивка ошеломила англичан. Спустя сутки лондонские газеты недоуменно заявили, что в ту ночь вследствие крайне неблагоприятных погодных условий ни один из английских самолетов в воздух не поднимался.

Сомнения немцев и англичан рассеяло сообщение газеты "Правда". Она писала:

"В ночь с 7 на 8 августа группа советских самолетов произвела разведывательный полет в Германию и сбросила некоторое количество зажигательных и фугасных бомб над военными объектами в районе Берлина. В результате бомбежки возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолеты вернулись на свои базы без потерь".

Второй налет на Берлин

Получив срочное сообщение от командующего военно-воздушными силами ВМФ об успешном налете на Берлин, нарком ВМФ адмирал Кузнецов тут же позвонил в приемную Верховного Главнокомандующего и попросил записать его на прием к Сталину.

- Вопрос касается бомбардировки Берлина,- сказал он Поскребышеву.

Минут через пять раздался ответный звонок. Кузнецов снял

трубку.

- Товарищ Сталин вас примет, Николай Герасимович,- раздался голос секретаря.- Приезжайте.

Сталин выглядел усталым и утомленным, видимо, опять трудился всю ночь. Он поздоровался с наркомом ВМФ за руку, предложил сесть.

- По вашим глазам вижу, что принесли хорошую весть, товарищ Кузнецов.

- Да, весть действительно хорошая. Очень хорошая. Сегодня ночью дальние бомбардировщики под командованием полковника Преображенского бомбили Берлин,доложил Кузнецов.

Сталин поднял голову, в его глазах блеснул радостный огонек.

- Значит, свершилось первое возмездие немецким фашистам за Москву!

- Так точно. В Берлине вспыхнули десятки пожаров. Летчики наблюдали много взрывов.

Кузнецов рассказал о подробностях налета, сообщенных Жаворонковым. Из тринадцати дальних бомбардировщиков лишь часть достигла Берлина, а остальные сбросили бомбы на запасную цель - морской порт Штеттин и подожгли его. Первый налет надо считать разведывательным.

- Для начала вполне было достаточно и одной эскадрильи дальних бомбардировщиков,- согласился Верховный Главнокомандующий.

- Все наши самолеты благополучно вернулись на свой аэродром. Однако,Кузнецов не в силах был скрыть довольную усмешку,- министр пропаганды Германии Геббельс в первой утренней радиопередаче поведал миру, что немецкие истребители и зенитная артиллерия сбили на подходах к Берлину девять... английских самолетов. А нам точно известно, что англичане в эту ночь на Берлин не летали.

- Англичане и немцы разберутся во всем сами,- Сталин встал из-за стола и прошелся вдоль стены.- А ваши морские летчики достойны самых больших похвал,он остановился возле наркома ВМФ.- Самых больших! Они первыми, пусть и по воздуху, проложили путь в Берлин. Исторический путь!

Сталин вызвал своего секретаря.

- Подготовьте приветственную телеграмму летчикам-балтийцам, бомбившим столицу фашистской Германии город Берлин. Телеграмма пойдет за моей подписью.

- Хорошо, товарищ Сталин,- ответил секретарь и вышел.

Сталин вновь прошелся вдоль стены.

- Теперь наши удары по Берлину надо наращивать, товарищ Кузнецов,заговорил он.- Пусть гитлеровцы в своей столице на себе почувствуют мощь советской авиации. Я уже дал распоряжение командующему Военно-Воздушными Силами Красной Армии товарищу Жигареву о выделении из состава дальнебом-бардировочной авиации еще двух эскадрилий. ДБ-три. Они на днях поступят в распоряжение генерала Жаворонкова.

- Второй островной аэродром в Асте готов к их приему,- сказал Кузнецов.

- Очень хорошо. Дальнебомбардировочную авиацию надо сразу же бросить на Берлин. Время не ждет.

- Так и сделаем. Дорожка уже проторена,- заверил Кузнецов.

Вошел секретарь с бланком правительственной телеграммы. Сталин взял бланк, сел за стол и внимательно стал читать текст. Что-то зачеркнув и поправив, он подписал телеграмму, вернул секретарю.

- Товарищ Кузнецов, представьте к наградам тех, кто бомбил Берлин и активно участвовал в подготовке этой ответственной операции,- распорядился Сталин.- Особо отличившихся представьте к званию Героя Советского Союза.

- Есть! - ответил Кузнецов, радуясь за своих летчиков и гордясь их мужеством и отвагой.

Второй налет на Берлин Жаворонков решил произвести в ночь на 9 августа. Пока немецкое верховное главнокомандование опомнится, пока вражеская агентура будет разыскивать советские самолеты, бомбы снова посыплются на их столицу.

Измученные экипажи безмятежно спали, в то время как техники, мотористы и оружейники готовили бомбардировщики к новому вылету.

Жаворонков и Комаров сидели в штабной землянке и прикидывали возможные варианты нового удара по фашистской столице. Неожиданно приехал комендант Береговой обороны Балтийского района.

- Поздравляю с первым успешным налетом, Семен Федорович,- пожал Елисеев руку Жаворонкову.- Моонзундцы гордятся: с нашей земли бомбили Берлин!

Жаворонков был рад, что комендант, несмотря на занятость, приехал поздравить морских летчиков с успешным выполнением задания Ставки Верховного Главнокомандования - так она стала называться с 8 августа.

- Только что нами получена телеграмма от товарища Сталина,- сказал Елисеев.- Приказано мне лично доставить ее героям-летчикам.

Авиагруппа особого назначения имела на вооружении

радиостанцию, предназначенную лишь для связи с самолетами, находящимися в воздухе. Специальный транспорт с радиооборудованием, вышедший из Кронштадта, не дошел до Сааремаа, немцы потопили его в Финском заливе. Поэтому радиосвязь с Большой землей авиагруппа осуществляла через Береговую оборону Балтийского района. Нарком ВМФ все указания Жаворонкову давал через генерала Елисеева, соответственно и донесения авиагруппы шли через него.

- Надо немедленно довести содержание телеграммы до всего личного состава,сказал Жаворонков.

- Экипажи спят, товарищ генерал,- осторожно напомнил Комаров.

- Ведь такое радостное событие, капитан! От самого товарища Сталина поздравление. Будите людей,- разрешил Жаворонков.

Комаров разбудил экипажи и построил их на спортивной площадке возле сельской школы. Летчики, штурманы, стрелки недоумевали: проспали всего лишь несколько часов, усталость все еще давала себя знать. Значит, что-нибудь случилось, если подняли их раньше намеченного срока. К тому же приехал начальник гарнизона островов Моонзундского архипелага.

Преображенский с заспанным, чуть припухшим лицом доложил Жаворонкову о построении экипажей.

Жаворонков вышел на середину строя.

- Товарищи! К нам пришла радостная весть,- сказал он.- Ее привез комендант Береговой обороны Балтийского района генерал-майор Елисеев. Пожалуйста, Алексей Борисович...

Елисеев достал бланк, развернул его и торжественно, чеканя каждое слово, начал читать:

"Телеграмма. Правительственная! Москва. Кремль. 8 августа.

Поздравляю летчиков Краснознаменной Балтики с успешным выполнением задания Ставки - ответным ударом по военным объектам Берлина. Своим беспримерным полетом вы доказали всему миру крепнущую мощь советской авиации, способной громить захватчика на его собственной территории. Уверен, вы и впредь будете достойно бить немецко-фашистских оккупантов как на нашей советской земле, так и на земле агрессора. Желаю летчикам новых боевых успехов в деле окончательного разгрома врага всех свободолюбивых народов мира- германского фашизма. Сталин".

- Ура-а! Ура-а! - раздались дружные возгласы. Усталость сняло как рукой. Летчики, штурманы, стрелки поздравляли друг друга. Еще бы! Их благодарит сам Сталин! Верит, что они еще не раз принесут в фашистскую столицу на своих самолетах грозное возмездие. И они - летный состав авиагруппы особого назначения

- оправдают высокое доверие Верховного Главнокомандующего!

Жаворонков пригласил Елисеева на праздничный обед. Елисеев отказался. Очень много срочных дел. Вчерашнее резкое изменение боевой обстановки на эстонском участке фронта в связи с выходом немецких войск к Финскому заливу заставило его бросить все силы и средства на строительство оборонительных сооружений восточного берега острова Муху. Именно там, согласно плану "Беовульф II", гитлеровцы намечают с Виртсу через семикилометровый пролив Муху-Вяйн высадить десант до дивизии включительно. "День Х", к сожалению, не известен моонзундцам, но он может наступить быстрее, чем хотелось бы, ведь район Таллинна и Моонзундский архипелаг находятся уже в тылу немецких войск, и, видимо, захват их командование группы армий "Север" считает делом решенным. Елисеева очень беспокоили две немецкие резервные дивизии, находящиеся в Пярну. Уж не намереваются ли гитлеровцы использовать одну из них в качестве десанта на остров? Или бросят на штурм Таллинна?

Елисеев, направляясь на остров Муху, забрал с собой и начальника штаба подполковника Охтинского. Представителем Береговой обороны Балтийского района в авиагруппе остался начальник политотдела полковой комиссар Копнов.

- Прошу вас о любом изменении обстановки информировать меня, Алексей Борисович,- попросил Жаворонков.- Это очень много значит для наших налетов.

Праздничный обед прошел шумно и весело. Повара постарались на славу, официантки - девушки-эстонки с соседних хуторов едва успевали разносить по столикам всевозможные закуски и горячие блюда. Снабженцы раздобыли у рыбаков местные деликатесы: малосольного лосося, красную икру, копченого угря, маринованные миноги и сладкую копченую салаку. Были на столе домашнее жаркое из молодого поросенка и щи из свежей капусты по-флотски. Те, кто сегодня летал на боевое задание, выпили лишь по две маленькие рюмки коньяку: за успешное выполнение первого удара и за благополучное возвращение из второго полета.

Говорили все сразу, перебивая друг друга. Делились впечатлениями о налете на фашистскую столицу, рассказывали о злоключениях, выпавших на долю каждого летчика, штурмана, стрелка-радиста и воздушного стрелка.

Преображенский радовался, глядя на веселые, возбужденные лица боевых друзей. В их кругу он чувствовал себя словно в домашней обстановке, каждый ему был хорошо знаком, каждого он знал, каждому верил. Все вместе они празднуют сегодня свою

первую победу и готовы опять вылететь на боевое задание.

Преображенский вдруг забеспокоился. Только сейчас он заметил, что среди них нет Фокина.

- Где старший лейтенант Фокин? - спросил он у Комарова.

- Не знаю, товарищ полковник. Вроде был здесь при построении.

- Товарищ Фокин в комнате отдыха,- сказала старшая официантка Элла.- Я приглашала его. Он отказался...

Преображенский не дослушал Эллу, встал из-за стола и пошел в спальное помещение.

Фокин лежал на койке прямо в обмундировании.

- Больны, Афанасий Иванович?

Фокин приподнял большую, чисто выбритую голову, увидел полковника и попытался закрыться подушкой.

- Больны, что ли? Я же вас спрашиваю!

- Нет. Не болен...

- Тогда в чем дело?

- Эх, товарищ полковник, товарищ полковник,- Фокин тяжко вздохнул, засопел.

- Спали?

- До сна ли тут!

- Почему не на обеде?

- Не хочу.

- Да что с вами? Боевой летчик и вдруг раскис! Афанасий Иванович, не узнаю вас,- Преображенский нарочно говорил с упреком, догадываясь о состоянии летчика.

- Я же не дошел до Берлина! - вырвалось с болью у него из груди.- Не дошел! Мне... стыдно ребятам в глаза смотреть. Я, старший лейтенант Фокин, которого вы, товарищ командир, часто в пример ставили, и не дошел! Не дотянул...

- Знаете, Афанасий, а ведь и у меня при подходе к территории Германии появилась мысль отбомбиться над Штеттином. Когда в месиво попал, в сплошные кучевые облака,- просто сказал полковник.

- Но все-таки вы дошли до Берлина! - воскликнул Фокин.- И другие дошли.

- И вы сегодня дойдете, уверен.

- Я лечу?

- Конечно! Как же без вас?

Фокин встал, вытянулся во весь свой богатырский рост, расправил широкие плечи. Как клятву произнес:

- Сегодня я обязательно дойду до Берлина! Слово коммуниста, товарищ командир!

- Верю, Афанасий, верю, друг мой боевой,- полковник

дружески подтолкнул Фокина к двери.- А сейчас быстро обедать. Красавица Элла вам такие блюда подаст - пальчики оближете!

В 20 часов построение у подземного командного пункта, последний инструктаж, получение метеосводки. И в 21 час - взлет.

Опять летели три звена: первое возглавлял Преображенский, второе - капитан Гречишников и третье - капитан Ефремов.

В состав звеньев вошли экипажи капитанов Плоткина и Есина, старших лейтенантов Фокина, Трычкова и Финягина, лейтенантов Кравченко, Александрова, Русакова и Мильгунова.

Увеличили калибр бомб. Кроме ФАБ-100 и ЗАБ-50 на самолетах, моторы которых были меньше изношены, на внешнюю подвеску поместили по одной или по две ФАБ-250.

Полет Преображенский опять определил как разведывательный. Действия над Берлином оставались прежними: каждый бомбардировщик выходит на цель и возвращается на аэродром самостоятельно. Высота бомбометания - до семи тысяч метров, ниже нельзя, так как гитлеровцы откроют ураганный огонь по советским самолетам.

Капитан Каспин, только что вернувшийся с капитаном Усачевым на Че-2 из полета по маршруту, предвещал ухудшение погоды. За сутки облачность стала гуще и выше, возможен дождь и на высоте даже изморозь.

- Погода - дрянь,- рассматривая метеосводку, проговорил Хохлов.- Тоже мне метеобогом называется,- покосился он на Каспина.- Не мог по-дружески получше погодку дать.

- Циклон бушует,- уклончиво ответил Каспин.

- Товарищи! Сегодня все должны долететь до Берлина. Это наш ответ на поздравительную телеграмму из Ставки,- сказал Оганезов. Он уже успел объехать все самолеты и вручить стрелкам объемистые пачки листовок.

Первым взлетел флагманский ДБ-3.

- Иду на Берлин! - сообщил на землю Преображенский.

Длинным темно-зеленым клином пронесся под крыльями полуостров Сырве. Его оконечность - мыс Церель с полосатым маяком - Преображенский так и не увидел: бомбардировщик врезался в стену облаков.

"Метеоролог оказался прав,- подумал он.- Попробуем пробить облака".

Моторы гудели натужно, самолет медленно набирал высоту. Три тысячи метров. Три тысячи пятьсот... Четыре тысячи... А сплошному мутному месиву, казалось, не будет и конца.

Пять тысяч метров. Над головой наконец открылась густая синева вечернего неба, а под фюзеляжем - горы облаков,

устрашающе черных по курсу и красновато-рыжих справа, подсвеченных лучами заходящего солнца.

Левый мотор начал фыркать, задыхаться. Опять перегрев! Винить техника самолета Колесниченко тут не за что. Моторы заметно износились и при большой нагрузке греются. Преображенский сбавил обороты левого мотора, давая ему возможность несколько охладиться, благо за бортом минус 40.

- Что случилось, Евгений Николаевич? - спросил в микрофон Хохлов, заметив, что один двигатель работает с малой нагрузкой.

- Левый барахлит, штурман.

- Что с ним?

- Греется.

- На таком-то морозище!

- Дал ему отдохнуть. А там посмотрим...

О возвращении Преображенский и думать не хотел, хотя в сложившейся ситуации имел на это полное право. Ведь все летчики дали клятву в ответ на поздравительную телеграмму из Ставки долететь сегодня до фашистской столицы. Так разве он, командир, может повернуть назад? В конце концов можно и на одном моторе идти.

Чистая полоса неба кончилась. Опять облака. Снова надо идти вверх, там и похолоднее будет для мотора, и облачность меньше.

Шесть тысяч метров. В кабинах минус 36 градусов. Холод пробивает теплую меховую одежду, проникает до костей.

- Кротенко, как вы там?

- Ничего, товарищ командир. Терпимо. Порядок у нас,- ответил Кротенко. Чтобы как-то согреться, он без конца крутил турельную установку и притопывал ногами, обутыми в унты. Его сектор наблюдения - верхняя полусфера, а Рудакова - нижняя. Старшего сержанта точно и мороз не брал; прижавшись к люковому пулемету, он внимательно смотрел вниз. Мучила лишь качка, когда самолет летел в облаках. Его хвост прыгал во все стороны точно на ухабах. А тут еще стало трудно дышать, воздуха в кислородной маске не хватало, хотя баллон открыт на полный доступ.

Холод при кислородном голодании как бы уходит на второй план. Руки и ноги становятся непомерно тяжелыми, тело словно чужое, непослушное, усталость страшная, и оттого появляется безразличие ко всему. Лицо покрывается холодным потом. Пот на спине, на шее, на груди. Все начинает кружиться перед глазами, и нет сил, чтобы удержаться, уцепиться за что-либо рукой. Огненные круги в глазах, к горлу подступает тошнота.

Если стрелки-радисты осуществляют лишь наблюдение, то

каково летчику, ведущему машину в темноте, и штурману, определяющему курс?! Даже если будет еще хуже, еще тяжелее, ни Кротенко, ни Рудаков об этом не скажут.

- Штурман, Петр Ильич, как вы там? - поинтересовался Преображенский.

- Ни черта не вижу. Стекла очков покрываются пленкой льда. Не успеваю счищать,- ответил Хохлов.- А вы как?

- Глаза болят. Все прыгает... Придется опускаться ниже,- полковник отжал рукоятки штурвала от себя, и бомбардировщик послушно пошел на снижение.

Высота четыре тысячи пятьсот. Дышать легко, но вокруг темень. В густых облаках самолет словно все время на что-то натыкается, его трясет и бросает из стороны в сторону. На стеклах кабин появилась тонкая пленка льда.

- Петр Ильич, у меня не работает компас,- услышал в шлемофоне голос командира Хохлов.- Что с ним такое? Да и второй тоже... Вот беда. Замерзли они, что ли? Надежда теперь только на ваш компас.

Хохлов взглянул на штурманский компас и побледнел. В глаза бросился пузырь под стеклом котелка. Если он расширится,- конец главному аэронавигационному прибору. Видимо, то же самое произошло и с компасами в кабине летчика. А отчего бы? Вроде все в порядке? Только разве что холод...

- Командир, мой компас работает как часы! - не решаясь волновать Преображенского, ответил Хохлов.

Если выйдет из строя и штурманский компас, тогда наступит полная потеря ориентировки. И так ничего не видно в сплошном черном месиве, да еще приборы отказали. Все что угодно, но компас надо спасти.

Скрюченными от холода пальцами Хохлов снял унты и меховые чулки. Меховыми чулками он прикрыл компас, защищая его от пронизывающего холода, а закоченевшие ноги вновь сунул в унты.

Облака стали реже, появились просветы, над головой засверкали звезды. И тут сквозь гул моторов донеслись частые ухающие звуки. "Вражеские зенитки! безошибочно определил Преображенский.- Но откуда?!"

- Петр Ильич, слышишь? - спросил он.

- Слышу.

- Где мы?

- Над морем. На траверзе Свинемюнде.

Преображенскому стало ясно: гитлеровцы выставили в море корабли, и они обстреливали советские бомбардировщики, идущие на Берлин. Стреляли скорее для виду, попасть в такой

тьме едва ли надеялись. Зенитным огнем они показывали советским экипажам, что их обнаружили, а следовательно, будут ждать впереди.

- В белый свет как в копеечку! - пошутил Кротенко.

Огонь кораблей встревожил Преображенского. Что-то будет, когда они полетят над территорией Германии?

Опасения его оправдались. Едва достигли Штеттина, как воздух начали полосовать прожекторные лучи, открыли огонь зенитные батареи. Ясно было, что корабли успели сообщить в Штеттин о летевших советских самолетах, и вот теперь вражеские зенитки били не переставая. В облаках не видно разрывов снарядов, но когда ДБ-3 появлялся в чистом ночном небе, то летчики ясно видели красноватые вспышки и слышали характерный сочный звук.

"До Берлина еще полчаса! - подумал Преображенский.- Надо бы подняться выше, да кислородные приборы что-то барахлят". Он был уверен, что все остальные самолеты на предельной высоте и огонь зениток им не страшен, и был немало удивлен, когда увидел за собой ДБ-3.

- Кротенко, кто там у нас на хвосте сидит? - спросил он стрелка-радиста.

- Трудно разглядеть бортовой номер, товарищ командир.

- А вы постарайтесь.

- По всей вероятности, старший лейтенант Фокин... Да он к нам с самого начала привязался. Ни на метр не отстает.

"Как же он ориентируется? - подумал Преображенский.- Ведь мы летим без аэронавигационных огней. Ах да, по искрам из выхлопных патрубков,- догадался он.- Вот молодец Афанасий! Видно, хочет дойти до Берлина во что бы то ни стало".

Весь оставшийся путь до Берлина летели в сопровождении лучей прожекторов и огня зенитных батарей. Перед самым городом плотность заградительного огня увеличилась. В воздухе появились ночные истребители-перехватчики с ярко светящимися фарами. Они, точно метеориты, стремительно проносились по темному небу. Главное - не попасть в их лучи-щупальца. А в темноте они могут даже проскочить рядом и не заметить.

Берлин был затемнен.

- Ага, научили мы их светомаскировке! - развеселился Хохлов. Он радовался, что вывел машину на цель.

Кварталы города хотя и не совсем ясно, но просматривались. Хохлов вел машину точно по боевому курсу.

- Есть цель!

- Давай, Петр Ильич, посылай "подарки",- сказал Преображенский.

Сработали пиропатроны. Бомбардировщик подпрыгнул вверх, освободившись от тяжелых бомб. Кротенко открыл нижний люк и вытолкнул пачку листовок.

- Вижу два взрыва! - доложил Рудаков, наблюдая за нижней полусферой.- Еще один! Еще... Горит!

- Порядок,- сказал Преображенский.- Возвращаемся...

Обратный путь над территорией Германии был еще опаснее. Зенитки будто взбесились. Вокруг сверкали шапки разрывов снарядов. Лучи прожекторов ставили сплошные световые завесы. А высота лишь четыре тысячи пятьсот метров, выше забираться нельзя, так как можно задохнуться от нехватки кислорода. Миновали зону обстрела, а тут - новая опасность. По небу метались грозные светлячки ночные истребители с включенными фарами, надеясь поймать своим лучом советские бомбардировщики. Скорость у истребителя высокая, вооружение сильное, попадись в луч - и конец.

- Слева немецкий истребитель! - доложил Кротенко. Он вцепился в турельную установку, намереваясь полоснуть его пулеметной очередью. Но огня приказано не открывать.

Преображенский скосил глаза налево, заметил мелькнувшую рядом тень. "Пронесло!"

И тут же в глаза ударил ослепительный сноп света: ДБ-3 оказался в смертоносном луче другого ночного истребителя. "Попались все же..." мелькнуло в голове. В следующее мгновение Преображенский резко отжал рукоятки штурвала от себя и бросил бомбардировщик вниз. Немецкий истребитель проскочил выше. "Ушли",- вздохнул облегченно экипаж.

Над Балтийским морем лететь стало легче, можно было даже снизиться. Ни вражеских зениток, ни прожекторов, ни ночных истребителей. Сплошные бесконечные облака. Кажется, будто и не летишь вовсе, а висишь во тьме. Лишь монотонно гудят моторы, да качает, точно в легковой автомашине, идущей по плохой проселочной дороге.

Напряжение спало, зато навалились усталость и сонливость. Так бы вот и закрыл глаза. Хотя бы на несколько минут. Но до аэродрома еще очень далеко, и внимание снижать нельзя.

- Петр Ильич, точно ли ты послал "подарки" Гитлеру? - спросил Преображенский, чтобы как-нибудь отвлечься.

- Точнее быть не может,- ответил Хохлов.

- Сегодня же он объявит тебе благодарность.

- А завтра мы ему снова "подарочек" от моряков Балтики.

Замолчали. Говорить не хотелось, было тяжело произносить слова. Монотонное гудение моторов усыпляло. Преображенский напряг всю свою волю.

- Где мы находимся, штурман?

- На траверзе Либавы.

Через минуту, как бы в подтверждение слов штурмана, справа донеслась дробная канонада: вражеские зенитчики открыли огонь.

"Молодец у меня штурман! С таким хоть куда. В сплошных облаках летим, а определил свое место словно в хорошую видимость",- тепло подумал Преображенский о своем помощнике.

- Петр Ильич, как ты себя чувствуешь?

- Нормально, Евгений Николаевич.

- А я что-то того... Глаза режет. Возьми на полчасика управление.

- Добро, командир. Беру управление,- с готовностью ответил Хохлов, давая возможность полковнику немного передохнуть. Он отодвинул от себя штурманскую карту, поднял с нее гаечный ключ 17 на 9, сунул его в полетную сумку и тепло подумал о нем: "А волшебный у меня ключик! Счастливым оказался! Оба раза удачно слетали на Берлин. Талисман мой да и только. Теперь я никогда не расстанусь с ним..."

Дальний бомбардировщик Есина подходил к Берлину последним, как и при первом налете. На этот раз немецкая противовоздушная оборона встретила советские самолеты еще до подхода к Штеттину. Темное небо рассекали сотни разноцветных лучей прожекторов, повсюду шапки разрывов зенитных снарядов, казалось, простреливается все огромное воздушное пространство от Штеттина до самого Берлина.

Есин не рыскал по сторонам с целью отклонения от зенитного огня, а вел ДБ-3 напрямую, по кратчайшему расстоянию. Вероятность попадания на высоте семи километров не очень-то велика, да и время, такое дорогое в этот момент, нельзя терять. Любое отклонение скажется на изменении курса, скорости и высоты полета.

Нечепоренко с любопытством глядел на безумную пляску беснующихся вокруг лучей прожекторов. Ни один из них так и не нащупал советский бомбардировщик и оттого ошалело кидался из стороны в сторону, вспарывая темноту. Силы у лучей не хватало, они заметно ослабевали на семикилометровой высоте и сверху уже представляли из себя светлые пятна. Шапки разрывов в основном появлялись под фюзеляжем. Иногда они, точно огромные пузыри от дождя, лопались поблизости от плоскостей, и тогда взрывные волны клали ДБ-3 на крыло или подкидывали вверх.

До Берлина оставалось пятнадцать минут полета. И тут зенитная артиллерия прекратила огонь. Стало ясно, на перехвате

сейчас появятся ночные истребители. Это гораздо опаснее. Из цепких лучей-щупалец истребителя не так-то просто вырваться.

- Стрелок-радист, все внимание на ночников! - предупредил Есин.- Не давай истребителям выходить на прицельную стрельбу.

- Есть, понял, товарищ капитан!- отозвался Нян-кин.

Немецкий ночной истребитель появился неожиданно, справа по курсу. Свои фары-прожектора он включил в самый последний момент на очень близком расстоянии. Видимо, испугавшись столкновения, летчик взмыл вверх, и в каких-то десятках метров страшной тенью ночник промелькнул над кабиной штурмана.

- Пронесло,- с облегчением выдохнул Нечепоренко. Он был почти уверен, что истребитель теперь навсегда потерял "букашку", но тот через минуту зашел в атаку снизу.

- Немецкий ночник! - закричал Нянкин.- Подходит с задней нижней полусферы!..

Стрелок-радист открыл огонь из пулемета по приближающемуся истребителю, но это не сбило его с курса атаки. И если бы Есин не бросил самолет резко вправо и вниз, неизвестно чем бы закончилась дуэль стрелка-радиста с немецким летчиком.

Истребитель проскочил мимо, а ДБ-3, к радости экипажа, вошел в спасительные облака. Насколько их слой толст - неизвестно. Но хорошо бы облачность тянулась до самого Берлина! Ведь осталось всего десять минут полета.

Облачный слой оказался до обидного небольшим, бомбардировщик всего около минуты пробивал его. Не успел стрелок оглядеться, как к правой плоскости протянулась огненная трасса снарядов и пуль: подстерег все же истребитель советский самолет, немецкий летчик точно рассчитал момент его выхода из облаков. Пулеметная очередь стрелка радиста уже была выпущена впустую; истребитель на большой скорости промелькнул рядом.

Нечепоренко надеялся, что и в третий раз ночник промахнулся, но верная "букашка" вдруг начала заваливаться носом. С ужасом заметил, как правый мотор тут же снизил обороты. Тяга значительно упала, самолет идет на снижение. Стрелка высотомера скатилась до отметки шесть тысяч метров, дальше спускаться нельзя, на высоту до пяти с половиной тысячи метров подняты немцами аэростаты заграждения. Говорить сейчас что-либо Есину бесполезно, капитан лучше него понимает, в какое сложное положение они попали. Разумнее всего сейчас бы освободиться от груза бомб, но ведь Берлин совсем рядом!

Снижение прекратилось, подбитый правый мотор тянул, хотя и далеко не на полную мощь. И тут новое испытание: снова

ураганный огонь зенитной артиллерии. В кабине стало светло, лучи прожекторов уже доставали снизившийся советский бомбардировщик. Перекрещиваясь десятками, они ловили самолет, давая целеуказание зенитным батареям.

Внимание Нечепоренко слева по курсу привлек особо яркий пучок света: лучи прожекторов, уставшие от длительной пляски, словно замерли, затем медленно начали клониться в сторону Берлина. В центре их перекрестия он вдруг увидел силуэт дальнего бомбардировщика. В следующее мгновение на его месте блеснуло оранжевое пламя. Стало ясно, ДБ-3 взорвался. Очевидно, один из зенитных снарядов точно угодил в бомболюк, авиабомбы сдетонировали и развалили самолет на куски.

До боли защемило сердце. Кто из его боевых товарищей погиб на подходе к Берлину? Капитан Есин в Кагуле взлетал последним, двенадцатым. Перед ним стартовал ДБ-3 старшего лейтенанта Финягина со штурманом лейтенантом Диким. С Сашей Диким они дружили, вместе учились в Ейском военно-морском авиационном училище. Перед взлетом они крепко обнялись и пожелали друг другу боевого успеха, обязательно вернуться на аэродром и отметить победу. А может быть, взорвался другой самолет? Чей же тогда? Десятым взлетал экипаж капитана Плоткина. Его штурман лейтенант Рысенко тоже учился вместе с ними...

Нечепоренко сильно тряхнул головой, словно стремился избавиться от неприятных мыслей. Склонился над расчетами, ввел коррективы в угол прицеливания, ведь теперь высота шесть тысяч метров. Кажется, все в порядке.

- Подходим к цели!

Уже открыты бомболюки, снят предохранитель с электросбрасывателя. Сигнальными огнями штурман довернул ДБ-3 точно на боевой курс.

- Боевой! Так держать!

Как только заветная черточка вползла в пузырек прицела Нечепоренко нажал кнопку электросбрасывателя. Восемь зажигательных и фугасных авиационных бомб полетели на город, в котором уже бушевали десятки пожарищ от сброшенных бомб ранее отбомбившихся самолетов.

- Пошли, родимые!

Напряженный взгляд в прицел на затемненный Берлин. Вздох облегчения, радости, гордости: красноватые точки, все восемь, вспыхнули почти одновременно.

- Есть цель!

Есин развернул подраненную "букашку" на обратный курс. Освобожденному от бомбового груза самолету лететь гораздо

легче, но подбитый правый мотор тянет вполсилы.

И опять, в который уже раз, впереди огненный маршрут до самого Балтийского моря. Снова устрашающие шапки разрывов зенитных снарядов окружили самолет, сопровождая его полет до Штеттина. Есин привычно бросал бомбардировщик в стороны, вверх и вниз, сбивая прицельный огонь немецкой зенитной артиллерии. И так все долгие полчаса полета. Слева проплыл горящий Штеттин - опять кто-то не дошел до Берлина и бомбил запасную цель, еще немного и "букашка" войдет в спасительное воздушное пространство над Балтийским морем. Зенитки уже больше не сопровождают самолет. Можно чуточку расслабиться, как вдруг холодящий сердце крик стрелка-радиста по СПУ:

- Истребитель справа! Перехватывает нас!..

Есин скосил глаза в указанном стрелком-радистом направлении, заметил мощный луч от фары-прожектора немецкого ночного истребителя и в ту же секунду отжал ручку штурвала от себя, направив бомбардировщик круто вниз, в облака. И вовремя! Истребитель пронесся рядом, потеряв в зоне видимости советский самолет.

Около тысячи метров летел вниз ДБ-3, пока не достиг облаков. Есин перевел его в горизонтальный полет.

- Молодец, стрелок-радист,- похвалил он Нянкина.- В самый раз заметил ночник. Спасибо тебе. Выручил.

- Вот только резануть по нему не успел,- попытался оправдаться довольный похвалой командира Нянкин.

- Ничего. Основное в нашем деле - засечь истребитель.

- Полюбили нас немецкие ночники,- вмешался в разговор штурман.- Четыре атаки произвели! Надо же...

Снизились до четырех тысяч метров, сняли кислородные маски. Под фюзеляжем темные нагромождения облаков. Есин определил, что снарядом или пулей поврежден наддув правого мотора. Пока он работает, но может и заглохнуть от перегрева.

- Стрелок-радист, Нянкин, подготовь резиновую лодку к действию,- приказал Есин.

- Что, так опасно, товарищ капитан? - встревожился стрелок-радист. Есин усмехнулся.

- На всякий пожарный...

- Ох, давненько я не плавал на любимой резиновой лодочке по не менее любимому Балтийскому морю да еще при штормяге в шесть баллов! - пошутил Нечепоренко.

На шутку штурмана никто не ответил. Впереди предстоял двухчасовой полет над бушующим морем с поврежденным мотором.

На затянутый утренней сизой дымкой аэродром Кагул

дальние бомбардировщики садились с ходу. Самолеты сруливали с посадочной полосы на поляну, летчики глушили моторы, и усталые, измученные экипажи неуклюже вылезали из кабин, как по команде ложились на мокрую от ночной росы траву и тотчас погружались в сон. У всех было только одно-единственное желание - спать, спать, спать...

Мгновенно заснул и Преображенский, пристроившись рядом со штурманом. Очнулся он от осторожного прикосновения руки Оганезова. Рядом с военкомом полка стоял по-отцовски улыбающийся Жаворонков.

- Товарищ генерал,- полковник встал, пытаясь надеть на голову тяжелый шлем.- Товарищ генерал...

Жаворонков остановил его движением руки.

- Я все уже знаю, Евгений Николаевич. Молодцы, что и говорить. Герои!

- Все вернулись? - спросил полковник Оганезова. Военком отвернулся, подавил вздох.

- Кто не пришел?

- Ваня Финягин...

- А может быть, еще придет?! - сон как рукой сняло с Преображенского. Оказывается, он не так уж и мало спал. Солнце давно вышло из-за леса. Времени вполне было достаточно, чтобы старший лейтенант Финягин прилетел в Кагул. Что с ним? Сбит над Берлином? Получил пробоины от зенитных снарядов и сел на воду где-то посреди Балтийского моря? На резиновой надувной лодке экипаж может продержаться несколько часов и даже суток.

- Летающие лодки капитана Усачева уже полетели по маршруту,- угадав, о чем думает Преображенский, сказал Оганезов.- Хотя есть свидетели, что старший лейтенант Финягин сбит зенитками при подходе к Берлину. Штурман лейтенант Нечепоренко и стрелок-радист старшина Кудряшов из экипажа капитана Плоткина видели в небе мощный взрыв.

На машине подъехали к командному пункту. Жаворонкову надо было уже докладывать наркому ВМФ о втором налете, а один самолет не вернулся.

- Ждать больше не будем,- сказал он начальнику штаба авиагруппы. - Давайте составлять шифровку...

Капитан Комаров в журнале боевых действий в разделе "Потери боевого состава" вынужден был сделать запись:

"09.08.41. ДБ-3 No 391113. Финягин, ст. лейтенант - летчик. Дикий, лейтенант - штурман. Марокин, старшина - стрелок-радист. Шуев, краснофлотец стрелок-радист.

Самолет не возвратился из района южной части Балтийского моря после бомбоудара по г. Берлин. Судьба экипажа неизвестна".

Газета "Правда" сообщила:

"В ночь с 8 на 9 августа группа наших самолетов совершила второй полет в Германию, главным образом с разведывательными целями, и сбросила в районе Берлина на военные объекты и железнодорожные пути зажигательные и фугасные бомбы. Летчики наблюдали пожары и взрывы. Действия германской зенитной артиллерии оказались малоэффективными.

Все наши самолеты вернулись на свои базы, кроме одного, который разыскивается".

Пополнение

Для наращивания ударов по Берлину Ставка выделила в распоряжение генерала Жаворонкова двадцать ДБ-3ф дальнебомбардировочной авиации. Жаворонков радовался давно обещанному пополнению. Шутка сказать, теперь можно будет сбрасывать на фашистскую столицу вдвое больше бомб. К тому же двигатели самолетов армейской авиагруппы особого назначения - так в отличие от морской авиагруппы генерал назвал вновь прибывшее подразделение,- более мощные, с форсажем, а значит, и бомбовую нагрузку можно увеличить.

Инженерные батальоны Береговой обороны Балтийского района при помощи местного населения к вечеру 9 августа закончили строительство второго аэродрома в Асте. Генерал послал туда командира авиабазы майора Георгиади, и тот, вернувшись, доложил, что посадку дальние бомбардировщики производить могут.

Армейская авиагруппа оказалась не из одного соединения. В нее входили экипажи ДБ-3ф из 40-й авиационной дивизии под командованием заместителя командира полка по летной подготовке майора Щелкунова и эскадрильи капитана Тихонова, переброшенной с Дальнего Востока. Летчики и штурманы разных экипажей не знали друг друга, вместе не летали, и это очень расстроило Жаворонкова. Слетанность экипажей - великое дело, особенно в таких трудных полетах, которые им предстояли.

Утром 10 августа армейская авиагруппа особого назначения произвела посадку в Асте. Жаворонков с Копновым поехали туда для встречи и знакомства с летчиками.

Первой заботой генерала было рассредоточение бомбардировщиков и оборудование скрытых стоянок. По опыту морской авиагруппы Преображенского, самолеты по подготовленным рулежным дорожкам подогнали вплотную к хуторским постройкам и укрыли сверху маскировочными сетями. Из Кагула прибыла аэродромная команда краснофлотцев и помогла экипажам армейских самолетов надежно укрыть ДБ-3ф. К вечеру работа была закончена. С "чаек", поднявшихся в воздух,

поступил доклад, что аэродром Асте совершенно пуст, признаков базирования самолетов незаметно.

Копнов занялся противовоздушной обороной Асте, уехав к зенитчикам, а Жаворонков пригласил майора Щелкунова и капитана Тихонова на доклад.

- Рад, рад видеть вас, товарищи! - крепко пожал им руки генерал.- Теперь Берлин будет получать двойную порцию "гостинцев".

Доклады Щелкунова и Тихонова вначале несколько озадачили Жаворонкова, а потом расстроили совсем. Вместо обещанных двадцати дальних бомбардировщиков было выделено лишь пятнадцать: восемь в группе Щелкунова и семь в эскадрилье Тихонова. Прилетели же на остров Сааремаа только двенадцать ДБ-3ф. Два самолета остались на старом аэродроме для замены двигателей, а один при перелете был сбит над Финским заливом. Еще два самолета, прилетевших в Асте, требуют ремонта. Практически на выполнение задачи могут пойти только десять экипажей. К тому же двигатели дальних бомбардировщиков армейской авиагруппы, несмотря на форсаж, имели пониженную мощность из-за длительной эксплуатации и частых ремонтов. Некоторые ДБ-3ф в группе Щелкунова уже выработали свои моторесурсы.

Летчики и штурманы группы майора Щелкунова имели достаточный боевой опыт. Уже 23 июня они в составе полка бомбили военные заводы Кенигсберга. Затем принимали активное участие во многих налетах на вражеские тыловые аэродромы и промышленные объекты.

Эскадрилья капитана Тихонова в боях участия не принимала, однако имела некоторый опыт предвоенных, учебных полетов над морем на Дальнем Востоке.

- Что ж, давайте знакомиться, товарищи,- сказал генерал.- Нам предстоит вместе работать.

Майор Щелкунов представил командующему военно-воздушными силами ВМФ командиров экипажей своей группы, которые могут лететь на Берлин: капитанов Крюкова и Юспина, старших лейтенантов Семенова и Шапошникова.

Капитан Тихонов назвал летчиков своей эскадрильи: старших политруков Васильева и Павлова, старших лейтенантов Плотникова, Строганова и Соловьева, лейтенанта Линькова.

Из всех представленных летчиков Жаворонков знал лишь капитана Крюкова. О подвиге его экипажа писали газеты.

Примерно месяц назад, в первых числах июля, вражеские зенитки обстреляли дальний бомбардировщик Крюкова, вылетевший на разведку прифронтовой полосы. Один снаряд

разорвался вблизи штурманской кабины, осколками ранило штурмана капитана Муратбекова. Крюков взял курс на свой аэродром, но на него тут же налетели два "мессершмитта" и подожгли правый мотор. Пламя разгоралось быстро, охватывая крыло. Могла вскоре вспыхнуть и вся машина. Экипажу следовало бы выброситься на парашютах - ведь внизу своя территория, но раненый штурман не сможет этого сделать. И летчик, рискуя жизнью, повел горящий ДБ-3ф вперед. К счастью, поблизости оказался прифронтовой аэродром, и Крюков пошел на посадку. При ударе о землю отвалился правый мотор, самолет развернуло. Летчик и стрелки быстро соскочили на траву и вытащили из уже охваченной пламенем штурманской кабины капитана Муратбекова. Вот такой геройский летчик этот капитан Крюков.

- Располагайтесь здесь, товарищи, как дома. Осваивайтесь, отдыхайте,- стал прощаться генерал.- А мне пора в Кагул. У нас сегодня состоится третий налет на Берлин. Вас включу в четвертый, на завтра. Готовьтесь.

Батальонный комиссар Оганезов решил провести партийное собрание морской авиагруппы особого назначения. Уже совершено два успешных налета на Берлин, выявилось много положительного в действиях передовых экипажей, но обнаружились и существенные недостатки, которые следовало устранить немедленно. На повестке дня был один вопрос: "О ходе выполнения боевых заданий Ставки Верховного Главнокомандования и задачах парторганизации авиагруппы особого назначения".

Преображенский говорил о мужестве и отваге, проявленных экипажами бомбардировщиков в сложных метеоусловиях, при воздействии противовоздушной обороны противника, отметил добросовестную работу технического состава при подготовке машин к трудным полетам и остро критиковал техников и мотористов, двигатели самолетов которых были подготовлены недостаточно надежно. Досталось и технику флагманского ДБ-3 старшине Колесниченко - то один, то другой мотор грелся в полете. И хотя знали, что двигатели старые, моторесурс почти выработан, все же инженеры, техники и мотористы обязаны делать все возможное, чтобы моторы работали бесперебойно.

Техники самолетов, в адрес которых было высказано немало критики, заверили коммунистов, что приложат максимум усилий для выполнения задания Ставки.

Для распространения опыта первых полетов было решено провести беседы с летным и техническим составом на темы: "Взлет самолета с большой нагрузкой" полковнику Преображенскому, "Ориентировка в сложных метеоусловиях и

вождение самолета по приборам" - капитану Хохлову, "Маневрирование в зоне зенитного огня" - капитану Ефремову, "Эксплуатация самолета и мотора в дальних полетах" - военинженеру 2 ранга Баранову.

Оганезов попросил коммунистов как можно больше уделять внимания агитационно-пропагандистской работе в авиагруппе. Каждый краснофлотец, сержант, старшина, воентехник, военинженер, штурман и летчик должен знать о тяжелом положении на фронтах войны, о подвигах воинов в борьбе с захватчиками, о результатах работы боевых товарищей, что даст возможность еще лучше, с полной самоотдачей выполнять свой воинский долг.

Сам военком всегда был в курсе событий и особенно тех, которые касались летчиков 1-го минно-торпедного полка. Он записывал сообщения радио, делал выписки из газет и заставлял штабного писаря размножать их на пишущей машинке, а потом эти листки раздавал по звеньям.

- Вот вам, товарищи, первые сообщения о вашей боевой работе,- сказал Оганезов и роздал командирам экипажей по два листка.

На первом было напечатано сообщение из Лондона корреспондента ТАСС:

"Налеты советской авиации на район Берлина произвели в Лондоне громадное впечатление и оживленно комментируются печатью и радио. Газета "Дейли телеграф энд морнинг пост" указывает, что первый налет русской авиации на Берлин застал немцев врасплох. Русские гигантские бомбардировщики разбомбили предприятия и электросиловые станции в окрестностях Берлина".

На втором листке было сообщение берлинского корреспондента шведской газеты:

"...Тревога была совсем необычной. Ни одного звука моторов не было слышно, пока в северной части города не послышались оглушительные взрывы бомб. Только после этого был дан сигнал воздушной тревоги. Зенитная артиллерия не успела принять участие в отражении налета..."

- Не забывайте, товарищи, и о том, что наш славный минно-торпедный полк продолжает громить немецко-фашистские войска, рвущиеся к Ленинграду, и наносит мощные удары по тылам врага,- сказал Оганезов,

Он попросил коммунистов напомнить летно-техническому составу о том, что они находятся на отдаленных островах, блокированных противником с моря, воздуха и суши. Основная линия фронта отстоит от Кагула на 350 километров. Дивизии 18-

й немецкой армии рвутся к главной базе Краснознаменного Балтийского флота - городу Таллинну. Для обороны островов подразделений не хватает, а немецкие корабли снуют вокруг архипелага. Вероятны десанты с моря и воздуха. И в таких тяжелых условиях моонзундцы еще обеспечивают работу авиагруппы особого назначения. Гарнизон отдал ей всю истребительную авиацию, всю зенитную артиллерию для прикрытия аэродромов, выделил 15-ю морскую разведывательную эскадрилью МБР-2, снял со строительства оборонительных сооружений островов два инженерных батальона на оборудование аэродрома Асте, переключил на авиагруппу все посты ВНОС, перебросил для охраны аэродромов несколько стрелковых подразделений и обязал тыловые органы обеспечивать летно-технический состав авиагруппы всем необходимым.

При этом Береговая оборона Балтийского района вела активные боевые действия с шныряющими вокруг островов гитлеровцами. Отважные моонзундцы даже предприняли наступательные действия. Они заняли остров Рухну, находящийся почти в середине Рижского залива, мимо которого проходили вражеские конвои в Ригу, высадили с острова Муху морской десант на Большую землю и выбили передовые подразделения гитлеровцев с острова Виртсу.

12 июля 315-я башенная береговая батарея капитана Стебеля подожгла пять фашистских транспортов с техникой и вооружением, пытавшихся через Ирбенский пролив пройти в Ригу. А на другой день рано утром вражеский конвой атаковали в Рижском заливе торпедные катера из дивизиона капитан-лейтенанта Богданова, потопив и повредив несколько судов.

18 июля торпедные катера атаковали в Балтийском море транспорты врага и повредили часть из них.

25 июля 315-я башенная береговая батарея подожгла вражеский транспорт в Ирбенском проливе.

26 июля и 1 августа торпедные катера вновь торпедировали фашистские корабли.

7 августа 315-я башенная береговая батарея с торпедными катерами потопили немецкий транспорт и повредили эсминец.

Имя прославленного командира дальнобойной 315-й башенной береговой батареи стало самым известным в островном гарнизоне. Группа артистов драматического театра Краснознаменного Балтийского флота, присланная из Таллинна на Сааремаа, в своих концертах посвящала ему частушки, ставшие популярными в Береговой обороне Балтийского района.

Стал пролив Ирбенский уже,
Немцы злятся и рычат.

Весь фарватер перегружен,
Транспорта со дна торчат.
Бьет фашистов Стебель точно,
Подняли в Берлине вой:
"Этот Стебель очень прочный,
Не иначе как стальной".
Остров Эзель бьется чудно,
Немцы воют от тоски.
Раскусить орешек трудно,
Подавиться - пустяки.

Отличились в воздушных боях и летчики 12-й отдельной Краснознаменной истребительной авиационной эскадрильи майора Кудрявцева, обеспечивающие взлет и посадку дальних бомбардировщиков от нападения "мессершмиттов". На их боевом счету уже значится восемнадцать сбитых вражеских самолетов.

Бессмертный подвиг совершил летчик этой эскадрильи младший лейтенант Конкин. Во время штурмовки трех фашистских транспортов с техникой, шедших в Ригу в охранении двух морских охотников, он был тяжело ранен из крупнокалиберного зенитного пулемета. Собрав силы, младший лейтенант направил свою "чайку" на вражеский транспорт. Удар был такой, что судно глубоко осело в воду, задрав нос, и тут же вспыхнуло свечой, а потом затонуло.

За гибель Конкина его товарищи подожгли еще один немецкий транспорт и морской охотник.

Моонзундцы были всегда начеку, понимая, что находятся на самом отдаленном западном рубеже своей Родины. Их клятва до последней капли крови биться за островную землю была воплощена в коллективно сочиненной артиллеристами 315-й башенной береговой батареи краснофлотской песне:

Врагу к нам на Эзель вовек не пробраться,
На берег живым не ступить,
Как люди Цереля, умеем мы драться,
Фашистскую нечисть громить.
И штык, и граната, и дробь автомата,
И верный наш друг пулемет
Помогут бандитов отбросить обратно,
Списать навсегда их "в расход".

Особенно волнующе, мощным аккордом звучал припев:

Так грянем же песню про славный наш остров,
Про славный народ островной!
Пусть вечно наш остров
Надежным форпостом
Страны охраняет покой.

Третий налет на Берлин

Время третьего налета на Берлин Жаворонков решил не изменять. Авиация гитлеровцев над Кагулом не появлялась, следовательно, им еще не было известно, откуда вылетают советские дальние бомбардировщики. В полет готовились все самолеты, находящиеся в строю. Бомбы брали в основном ФАБ-250.

Капитан Каспин ходил мрачнее тучи: ожидалась отвратительная погода. Сильный ветер, сплошные облака, дождь, гроза, возможен град, а это значит самолеты могли обледенеть. Уменьшить воздействие циклона можно, только лишь забравшись на предельную высоту.

- Ну, Каспин, ну, капитан, когда ж вы сделаете доброе дело - дадите приличную погоду? - смеясь, ругался Фокин.- Да какой же вы, с позволения сказать, метеобог? Вы же скорее метеодьявол! Вон какой буран-ураган вещаете нам!

Каспин только разводил руками, чувствуя себя подавленным, вконец расстроенным, и оттого казался несколько смешным. Каждый летчик и штурман говорили ему колкое слово - один в шутку, другие всерьез,- словно он был виновен в ухудшении погоды.

Балтика удивительно изменчива и капризна на погоду, причем во все времена года. Сегодня может сиять солнце, воздух нагрет до духоты, а завтра подует ледяной ветер. Может идти дождь, а потом снег и снова дождь. И опять солнце. А всему виной влияние двух океанов: Атлантического и Северного Ледовитого...

Фокин возглавлял звено. Часа за два до взлета он пришел к своему бомбардировщику. Экипаж был уже на месте. Вокруг машины бегал неугомонный техник самолета воентехник 2 ранга Солобанов.

- "Паровозик" готов, товарищ Солобанов? Гитлер уже ждет нас.

- Готов, готов, товарищ старший лейтенант. Доставит вас и туда и обратно,ответил Солобанов и ласково похлопал ладонью по фюзеляжу.- Золото, а не машина. Долетит "паровоз" хоть на край света.

- На край света нам пока не требуется, там фашистов нет. А вот в Берлине их пруд пруди.

Штурман лейтенант Швецов еще и еще раз сверял по карте боевой курс.

- На потолке пойдем,- предупредил Фокин.- Метеобог принял обличие метеодьявола, погоды не дает.

Стрелок-радист старшина Лукичев и воздушный стрелок

младший сержант Белов проверяли пулеметы.

- Пулеметного огня не открывать,- предупредил Фокин.

- А если "мессеры" полезут на нас? - спросил Белов.

- Ну если уж точно полезут, тогда срезать их!

Взлетели ровно в 21 час. Жаворонков, как всегда, провожал бомбардировщики в дальний путь. Летчики и штурманы с любовью называли его "крылатым комиссаром", зная, что свою службу в авиации он начинал политработником, а теперь командует военно-воздушными силами ВМФ.

Капитан Каспин оказался близок к истине: ДБ-3 в первые же минуты после взлета врезались в толщу густых облаков. Моторы гудели с надрывом, пробивая облачность. Высота пять тысяч метров... Пять тысяч пятьсот... Шесть тысяч... Выше машина не лезет.

"Вот тебе и на край света махнем!" - вспомнил Фокин слова техника самолета Солобанова.

Облака клубились повсюду, казалось, им нет конца. Придется идти на такой высоте. Не возвращаться же!

Потянулись томительные минуты полета в сплошной темноте. Самолет бросало из стороны в сторону, чувствовалось, что внизу бушевал шторм.

Над Штеттином сразу изменилось все: беснующиеся в дикой пляске лучи прожекторов, колышущиеся края темного неба, красно-желтые сполохи от залпов батарей, шапки разрывов снарядов на пути. Подняться бы .повыше - до семи тысяч метров, но моторы не тянут. Слишком велика нагрузка, на внешней подвеске висят ФАБ-250, сопротивление воздуха из-за них больше, вот мощности и не хватает.

- До цели двадцать минут,- сообщил Швецов.

- Дойдем! Ведь рукою подать, правда, Герман?

- Правда, Афанасий Иванович.- согласился Швецов.

Первое огненное кольцо прошли благополучно. И вот второе, более мощное, охватывающее большую полосу по глубине на подступах к Берлину. Сплошная стена голубовато-молочного света от десятков прожекторов и четко видимые вспышки рыжих шапок, быстро сносимых ветром в сторону. Зато нет ночных истребителей, они боятся попасть под огонь собственных зениток.

Совсем неожиданно в районе Берлина оказалась хорошая погода. Черно-синее небо было все в звездах, и лишь кое-где проплывали клочкастые облака. Городские кварталы просматривались довольно ясно, блестела под

луной извилистая лента реки Шпрее. То тут, то там виднелись зарева пожаров - горели здания.

- Огни мести! - воскликнул Фокин.- Наши зажгли.

Он вел четвертое звено, а три первых уже отбомбились и возвращались в Кагул.

- Герман! Видишь работу наших орлов-балтийцев?

- Вижу, Афанасий Иванович.

- Давай поточней! За Москву-матушку! За Ленинград родной! За города наши и села!..

- Сейчас, сейчас, Афанасий Иванович,- соглашался Швецов.- Еще пару минут... Надо же нам свою цель увидеть.

Он нажал кнопку электросбрасывателя. Тяжелые бомбы отделились.

- Пошли, Афанасий Иванович!

- Молодцом, штурман!

Взрывы заметили все. Вспыхнул пожар.

- Вот и мы огонь мести зажгли! - ликовал Фокин. Штурман предупредил:

- Пора домой. Обратный курс...

- Погоди, Герман. Еще кружок сделаем,- не согласился Фокин.

Швецов не понял:

- Зачем же, Афанасий Иванович? Ведь бомб уже нет.

- А мы их психологически. Пусть фашисты подрожат от рокота советского бомбардировщика!

Швецов улыбнулся:

- Ладно, пожужжим над ухом Гитлера.

Фокин сделал большой круг над Берлином, давая моторам предельные обороты.

- Теперь порядок. Можно и домой.

Он повел машину в сторону моря. В душе его бурлила радость, хотелось смеяться, кричать, петь. И он запел тихо-тихо, чтобы не услышали штурман и стрелки. Запел свою любимую с детства песню:

Наш паровоз, вперед лети,
В коммуне - остановка.
Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка!..

В глаза ударил яркий, режущий луч света. Фокин даже прикрыл их меховой перчаткой.

- Герман, кто там балуется?

- Немецкие прожекторы. Поймали все же нас!

Фокин прислушался: сквозь знакомый гул моторов "паровозика" не слышно хлопающих взрывов зенитных снарядов. Значит, надо ждать ночных истребителей. Освещенный прожекторными лучами советский самолет те собьют быстро. Единственное спасение - это попытаться резкими маневрами вырваться из лучей.

Фокин резко потянул штурвал на себя, стремясь набрать высоту. Но ДБ-3 не шел вверх - не тянули моторы. Тогда Фокин бросил бомбардировщик вниз и потом уже вверх и опять вниз. Лучи цепко держали самолет.

- Товарищ старший лейтенант, немецкие ночные истребители! - услышал он в шлемофоне взволнованный голос воздушного стрелка младшего сержанта Белова.

Их сразу можно было заметить по узким длинным лучам мощных фар. Словно кинжалами, они прорезывали ночную мглу и стремительно неслись к попавшему в световую полосу советскому самолету.

- Николай, Валентин, дайте жару фашистским ночникам! - приказал стрелкам Фокин.- Сбейте их с курса!

Лукичев и Белов одновременно открыли огонь из пулеметов. Фокин бросил самолет вниз. Лучи "мессеров" промелькнули стороной.

- Так-то вот лучше!

Полет в щупальцах лучей продолжался минут двадцать. Ночные истребители то и дело заходили в атаку на освещенный советский самолет, но всякий, раз неудачно. Их встречали огнем стрелки, а Фокин маневрами уходил от лучей-кинжалов. От чрезмерного напряжения ему стало жарко, несмотря на холод в кабине, с его лица градом катил пот, застилая глаза.

И вдруг ДБ-3 врезался в стену спасительных облаков.

- Где мы? - перевел дух Фокин.

- Над морем,- устало ответил Швецов.

- Считайте, теперь дома...

Самолет затрясло, он словно все время на что-то натыкался. По корпусу и стеклу застучали крупные капли.

- Давайте высоту, Афанасий Иванович,- попросил Швецов.

- Рад бы в рай, да не тянет наш "паровозик",- ответил Фокин.

Шли томительные минуты полета. Периодически Фокин спрашивал:

- Где мы находимся, Герман?

- На траверзе Свинемюнде.

- Как там у тебя?

- Холодно. Замерзаю...

И снова длительное молчание. Напряжение проходило, наступала предательская усталость, руки и ноги тяжелели, глаза слипались.

- Герман, где мы теперь?

- На траверзе Пиллау.

- Не согрелся еще?

- Жарко, Афанасий Иванович...

- Что это тебя то в холод, то в жар бросает? - удивился Фокин.- Не заболел ли ненароком? Крепись, дружище. Немного осталось.

Через полчаса он снова запросил место нахождения самолета, но ответа от штурмана не последовало.

- Герман, ты слышишь меня? Почему не отвечаешь? Герман?! - уже почти кричал в микрофон взволнованный Фокин.- Герман, да отзовись же!

Ответа не было. Видимо, штурман потерял сознание от перенапряжения и нехватки кислорода, а может быть, и был ранен осколком зенитного снаряда. Оставалось вести машину самому. Летчик знает штурманское дело. Но если бы прокладывать курс с самого начала или хотя бы от Берлина, от точки отсчета! Сейчас же приходилось этим заниматься с полпути, а все расчетные данные в кабине штурмана.

Усталость сняло как рукой. Теперь спасение экипажа и самолета зависело только от летчика. Фокин огляделся: ДБ-3 летел в облаках. Не видно ни одного ориентира.

По расчету времени под крыльями должен быть уже входной ориентир - мыс Церель с полосатым маяком и вытянутый на юго-запад полуостров Сырве. В просветах между облаками просматривалась синь моря с белыми барашками волн. Вероятно, ДБ-3 проскочил остров Сааремаа мористее. Но может быть, наоборот, идет правее, над Рижским заливом?

Фокин понял, что заблудился. Без ориентиров ему не определить местонахождения самолета. Посмотрел на стрелку бензомера: горючее на исходе. Принял решение идти прямо по курсу. Если он проскочил острова Моонзундского архипелага, то за ними будут аэродромы Палдиски и Таллинна. Над землей облачности может и не быть или она окажется незначительной.

Облака стали редеть, и под крыльями показалась земля. Бомбардировщик летел на небольшой высоте. Мелькали квадратики полей, леса, извилистые речки, поселки. Городов не видно, а значит, и аэродромов поблизости нет.

Надо садиться, бензин на исходе. Если это наша территория, то после заправки бензином можно будет взлететь. А если здесь немецкие войска,- тогда следует подогнать машину вон к той кромке леса, поджечь ее, как требовала специальная инструкция, а самим скрыться в лесу и потом пробиваться через линию фронта к своим. Был еще один выход - выброситься на парашютах, когда кончится горючее, но об этом Фокин не смел и думать. В штурманской кабине находится его боевой товарищ, которого он ни за что не бросит.

Бензин кончался. Левый мотор уже начал фыркать,

задыхаться. Фокин пошел на посадку...

Старший лейтенант Трычков сбросил бомбы на Берлин самым последним в звене Фокина. При возвращении он видел, как бомбардировщик командира попал в огненные клещи прожекторов. Помочь ему было нельзя, к тому же Трычков летел на предельной высоте, а Фокин почему-то спустился ниже.

Потерял Трычков из виду командира звена уже над морем, когда оба они вошли в сплошную облачность. "Ушел-таки Афанасий от них!" - подумал Трычков.

Полет в облаках тянулся долго. Ничего вокруг не видно и выше не забраться, и так уже - потолок. Кислород на исходе, дышать тяжело. Штурман у Трычкова сегодня новый, старший лейтенант Волков, на Берлин идет впервые. Но претензий к нему нет никаких: точно вывел бомбардировщик на цель, отбомбился и теперь периодически докладывает о местонахождении самолета, хотя лететь приходится вслепую, по приборам. Это не каждому штурману под силу, даже очень опытному.

Прошло несколько часов изнурительного полета в густых облаках.

- Подходим к аэродрому,- наконец услышал Трычков бодрый голос штурмана.Сейчас откроется земля.

И действительно, словно какая-то невидимая сила разорвала облака, и в просветах показалась земля. Под крыльями мелькали домики хуторов. Вот и продолговатая поляна с пепельной взлетно-посадочной полосой. У далекой кромки леса видны коробочки ангаров. Трычков, снижаясь, повел ДБ-3 по кругу.

- Волков, давай сигнальную ракету: иду на посадку,- приказал он штурману.

Штурман открыл астролюк и выстрелил из ракетницы.

Трычков выпустил шасси и пошел на второй круг. В глаза бросилось множество машин, ползущих к посадочной полосе. А в машинах люди.

"Откуда у нас взялось столько автомашин?! - размышлял Трычков.- А может, это другой аэродром? Вроде столько ангаров я у нас и не видел".

На всякий случай спросил штурмана:

- Волков, ты куда меня сажаешь?

- На аэродром.

- На чей аэродром?

- На свой,- ответил штурман и с обидой в голосе спросил: - У вас сомнения?

- Привык верить штурманам,- сказал Трычков.

Он направил ДБ-3 точно на серую ленту полосы и пошел на посадку. Маленькие фигурки людей энергично махали ему

руками, приглашая поскорее сесть.

"Что они, с ума посходили?!" - усмехнулся Трычков, и вдруг его лицо обожгло точно кипятком, горло перехватило.

- Это же чужой аэродром! - закричал он в микрофон.- Волков, ты в своем уме? Куда меня сажаешь, каналья?!

- Точный расчет... вроде,- неуверенно откликнулся штурман.

Да, теперь Трычков безошибочно определил, что аэродром не похож на кагульский: раза в три больше ангаров, шире взлетно-посадочная полоса, огромное количество машин.

Самолет почти уже на земле, колеса вот-вот чиркнут о грунт. И тут Трычков дал полный газ. Моторы взревели, и ДБ-3 взмыл в высоту. Промелькнули застывшие на поле люди, крыши ангаров, окружающий аэродром лес. Бомбардировщик развернулся на прежний курс. Трычков тяжело перевел дух. Можно сказать, из лап фашистов вырвались.

- Волков, в чем дело, ты мне можешь объяснить? Куда ты нас завел? ругался Трычков.- Нет, я с тобой больше не полечу. На кой хрен мне такой штурман, который сажает меня на фашистский аэродром!

Волков не оправдывался, понимая, что виноват. Он и сам не знал, как это могло произойти. Расчеты верные. Очевидно, неправильно учел силу ветра, скорость полета. Самолет сносило вправо, вот он и оказался над землей, занятой врагом.

Земля кончилась ленточкой желтого прибрежного песка, внизу море. Слева маяк и поселок рыбаков.

"Курляндский берег Рижского залива,- определил Волков и поставил на карте точку.- Впереди должен быть эстонский остров Рухну". И точно: зеленая мохнатая шапка покрытого лесом острова Рухну показалась справа. Волков свободно вздохнул. Имея такой ориентир, теперь нетрудно добраться до Кагула.

- Курс на наш аэродром...- сказал он, специально подчеркивая слово "наш".

- А это точно? - засомневался Трычков.

- Теперь точно.

- Гляди у меня, Волков. Не сносить тебе головы! - предупредил Трычков.

- Сам тогда выпрыгну из самолета, без парашюта...

На поле аэродрома Кагул стояло несколько бомбардировщиков, не успевших после приземления зарулить на стоянки Трычков посадил машину с ходу. К нему подъехали на эмке Оганезов и Комаров.

- Наконец-то! - дружески обнял Оганезов спустившегося на землю Трычкова.

- А мы тут уж беспокоиться начали. Время ведь!

- Задержались малость в пути,- ответил Трычков, косясь на смущенного штурмана.- Да сами знаете, какая сегодня погода! Где наш метеодьявол, хотел бы я на него поглядеть.

- Каспин сам на себе волосы рвет,- улыбнулся Оганезов.- Поехали,- показал он на эмку.

- А все прилетели? - поинтересовался Трычков.- Мы последние?!

Оганезов горестно покачал головой.

- Фокина еще нет. Афанасия...

- Давайте подождем его здесь,- предложил Трычков.- Он прилетит, я Афанасия знаю.

Трычков рассказал, как в Фокина вцепились лучи немецких прожекторов и как он выбрался из них.

- А потом его не видел. Потому что сам...- Трычков вновь покосился на своего штурмана,- сам еле добрался...

Фокина прождали еще час. Бомбардировщик с бортовым номером 390918 не появлялся.

Жаворонков не мог больше ждать и шифровкой доложил наркому ВМФ о случившемся.

Все центральные газеты сообщили об очередном налете советской авиации на район Берлина:

"В ночь с 10 на 11 августа имел место новый налет советских самолетов на военные объекты в районе Берлина.

Сброшены зажигательные и фугасные бомбы большой силы. В Берлине вспыхнули большие пожары и наблюдались серьезные взрывы.

Все наши самолеты вернулись на свои базы, за исключением одного самолета, который разыскивается".

Четвертый налет на Берлин

Начальник штаба морской авиагруппы капитан Комаров долго не решался сделать запись в журнале боевых действий о потере экипажа старшего лейтенанта Фокина. Афанасий Иванович - опытный летчик, не из таких передряг выходил. Возможно, еще вернется на свой аэродром? Не хотелось верить в гибель его экипажа.

От размышлений Комарова отвлек телефонный звонок. В трубке послышался взволнованный голос дежурного с поста ВНОС:

- Со стороны Рижского залива курсом на Куресаре летят три "Юнкерса-восемьдесят восемь..."

"Видимо, будут бомбить уездный центр Сааремаа",- подумал Комаров.

Раздался звонок с соседнего поста ВНОС. Оттуда тоже поступило сообщение о трех немецких бомбардировщиках, но

летевших, по мнению наблюдателя, на Кагул.

"Конечно же, к нам летят "юнкерсы",- сообразил Комаров и поспешил к Жаворонкову.

- Товарищ генерал, посты ВНОС засекли две группы немецких бомбардировщиков, идущих к нашему аэродрому,- доложил он.

Жаворонков вышел из подземного командного пункта, прислушался. Посты ВНОС находятся в нескольких десятках километров отсюда, и если Ю-88 летят на Кагул, то звук их моторов сейчас будет слышен.

Действительно, далекий завывающий гул донесся с юго-востока. Он быстро нарастал, и над лесом показались вражеские бомбардировщики.

- Появились, незваные! - усмехнулся генерал.- Все, теперь они нам покоя не дадут. Разузнали, откуда бомбят их столицу.

"Юнкерсы" летели на высоте около двух тысяч метров. Первый из них пошел по восточной кромке аэродрома, от него отделилось несколько темных точек. Взрывы последовали один за другим вдоль опушки леса. Гитлеровский летчик предполагал, что именно на границе поля аэродрома и леса спрятаны советские бомбардировщики, трижды бомбившие Берлин.

- Командира "чаек" ко мне! - приказал Жаворонков.

Майор Кудрявцев уже сам спешил к генералу, услышав гул вражеских бомбардировщиков.

- Видите, товарищ майор? - рукой показал Жаворонков на второй "юнкерс", заходивший на бомбометание с северной стороны аэродрома.- Отучите наглецов. Покажите, на что способны ваши "чайки".

- Есть, товарищ генерал! - козырнул Кудрявцев.

Над центром аэродрома повисли одна за другой две зеленые ракеты. Через несколько минут из леса выкатили три "чайки" и зарулили к взлетной полосе. К этому времени западную часть аэродрома уже бомбил третий "юнкерс". Фашистские бомбардировщики не стали делать повторных заходов на бомбардировку. Пока "чайки" взлетали, набирали высоту, их уже и след простыл.

По замыкающему Ю-88 открыла огонь одна из зенитных батарей, но тут же прекратила его: снаряды не доставали уходивший вражеский бомбардировщик.

Жаворонков обернулся к Комарову, сердито нахмурил брови.

- Спят, что ли, зенитчики? Предупредите их!

Комаров обещал сходить на зенитные батареи, поговорить с личным составом. Туда же он намеревался просить съездить и начальника политотдела Береговой обороны Балтийского района полкового комиссара Копнова.

Потерь от налета не было. Командир авиабазы майор Георгиади насчитал лишь пятнадцать воронок, которые уже заделывала аэродромная команда.

Первый налет немецких бомбардировщиков на Кагул можно считать разведкой. Теперь надо ожидать массированного удара. И этот удар может последовать в самое неподходящее время: при взлете или посадке ДБ-3. Зная время появления советских самолетов над Берлином, их скорость и разведав аэродром на Сааремаа, немцы могли с точностью до нескольких минут определить момент взлета и посадки. По логике выходило, что именно в 9 часов вечера и в 4 часа утра над Кагулом могли появиться эскадрильи немецких бомбардировщиков и истребителей. К тому же гитлеровское командование имело возможность выслать свои истребители на перехват ДБ-3 по маршруту полета.

Было над чем задуматься.

Жаворонков поделился своими опасениями с Преображенским.

- Да, отныне фашистские самолеты нам покоя не дадут,- согласился тот.- А вот как их обхитрить?

- Обхитрить?! - Жаворонков прищурил глаза, что-то прикидывая в уме.Обхитрить, говорите,- повторил он.- Что ж, давайте попробуем. А вдруг проведем, а?

Преображенский вопросительно поглядел на командующего. Ему не терпелось узнать, как это генерал хочет провести гитлеровских летчиков.

- Решение самое простое, Евгений Николаевич,- пояснил Жаворонков.Вылетать раньше или позднее. Сегодня вылетим на час раньше. Поглядим, что из этого получится.- Генерал усмехнулся: - Хитрость, правда, не ахти какая. Да на простоте, может, и легче провести самоуверенного врага. В общем, дайте распоряжение все перенести на час раньше. А я скажу об этом майору Щелкунову и капитану Тихонову. Сейчас еду туда...

По накатанной гравийной дороге, петляющей по лесу, Жаворонков поехал в Асте. В штабной землянке он собрал летчиков и штурманов армейской авиагруппы особого назначения и поставил им боевую задачу на бомбардировку Берлина. Уточнив порядок следования над морем и территорией врага, генерал сказал:

- Каждое ваше звено поведут летчики полковника Преображенского. Доверьтесь им, они прекрасно изучили весь маршрут от Сааремаа до Берлина. Ну а потом самостоятельно будете летать.

Летчики и штурманы армейской авиагруппы на опыте

экипажей Преображенского уже знали, что ожидает их в пути. Третий налет показал, что противовоздушную оборону своей столицы гитлеровцы заметно усилили. А это значит - надо быть очень внимательным при подходе к цели и полете над ней. Бомбить следовало с высоты, близкой к потолку.

В свой первый налет на Берлин армейская авиагруппа направляла десять дальних бомбардировщиков. Полностью шла эскадрилья капитана Тихонова и три ДБ-3ф из группы майора Щелкунова: экипаж самого майора, капитана Крюкова и старшего лейтенанта Семенова. Остальные самолеты исправить пока не удалось: на ремонт требовалось время, и немалое.

К ужину Жаворонков вернулся в Кагул. В столовой было шумно. Летчики и штурманы шутили и смеялись, словно сейчас им предстоял не изнурительный и опасный полет на Берлин, а приятный отдых. Улыбался и Преображенский, хотя ему было и не до веселья. Из головы не выходили мысли о пропавшем экипаже старшего лейтенанта Фокина. Он прекрасно понимал, что потери неизбежны, ведь идет такая жестокая война, и все же никак не хотел смириться с этим.

Преображенский невольно посмотрел на соседний столик, за которым должен был сидеть Фокин. Место его свободно. Старшая официантка Элла даже положила столовый прибор и поставила холодную закуску, словно Афанасий Иванович вот-вот должен сесть за стол.

Преображенский одобрительно кивнул девушке. Элла подошла к нему.

- Он все равно прилетит! - воскликнула она.

В ее голосе чувствовалась неподдельная уверенность, и у полковника не хватило сил разуверить Эллу.

Неожиданно донесся гул моторов, низко пролетел самолет. В столовой воцарилась тишина. Откуда в воздухе мог появиться самолет? И чей он?! Наши только готовятся к вылету, а о вражеских оповестили бы посты ВНОС.

- Это он, он прилетел! - закричала Элла.- Он прилетел, Афанасий Иванович!..

Преображенский выскочил на улицу, прыгнул в кабину стоящей рядом полуторки и подтолкнул шофера:

- Гони на аэродром!

Когда они выскочили на зеленое поле, бомбардировщик уже катил по посадочной полосе. Да, это была машина Афанасия Фокина, Элла не ошиблась.

Едва спрыгнув на траву, Фокин попал в объятия командира полка,

- Афанасий, вы ли?!

- Я, я, товарищ полковник!

- А мы уж тут...

- Э-э, меня так быстро не похоронишь!

- Да откуда же вы?

- Оттуда,- Фокин показал на северо-восток.- Я не опоздал? - вдруг забеспокоился он. Преображенский не понял вопроса:

- Куда не опоздали?

- Да на Берлин.

Преображенский рассмеялся.

- Я так торопился, товарищ полковник. Боялся, без меня улетите,- говорил Фокин.- А машина в порядке. Только дозаправить ее. И бомбы подвесить. Да штурмана другого... Заболел мой. От перенапряжения, должно быть. В полете сознание потерял...

Подошел капитан Комаров.

- Что будем делать с ним, начальник штаба? - спросил Преображенский, показывая на Фокина.

- Все равно ведь не удержать его, Евгений Николаевич,- улыбнулся Комаров.

- Ладно, быть по-вашему, Афанасий. Летите! - согласился Преображенский.- А штурманом пойдет лейтенант Шевченко.- Он обернулся к Комарову, приказал: Срочно готовьте машину старшего лейтенанта к полету.

Подошла санитарная машина и увезла лейтенанта Швецова в госпиталь. Остальных членов экипажа Преображенский повез на полуторке в столовую.

- А теперь рассказывайте, где это вы так задержались,- потребовал он у Фокина.

- Да и рассказывать особо нечего. Заблудились и сели в районе Таллинна,замялся Фокин.

На счастье, они сели на учебный аэродром, в двух километрах от линии фронта. Убедившись, что самолет советский, командир оборонявшейся здесь части приказал отбуксировать ДБ-3 в тыл. Иначе артиллерия противника могла его расстрелять прямой наводкой.

Трактор долго тащил бомбардировщик по полям и лугам, пока тот не оказался на большой ровной поляне. Несколько часов пришлось ждать обещанного бензозаправщика из Таллинна. А когда самолет наконец был заправлен, Фокин взял курс на Сааремаа. Теперь он снова с боевыми друзьями.

Вылетали, как и было условлено, на час раньше. Капитан Каспин дал метеосводку с заметными улучшением погоды.

- Наконец-то расщедрился наш метеобог! - шутили штурманы.-Давно бы так, Каспин!

- Я тут ни при чем,- отмахивался метеоролог.- Просто центр циклона наконец сместился к востоку.

Взлетали звеньями, как и раньше, с интервалом пятнадцать минут. Задача та же: подольше воздействовать на Берлин. Поднялись все самолеты в Кагуле и Асте. Над морем они смыкались в строй и брали курс на Берлин.

Проводив взглядом последний самолет, скрывшийся за кромкой леса, Жаворонков спустился в подземный командный пункт. Тут же вошел Комаров, взволнованно доложил:

- Товарищ генерал, посты ВНОС сообщают о приближении шума моторов.

- Они! Летят! - вырвалось у Жаворонкова. Он посмотрел на часы: - Двадцать один ноль-ноль. Ничего не скажешь, пунктуальны!

Вначале появились "Мессершмитты-110". С небольшой высоты они открыли огонь из пушек и пулеметов, стремясь подавить зенитные батареи. Их сменила группа "Юнкерсов-88". Рев мощных моторов десятков бомбардировщиков смешался с раскатами взрывов бомб. Земля, казалось, заходила ходуном, точно ее встряхивала невидимая сила.

Первую группу немецких бомбардировщиков сменила вторая. И снова бесконечные взрывы.

Жаворонков позвонил в Асте. И там над аэродромом кружили Ю-88. "Быстро же они распознали, что и в Асте есть дальние бомбардировщики",- подумал он. Стало ясно, что тут действует вражеская агентура, о которой предупреждали и комендант Береговой обороны Балтийского района генерал Елисеев, и первый секретарь уездного комитета партии Муй.

Немецкие самолеты улетели из Кагула и Асте внезапно, как и появились. Жаворонкову сообщили результаты налета: несколько человек ранено, уничтожена одна "чайка", подожжены три хутора, пострадал аэродром. Майор Георгиади немедленно выслал аэродромную команду и технический состав засыпать воронки на аэродромном поле.

"Надо будет эвакуировать население из ближайших хуторов, чтобы не подвергать его риску попасть под бомбы",- подумал Жаворонков. Но главное - его беспокоило завтрашнее утро, когда ДБ-3 будут возвращаться из Берлина. Не надумают ли немецкие бомбардировщики нанести повторный удар?

Морозно. За бортом 44 градуса ниже нуля. Холод упорно пробивается за воротник мехового комбинезона, ледяной змейкой ползет по спине, леденит руки, добирается до ног, обутых в, казалось бы, теплые унты. Онемевшие, несмотря на меховые перчатки, пальцы плохо чувствуют рукоятки штурвала. К тому же

мешают кислородные маски. Но без них задохнешься на такой высоте. А лететь еще несколько часов.

Военком эскадрильи старший политрук Васильев осмотрелся. Внизу, в просветах облаков,- Балтийское море.

Впереди по курсу - аэронавигационные огни бомбардировщика командира эскадрильи капитана Тихонова. За ним можно идти уверенно. Но скоро все должны разойтись, к Берлину пробиваться самостоятельно, так как одиночному самолету легче уйти из-под огня зенитных батарей.

Штурман лейтенант Фадеев объявил:

- Подходим к территории Германии. Сейчас справа откроется Штеттин.

И действительно, справа под крыльями смутно просматривалась огромная бухта, кое-где на берегу мелькали огоньки. "С маскировочкой у них плоховато,подумал Васильев - Надеются, что больше русские не прилетят. А мы вот тут, над ними. Будем скоро над Берлином..."

Тихонов огнями подал условный сигнал: "Идти к цели самостоятельно". И тут же перед самолетами встал частокол прожекторных лучей, а на их фоне отчетливо вырисовывались облачка разрывов зенитных снарядов.

Лучи суетливо обшаривали небо, стараясь нащупать приближающиеся бомбардировщики. Казалось, не пройти через них, не пройти между смертоносными, взбухающими, точно пузыри на воде от крупного дождя, разрывами снарядов. Невольно хотелось забраться повыше. Но выше нельзя. Стрелка высотомера показывала больше семи тысяч метров.

- Пробьемся, ребята...- Васильев хотел было подбодрить свой экипаж, но почувствовал, как что-то словно сдавило его горло: воздух не шел в легкие. "Неужели кончился кислород в баллонах? Не может быть. Перед вылетом сам проверял, все было в порядке". Глаза его впились в стрелку манометра. Она неуклонно скатывалась к нулевому делению. "Утечка!"

Васильев сбросил с правой руки меховую перчатку, пальцы быстро поползли вверх по медной трубке. Возможно, где-то произошло разъединение узла и еще можно спасти положение, подкрутив гайки. Но поджимные гайки были на месте. А вот чуть ниже их кончики пальцев резанула острая боль. Отдернул руку, и боль прекратилась. Понял: лопнула трубка, и из щели улетучивался кислород.

- Штурман, кислородная трубка приказала долго жить. Иду на снижение,сказал Васильев.

- И поскорее! Иначе задохнемся,- ответил Фадеев.

ДБ-3ф пошел вниз. На высоте четыре тысячи метров Васильев

перевел машину в горизонтальный полет. Лететь на такой высоте, доступной для зениток и даже для аэростатов заграждения, очень опасно. Целесообразнее вернуться назад и сбросить бомбы на запасную цель - Штеттин или Данциг. Но ведь это первый их полет на Берлин! И потом, что подумают летчики эскадрильи, если их военком не дотянул до фашистской столицы всего каких-нибудь сто километров? Лично у Васильева сомнений не было: только вперед! Но у него еще есть члены экипажа, за жизнь которых он как летчик и командир в ответе.

- Виктор, что будем делать? - спросил он.

- Как что? На Берлин пойдем, на Берлин! - ответил Фадеев.- Авось не собьют...

- Костя Ковалев, как?

- На Берлин, товарищ старший политрук,- ответил стрелок-радист старший сержант Ковалев.- Не к лицу нам возвращаться.

- Спасибо, друзья! - проговорил Васильев, радуясь, что мнение экипажа едино: при любых условиях идти на фашистскую столицу.

Разрывы зенитных снарядов в основном появились вверху. Фашистские зенитчики не помышляли, что советский бомбардировщик пойдет так низко. Зато здесь, вокруг самолета, метались снопы лучей.

- Берлин! - наконец доложил Фадеев.- Выходим на цель...

Огромный город был как на ладони: светила яркая луна, и повсюду полыхали пожары - работа уже отбомбившихся экипажей.

Прямо по курсу вдруг появился продолговатый черный предмет. Васильев мгновенно потянул штурвал на себя: предмет проплыл под крыльями, едва не задев фюзеляж. "Чуть не наскочил на аэростат заграждения,- понял летчик.- Слава богу, пронесло!"

Но справа опять черное пятно. И слева! Они попали в сеть заграждения. Надо бы подняться выше, но кислорода нет, можно задохнуться.

- Штурман, цель скоро? - спросил Васильев.

- Сейчас, сейчас будет,- ответил Фадеев, видя, с каким мастерством командир увертывается от столкновения с аэростатами заграждения. К счастью, их освещала луна, иначе бы в темноте и не заметить эти громады.

- Цель!

- Поддай им, Виктор, жару! - крикнул Васильев.

- Сброс!

Знакомый скачок вверх облегченной машины. Бомбы сброшены. Теперь надо скорее выбраться из сети заграждения.

ДБ-3ф лег на обратный курс. И снова полчаса пришлось

прорезать раскачивающийся световой забор, видеть над собой грозные шапки разрывов.

Наконец-то море. Сразу стало темно и тихо. Летчики почувствовали, насколько они устали. Но лететь еще долго.

Наступило утро. Впереди по курсу ширилась розовая полоса. Вот она уже охватила весь горизонт.

Прямо из воды медленно поднимался солнечный диск. Васильеву захотелось петь и кричать от радости. Они хорошо выполнили трудное задание - бомбили Берлин, и вот они уже почти дома.

- Поздравляю с первой победой, ребята! - сказал Васильев в микрофон штурману и стрелку-радисту.

- Спасибо, командир, и вас так же! Оставалось меньше часа лету. Потом долгожданный отдых. Только бы поспать...

И вдруг тревожная весть. Голос Ковалева дрогнул:

- Радиосообщение, товарищ старший политрук.

- Давай, Костя.

- "Большая группа авиации противника бомбит оба наших аэродрома, возможность вашей посадки на них сообщу дополнительно. Жаворонков".

- Вот те раз! - вырвалось у Васильева. Он посмотрел на бензомер: горючего хватит часа на полтора. Но давление масла падало, что означало его большой перерасход. Это опасно. Сколько времени придется кружить вокруг острова Сааремаа, пока вражеские бомбардировщики не улетят? Или сразу идти на запасной аэродром в Палдиски? Оба варианта оставляют желать лучшего.

Но через некоторое время Ковалев радостно сообщил:

- Товарищ старший политрук, получено "добро". "Авиация противника улетела. Посадку разрешаю. Жаворонков". Улетели фашистские стервятники!

Первый полет заканчивался благополучно.

ТАСС сообщил:

"В ночь с 11 на 12 августа имел место новый налет советских самолетов на военные объекты в районе Берлина.

Сброшены зажигательные и фугасные бомбы большой силы. В Берлине наблюдались пожары и взрывы.

Все наши самолеты вернулись на свои базы. Экипаж самолета, не возвратившегося из предыдущего полета, разыскан и возвратился на свою базу".

Дополнением к директиве ОКБ No 34 от 12 августа 1941 года, подписанной начальником штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии фельдмаршалом Кейтелем, штабу группы армий "Север" предписывалось:

"Как только позволит обстановка, следует совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-воздушные базы противника на островах Даго и Эзель. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются воздушные налеты на Берлин. Координация проведения подготовительных мероприятий поручается командованию сухопутных войск".

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

о присвоении звания Героя Советского Союза

начальствующему составу Военно-Морского Флота

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда":

1. Капитану Гречишникову Василию Алексеевичу
2. Капитану Ефремову Андрею Яковлевичу
3. Капитану Плоткину Михаилу Николаевичу
4. Полковнику Преображенскому Евгению Николаевичу
5. Капитану Хохлову Петру Ильичу

Председатель Президиума Верховного .. Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин Москва, Кремль, 13 августа 1941 г.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

о награждении орденами и медалями СССР

личного состава Военно-Морского Флота

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом доблесть и мужество наградить:

Орденом Ленина

1. Военинженера 2 ранга Баранова Георгия Герасимовича
2. Лейтенанта Дашковского Николая Федоровича
3. Лейтенанта Кравченко Алексея Филипповича
4. Старшину Кудряшова Михаила Михайловича
5. Лейтенанта Мильгунова Константина Александровича
6. Старшего лейтенанта Николаева Ивана Егоровича
7. Старшего лейтенанта Сергеева Николая Григорьевича
8. Старшего лейтенанта Серебрякова Ивана Григорьевича
9. Старшего лейтенанта Трычкова Петра Николаевича
10. Старшего лейтенанта Фокина Афанасия Ивановича
11. Лейтенанта Чубатенко Петра Яковлевича

12. Лейтенанта Шилова Василия Федоровича

Орденом Красного Знамени

1. Младшего лейтенанта Анисимова Григория Ивановича
2. Капитана Беляева Георгия Константиновича
3. Старшего лейтенанта Власова Александра Ивановича
4. Старшего лейтенанта Волкова Геннадия Павловича
5. Старшего лейтенанта Егельского Ивана Васильевича
6. Капитана Есина Евдокима Ефимовича
7. Генерал-лейтенанта авиации Жаворонкова Семена Федоровича
8. Младшего сержанта Калюшина Василия Ивановича
9. Сержанта Кротенко Владимира Макаровича
10. Сержанта Крылова Алексея Васильевича
11. Младшего сержанта Кулешова Георгия Михайловича
12. Старшину Лукичева Николая Александровича
13. Сержанта Никерина Александра Дмитриевича
14. Старшину Несмелова Дмитрия Михайловича
15. Лейтенанта Нечепоренко Тихона Ивановича
16. Старшину Петрова Виктора Васильевича
17. Старшего сержанта Рудакова Ивана Ивановича
18. Лейтенанта Семенова Матвея Потаповича
19. Старшину Титова Георгия Ефимовича
20. Краснофлотца Федосеева Михаила Степановича
21. Лейтенанта Шевченко Евгения Петровича

Орденом Красной Звезды

1. Краснофлотца Акимова Илью Константиновича
2. Младшего сержанта Аштапова Семена Яковлевича
3. Младшего сержанта Белова Владимира Владимировича
4. Сержанта Бондарева Евстихия Семеновича
5. Воентехника 1 ранга Власкина Константина Андреевича
6. Воентехника 2 ранга Герасименя Павла Савельевича
7. Воентехника 2 ранга Журбина Виктора Михайловича
8. Воентехника 2 ранга Калинина Александра Сергеевича
9. Старшину Колесниченко Алексея Николаевича
10. Краснофлотца Нянкина Ивана Афанасьевича
11. Старшего политрука Полякова Николая Федоровича
12. Воентехника 1 ранга Прусакова Николая Павловича
13. Краснофлотца Рачковского Виктора Павловича
14. Воентехника 2 ранга Серебрякова Геннадия Николаевича
15. Старшину Сидорова Владимира Федоровича
16. Воентехника 2 ранга Углова Александра Гавриловича
17. Лейтенанта Феофанова Николая Федоровича
18. Старшину Хренова Владимира Васильевича
19. Старшину Шевченко Федора Федоровича

20. Сержанта Элькина Соломона Ароновича

Медалью "За боевые заслуги"

1. Младшего сержанта Алганова Павла Тимофеевича

2. Воентехника 2 ранга Зубарева Виктора Филипповича

3. Воентехника 2 ранга Ковда Николая Ивановича

4. Воентехника 2 ранга Красин Бориса Григорьевича

5. Младшего сержанта Кузина Вячеслава Николаевича

6. Младшего сержанта Макарова Вадима Константиновича

7. Воентехника 2 ранга Михайлова Павла Михайловича

8. Младшего воентехника Марфенина Семена Александровича

9. Младшего воентехника Марчука Николая Мефодьевича

10. Младшего сержанта Резника Андрея Пантелеевича

11. Воентехника 2 ранга Солобанова Александра Николаевича

12. Краснофлотца Чудинова Михаила Михайловича

13. Младшего сержанта Шальгина Леонида Федоровича

14. Старшину Шарафутдинова Альмугдина Шарафутдиновича

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин Москва, Кремль, 13 августа 1941 г.

Особое задание

При каждом докладе в Ставке наркома ВМФ адмирала Кузнецова Верховный Главнокомандующий неизменно интересовался налетами авиагруппы особого назначения на Берлин.

Кузнецов сообщил, что в четвертом налете вместе с морской авиацией приняли участие девять ДБ-3ф дальнебомбардировочной авиации, десятый самолет вернулся с маршрута из-за неисправности шасси. Он вынужден был доложить, что пока в Асте прибыло лишь двенадцать машин из обещанных двадцати, причем изношенность двигателей у них очень большая.

Сталин нахмурился, что-то записал в блокноте. Сообщение наркома ВМФ вызвало у него неудовольствие. Кузнецов предвидел отрицательную реакцию Верховного Главнокомандующего, но скрывать от него состояние дел не хотел. Сталин не терпел, когда сглаживали острые углы при докладах, требовал точного освещения боевой обстановки, как бы горька она ни была, и плохо было тому, кто пытался смягчить положение. Он интуитивно угадывал это и сердито отчитывал, а иногда принимал и более строгие меры.

Кузнецов собрался уходить. Сталин движением руки

задержал его. Спросил:

- Скажите, товарищ Кузнецов, бомбы какого калибра использует английская авиация при бомбардировке городов фашистской Германии, и в первую очередь Берлина?

- Англичане применяют бомбы крупного калибра,- ответил нарком.

- А какие бомбы сбрасывает на Москву немецкая авиация?

- Немцы тоже применяют бомбы крупного калибра,- сказал Кузнецов, догадавшись, к чему идет разговор.

- А какие бомбы берут с собой на Берлин ваши морские летчики, товарищ Кузнецов?

- Морские летчики сбрасывают на Берлин зажигательные авиационные бомбы весом пятьдесят килограммов и фугасные весом сто и двести пятьдесят килограммов,- ответил Кузнецов.

- С ЗАБ-пятьдесят можно согласиться, а с ФАБ-сто и даже двести пятьдесят согласиться нельзя. На военные объекты Берлина нам надо сбрасывать бомбы самого крупного калибра,- продолжал Сталин,- ФАБ-пятьсот и ФАБ-тысяча! Конструктивные особенности дальних бомбардировщиков позволяют брать такой груз.

Нарком был удивлен осведомленностью Верховного Главнокомандующего о тактико-технических данных дальнего бомбардировщика. Скосил глаза на стол, увидел книжку с силуэтом ДБ-3 на обложке. Удивился еще больше: немецкие войска рвутся к Москве, Ленинграду, сейчас наступает очень сложное, можно сказать, даже критическое положение. Все, все должно быть направлено на то, чтобы остановить врага. И в такой ответственный момент Верховный Главнокомандующий находит еще время, чтобы знакомиться с конструктивными данными самолета ДБ-3.

Кузнецов, основываясь на расчетах командующего военно-воздушными силами ВМФ генерала Жаворонкова пояснил, что в сложившихся условиях брать по две ФАБ-500 или по одной ФАБ-1000 нельзя. Аэродром с грунтовой взлетно-посадочной полосой не приспособлен для взлета тяжелых машин. С таким грузом они не смогут лететь еще и потому, что из-за изношенности моторов мощность их упала, а ведь летать приходится на предельную дальность и на высоте, близкой к потолку, маршрут проходит над морем, да еще ночью, часто при плохих метеоусловиях. К тому же Берлин опоясан двумя линиями противовоздушной обороны, советские самолеты встречают ночные истребители, зенитные батареи, прожекторы, аэростаты заграждения. Им приходится много маневрировать, а с такой нагрузкой это почти невозможно.

Сталин молча, с вниманием слушал наркома ВМФ.

- С ФАБ-тысяча наши самолеты могут не долететь до Берлина,- подытожил Кузнецов.

- Вы меня не убедили, товарищ Кузнецов,- сказал Верховный Главнокомандующий.- Я посоветуюсь со специалистами...

Вернувшись к себе, Кузнецов потребовал у начальника штаба военно-воздушных сил ВМФ расчеты Жаворонкова. Проверил их еще раз. Выходило, что действительно брать на внешнюю подвеску по две ФАБ-500 или одну ФАБ-1000 недопустимо. Может произойти авария. Все вроде рассчитано правильно. Он так и говорил Верховному Главнокомандующему, а вот убедить его не смог. Значит, Сталин чувствовал какое-то уязвимое место в расчетах. Прямо он этого не сказал, решив посоветоваться со специалистами.

Кузнецов вызвал начальника оперативного управления Главного морского штаба контр-адмирала Алафузова, рассказал ему о своей нелицеприятной беседе с Верховным Главнокомандующим.

- Вы параллельно со штабом ВВС занимались разработкой операции по бомбардировке Берлина, Владимир Антонович. Может быть, штабом ВВС и вашим оперативным управлением все же допущены какие-то просчеты? - спросил Кузнецов.

- Нет, Николай Герасимович, расчеты штаба ВВС и оперативного управления точны,- ответил Алафузов.- Я гарантирую. Лично сам проверял. Все верно. И практика первых четырех налетов на Берлин подтвердила это.

Кузнецов задумался, взглянул на разложенные перед ним бумаги с расчетами "Операции Б", принесенными начальником штаба ВВС.

- Я тоже еще раз проверил расчеты,- произнес он.- И отчеты генерала Жаворонкова. Да, все верно. Главное, подтверждается практикой! Я и говорил об этом Верховному. А вот убедить не смог. Он мне так и сказал: "Вы не убедили меня, товарищ Кузнецов"...

Алафузов сочувственно склонил голову, понимая удрученное состояние наркома ВМФ.

- Можно понять товарища Сталина, его стремление как можно ощутимей нанести урон столице фашистской Германии,- не спеша заговорил он.- А для этого, естественно, следует применять при бомбардировке

авиабомбы крупного калибра. И я за это! И вы, как нарком, и командующий морской авиацией генерал Жаворонков. Но возможностей нет, надлежащих условий. С тысячекилограммовой авиабомбой на внешней подвеске наши бомбардировщики не

дотянут до Берлина. Опасаюсь, они с грунтовой взлетной полосы даже не поднимутся в воздух.

- Все это мной уже было доложено Верховному!

- Попробуйте доложить еще раз. Убедить товарища Сталина. Настаивайте на своем. Или...

Кузнецов насторожился, спросил:

- Что вы имеете в виду?

- Принять слова товарища Сталина к исполнению и отдать приказ генерал-лейтенанту авиации Жаворонкову брать на Берлин только авиабомбы крупного калибра! - высказался Алафузов.

- И погубить еще несколько десятков экипажей? - повысил голос обычно спокойный нарком.- Морских летчиков и так погибло слишком много. А война фактически еще только начинается. С кем мы намереваемся бить немцев на море?

Алафузов тяжко вздохнул:

- Тогда... тогда, Николай Герасимович, надо стоять на своем. Должен же вас понять товарищ Сталин!

- А если не поймет?

Алафузов не ответил, в недоумении развел руки в стороны. Да и что отвечать, что советовать наркому ВМФ, когда он все лучше знает сам. Конечно, тяжело ему будет объясняться в Ставке. И ведь не с кем-либо, а с самим товарищем Сталиным! Не хотел бы он сейчас быть на месте наркома.

Кузнецов собрал разбросанные на столе листы с расчетами "Операции Б" штаба ВВС и положил в папку. Обнадеживающе поглядел на явно расстроенного начальника оперативного управления Главного морского штаба, в раздумье произнес:

- Есть еще у меня надежда на авиационных специалистов, хоть и небольшая. Верховный обещал посоветоваться с ними...

- Надежда на авиаспециалистов? - сухо засмеялся Алафузов и даже привстал со стула.- Да что вы, Николай Герасимович? Авиаспециалисты скажут то, что нужно товарищу Сталину,

- Вы так думаете?

- Уверен!..

В Ставку нарком ВМФ был вызван на следующий же день. Кузнецов решил стоять на своем, к какому бы решению не пришли консультанты-специалисты. Расчеты штаба военно-воздушных сил флота и оперативного управления Главного морского штаба уже подтвердились практикой четырех налетов на Берлин, с этим нельзя не считаться,

В кабинете Верховного Главнокомандующего находился начальник Главной инспекции Наркомата авиационной промышленности и руководитель летно-испытательной службы

авиационной промышленности известный на всю страну летчик-испытатель Герой Советского Союза Владимир Константинович Коккинаки. Кузнецов был с ним хорошо знаком. В конце июля 1938 года после успешного завершения беспосадочного перелета из Москвы на Дальний Восток он, как командующий Тихоокеанским флотом, принимал у себя во Владивостоке летчика Коккинаки и штурмана Бряндинского. Вот, оказывается, с каким специалистом советовался Верховный! Лучшего, пожалуй, во всей авиации не найти. Никто так не мог "выжимать" все возможное из ДБ-3, как летчик Коккинаки. Ему принадлежат несколько мировых рекордов по дальности полета и в поднятии тяжестей на высоту на этом типе самолета. Кузнецов запомнил, как в Тушине, на авиационном празднике, Владимир Константинович смело сделал на тяжелом самолете "мертвую петлю".

Нарком поздоровался. Сел на предложенный стул. Понял, что Сталин и Коккинаки уже обменялись мнениями, и они совпали. Видимо, целесообразно было в создавшихся условиях ждать распоряжения Верховного Главнокомандующего, но Кузнецов начал первым.

- Я еще раз чрезвычайно внимательно проанализировал возможность увеличения бомбовой нагрузки на дальние бомбардировщики генерала Жаворонкова. Полагаю, в сложившихся условиях нагрузка должна остаться прежней.

Сталин повернул голову к летчику-испытателю, спросил:

- Товарищ Коккинаки, что вы как специалист скажете о применении бомб крупного калибра.

- ДБ-три и особенно ДБ-три эф - машина очень хорошая, крепкая и надежная. Для нее не предел две пятисотки или одна ФАБ-тысяча,- ответил Коккина-ки.- Как ни сложны условия полета на Берлин, думаю, брать их на внешнюю подвеску можно.

Кузнецов почувствовал, как жгучая краска залила его лицо. Ответ Коккинаки ставил его в незавидное положение перед Верховным Главнокомандующим. Можно подумать, нарком Военно-Морского Флота идет на поводу у своих летчиков, санкционируя заведомо уменьшенную бомбовую нагрузку при полетах на Берлин! Сталин явно на стороне Коккинаки, может, лучше самому сказать, что он, нарком, прикажет Жаворонкову отныне брать на внешнюю подвеску ФАБ-1000 или две ФАБ-500? Но ведь за этим стоят жизни экипажей. Летчики давно бы уже сами предложили увеличить калибр бомб, если была бы хоть малейшая уверенность в успехе. Конечно, как специалист, как летчик-испытатель ДБ-3 Коккинаки совершенно прав. Эта машина способна поднимать вдвое больший груз. Но условия, условия!

Кузнецову захотелось возразить Коккинаки, но Сталин, понимая состояние наркома ВМФ, взглядом остановил его. Кузнецов в душе был ему благодарен. Едва ли тактично вступать в спор в присутствии Верховного Главнокомандующего. В принципе они все трое желают только одного: в ответ на бомбардировку Москвы как можно больше бомб сбросить на военные объекты Берлина. И конечно же, бомбы крупного калибра принесут более ощутимые результаты.

Сталин разделил мнение Коккинаки. Он попросил его в ближайшие дни вылететь на остров Сааремаа и лично оказать помощь летчикам генерала Жаворонкова в организации полетов на Берлин с бомбами ФАБ-500 и ФАБ-1000, сказав в заключение:

- Нам необходимо сейчас сбрасывать на Берлин авиационные бомбы самого крупного калибра, товарищи!

Сталин взял со стола тонкую бумажную папку и протянул ее наркому ВМФ.

- Это для вас, товарищ Кузнецов. Изучите на месте...

Никогда еще в таком подавленном состоянии не уходил Кузнецов от Верховного Главнокомандующего. Вышел с чувством школьника, уличенного в неблаговидном поступке.

У себя в кабинете он сразу же открыл переданную Сталиным папку, намереваясь поскорее ознакомиться с ее содержимым. В папке оказалась выписка из разведывательной сводки, касающейся особо важного объекта в Берлине резиденции Гитлера.

"Резиденция Гитлера в Берлине.

Правительственный квартал в Берлине, где помещается и

резиденция Гитлера, расположен в центре города на пересечениях магистралей с запада Герман-Герингштрассе (бывшая Фридмах-Эберштрассе),с юга - Фоссштрассе, с востока - Вильгельмштрассе и с севера - Парижской площадью, упирающейся в аллею Унтер-ден-Линден...

Сама резиденция Гитлера и его рабочий кабинет помещаются в здании новой канцелярии, расположенной в южной части правительственного квартала, выходящего на Фоссштрассе. Рабочий кабинет Гитлера расположен на втором этаже центрального трехэтажного корпуса.

Резиденция тщательно маскируется от воздушных налетов путем:

1) частой смены камуфляжных сеток различной окраски и форм, сбивающих габариты здания;

2) установления на здании искусственных деревьев, чем достигается иллюзия скрытия самого объекта (он как бы сливается с расположенным рядом с западной стороны парком Тиргартен);

3) передвижки деревьев (растущих в кадушках) вокруг здания резиденции Гитлера и всего правительственного квартала. Передвижкой деревьев достигается изменение габаритов и расположения прилегающих к зданию улиц, созданию "новых" скверов и т. д.;

4) создания над всем кварталом искусственного облака, скрывающего от взора летчика сам объект бомбардировки. Искусственное облако сбивает летчика с определенного ориентира и завлекает его в поражаемую зенитными установками зону.

...Наблюдением во время воздушных налетов английской авиации на Берлин замечено, что, несмотря на большую насыщенность зенитных средств вокруг резиденции Гитлера, огонь ведется ими беспорядочно, что объясняется низким качеством подготовки зенитчиков, поэтому малоэффективен..."

Кузнецов закончил читать, закрыл папку с разведсводкой, мысленно восхитился советским разведчиком в Берлине, сумевшим довольно точно определить место резиденции Гитлера. Понял теперь, почему Сталин так упорно и настойчиво требует при налетах на Берлин применять авиабомбы самого крупного калибра ФАБ-500 и ФАБ-1000. Надеется, что морские летчики полковника Преображенского смогут поразить такую точечную цель, как кабинет Гитлера? Это же невероятно! В темное время суток, при плотном зенитном огне и наличии аэростатов заграждения, при воздействии многочисленных прожекторов и ночной истребительной авиации советским экипажам ДБ-3 впору

сбросить бомбы хотя бы в районе целей. Ни о каком прицельном бомбометании не может быть и речи, физически это просто невозможно. На что надеется Сталин? На чудо? Так подобных чудес на войне не бывает. Даже если представить, что тысячекилограммовая авиабомба случайно и упадет на здание новой канцелярии, в которой находится резиденция Гитлера и его рабочий кабинет, фактически люди не пострадают, ведь они при объявлении в столице воздушной тревоги немедленно спустятся в бункера, имеющие многометровые мощные железобетонные покрытия.

Доказывать сейчас что-либо Сталину бесполезно, еще больше навлечешь на себя гнев Верховного, а это не облегчит дело, лишь усугубит его и в конечном итоге больше всех скажется на морских летчиках.

В тот же день нарком ВМФ послал генералу Жавронкову шифровку:

"Верховный Главнокомандующий выражает свое неудовольствие применением Вами калибра авиабомб..."

В шифровке были переданы и координаты новой дополнительной цели в Берлине - резиденции Гитлера.

Пятый налет на Берлин

Весть о награждении отважных балтийских летчиков, бомбивших Берлин, мигом облетела гарнизон Моонзундского архипелага. Моонзундцы гордились тем, что с их аэродромов и при их обеспечении летчики бомбят столицу фашистской Германии, и потому высокие награды морским летчикам воспринимали с особым удовлетворением и энтузиазмом. От имени бойцов, командиров и политработников гарнизона генерал-майор Елисеев направил поздравительную телеграмму летчикам-балтийцам, вручить которую Преображенскому попросил начальника политотдела.

Копнов тут же выехал на эмке в Кагул. Не успел он подойти к подземному командному пункту авиагруппы, как послышалась команда "Воздух". Копнов увидел пару немецких истребителей.

- "Мессершмитты-сто девять",- безошибочно определил поднявшийся наверх Преображенский.

- Тоже вас прилетели приветствовать, Евгений Николаевич,- пошутил Копнов.

- Каждый день навещают. И по нескольку раз! Ме-109 между тем обстреляли аэродром из пулеметов и улетели.

- Разведка! Надо ждать основные силы,- мрачно проговорил Преображенский.

К нему прибежал рассыльный. Посты ВНОС сообщали о подходе к Сааремаа четырех групп немецких самолетов.

- Кажется, сегодня будет особенно жарко,- усмехнулся Преображенский.- Это они узнали, что вы здесь, Лаврентий Егорович,- вернул он Копнову невеселую шутку.

Гул нарастал со всех сторон. Первая тройка истребителей появилась с юга, летела она очень низко, прижимаясь к лесу.

- "Мессершмитты-сто десять" идут на штурмовку...- Преображенский не договорил, точно захлебнулся: рядом ухнула осколочная бомба, в лицо ударила земляная пыль. Копнов схватил Преображенского, и оба они скатились в яму. Над головами заухали частые взрывы, комья земли дождем посыпались на спины.

Над аэродромом, точно рой гигантских рассерженных ос, метались Ме-110, низвергая из пулеметов на стонущую от частых взрывов землю огненные струи. Ответный огонь из 76-миллиметровых орудий вели все три зенитные батареи. Но Ме-110 не давали зенитчикам вести прицельный огонь, поливая их позиции из пулеметов и сбрасывая осколочные бомбы.

Появились бомбардировщики. Истребители уступили им место, и те с высоты полутора тысяч метров поочередно, точно на полигоне, начали делать заходы для бомбометания. В воздухе стоял сплошной гул от рева моторов десятков самолетов, взрывов бомб, трескотни пулеметов, резких залпов зенитных орудий. Казалось, уши не выдержат такого грохота.

Не видя хорошо замаскированных советских бомбардировщиков, "юнкерсы" пикировали на зенитные батареи. Огневые позиции окутались дымом от взрывов. Прекратила стрельбу вначале одна батарея, а потом вторая и третья.

- Труба вашим зенитчикам! - пожалел Преображенский.

- Я к ним! - прокричал Копнов и выскочил из спасительной ямы.

- Куда?! Назад, назад! - пытался остановить его Преображенский, но начальник политотдела бежал вперед. Копнов, часто бывавший у зенитчиков, хотел выяснить положение своих подопечных и по возможности помочь.

Налет немецкой авиации продолжался более получаса. Но Преображенскому он показался целой вечностью. Такого огромного количества бомб еще не падало на Кагул. Спустившись на КП, он увидел хмурого Жаворонкова, стряхивающего землю с кителя. Одна из бомб взорвалась рядом и силой взрыва разворотила накат бревен.

- Звереют фашисты,- выдохнул генерал.- Как бы не нащупали стоянки наших бомбардировщиков.

Стали поступать доклады. Оказалось, сгорела всего-навсего одна "чайка", повреждены два орудия у зенитчиков, несколько

человек убито и ранено.

- Целехоньки наши самолетики, целехоньки! - радовался генерал. Озадачило лишь сообщение о множестве воронок на взлетно-посадочной полосе, заделывать которые уже вышел весь обслуживающий персонал.

Жаворонков показал Преображенскому радиограмму наркома Военно-Морского Флота. Полковник нахмурился, долго вертел в руках бланк.

- Да-а,- вздохнул он.- Конечно, тысячекилограммка или две пятисотки произведут сильные разрушения в Берлине, но... С двумя ФАБ-двести пятьдесят на внешней подвеске, откровенно говоря, не знаешь, взлетишь или нет. А тут...

Жаворонков полностью разделял опасения командира полка. Опыт, пусть и небольшой, уже показал, что целесообразнее на внешнюю подвеску брать одну-две ФАБ-250, а остальные ФАБ-100 и ЗАБ-50 загружать в бомболюки.

- И все же попробуем завтра на внешнюю подвеску брать пятисотки,- решил он.- По одной... А сотки в бомболюки.

Преображенский не возражал. Он и сам это же хотел предложить. Может, они действительно перестраховывают себя? Понятно беспокойство Москвы, там справедливо полагают, что только бомбами самого крупного калибра можно разрушить военные объекты Берлина. Того же хотят и летчики авиагруппы особого назначения. Однако в создавшейся тяжелой обстановке невозможно загружать самолеты на предельный вес.

- Я первым завтра поднимусь с пятисоткой,- сказал Преображенский.

- И сбросите ее на новую цель, Евгений Николаевич.

- Какую-такую новую?

- Особо важную. На резиденцию самого Гитлера!

Жаворонков показал изумленному полковнику шифровку наркома ВМФ, в которой значились и координаты резиденции фюрера.

- Вот это да-а! - протянул явно растерявшийся Преображенский.- Вот это це-ель! Резиденция Адольфа Гитлера?! - он усмехнулся, сердито сдвинул брови.Только как ее поразить? Ночью, с высоты семи тысяч метров, при воздействии противовоздушной обороны? Вероятность ноль целых и... и хрен десятых, извините за выражение. Это же точка на территории огромного Берлина! Получается, в белый свет как в копеечку... Добро бы днем, на соответствующей высоте, тогда другое дело. А тут... Я всегда, между прочим, был высокого мнения о нашем наркоме...

- Ну, ну, полковник! - перебил Жаворонков.- Адмирала

Кузнецова не затрагивайте. Это голова, умница! Не по своей воле он определил нам новую, особо важную цель.

- А по чьей же?

Жаворонков вскинул руку с вытянутым указательным пальцем над головой:

- Оттуда идея. С самого верха...

- Неужели из Ставки от самого... самого товарища...

- Не будем уточнять, Евгений Николаевич,- прервал Преображенского Жаворонков.- Будем выполнять задание.

- Но оно же невыполнимо, Семен Федорович! - возмутился Преображенский.

Жаворонков сдержанно засмеялся.

- И я знаю, что невыполнимо. И наш нарком знает. Но бомбы мы все-таки в указанную точку обязаны сбросить. Так сказать, формально выполнить приказ. Возможно, взорвется в правительственном квартале. Шуму наделает...

- Вот удивится мой флагштурман капитан Хохлов! - произнес все еще возбужденный Преображенский.

- А ему ни слова о резиденции Гитлера. И вообще никому! - приказал Жаворонков.- Координаты будет знать штурман, пусть на них и выводит бомбардировщик. Как можно точнее, конечно.

- Есть, товарищ генерал! - подтянулся Преображенский.- Задание понял. За точные расчеты флаг-штурмана не сомневаюсь...

- Вот и хорошо, вот и отлично, дорогой Евгений Николаевич,- расслабился Жаворонков.- К слову, эта особо важная, а значит, и почетная цель закрепляется теперь за вами отныне и до конца "Операции Б"...

Вошел запыхавшийся Оганезов.

- Евгений Николаевич, вы же нам срываете репетицию! - прямо с порога сказал он.

- Какую репетицию? - не понял генерал.

- У нас сегодня в честь награждения летчиков состоится большой концерт художественной самодеятельности,- пояснил Оганезов.- Приглашаем и вас, товарищ генерал.

Жаворонков улыбнулся.

- Приду, непременно приду,- обещал он.

Концерт проходил в самом большом классе сельской школы. На самодеятельной сцене стояло старенькое пианино. Народу собралось много, пришли и эстонцы посмотреть на представление.

Программу вел военком авиагруппы старший политрук Поляков.

- Товарищи! Замечательный советский поэт Михаил Светлов

посвятил вам, славным соколам, свое новое стихотворение "Над Берлином". Сейчас его прочтет капитан Ефремов.

Стихотворение Светлова уже было опубликовано в газете "Красная звезда", многие его прочли и все же слушали чтеца с огромным вниманием:

Наши подвиги снова звучат
Богатырской русской былиной,
- И советские бомбы летят
Сквозь отравленный воздух Берлина.
Все пространство небес одолев,
Пронеслись наши красные птицы...
Всей планеты проклятье и гнев,
Разорвись над фашистской столицей!
Ты пощады у нас не моли
За кровавые годы разбоя,
За бессонные ночи земли,
За детей, умерщвленных тобою!..

Зал взорвался аплодисментами. Еще бы, о них, морских летчиках Балтики, уже сочиняют стихи. И кто? Автор знаменитой "Гренады"!

- А сейчас горячий кавказский танец лезгинка!- объявил Поляков.

Старший лейтенант Дроздов вышел на сцену, сел за пианино и заиграл. И тут же выскочил из-за кулис батальонный комиссар Оганезов и пошел по кругу...

Потом начальник штаба авиагруппы капитан Комаров задушевно пел "Ой да ты не стой, не стой", стрелок-радист сержант Кротенко мастерски танцевал вальс-чечетку, а его друзья - стрелки-радисты сержанты Лучников и Беляев исполнили любимую песню морских летчиков "Раскинулось море широко"; ее подхватил весь зал.

Гвоздем программы были сатирические стихи Демьяна Бедного, только что опубликованные в "Красной звезде". Темой для этих стихов Демьяну Бедному послужило сообщение немецкой газеты "Франкфуртер цайтунг", которая, опасаясь распространения паники среди берлинцев, вызванной систематическими налетами советской авиации на фашистскую столицу, предлагала срочно призвать десять тысяч гитлеровцев в бригады ПВО. В задачу этих бригад должна была входить не ликвидация последствий бомбардировок, а выявление с последующим докладом в гестапо тех, чьи нервы не выдерживали рокота советских бомбардировщиков над головой и затяжных воздушных тревог.

Полковник Преображенский переделал эти стихи в

вологодские частушки, и под его аккомпанемент на баяне их спели сержанты Лучников и Беляев.

Ночью охают берлинцы,
Мрачно смотрят поутру.
Краснелетские "гостинцы"
Им совсем не по нутру.
- Что же Геббельсы нам врали?
Что плела нам вся печать?
Гнать фашистов не пора ли?
Так берлинцы заорали?
Нет,- но стали гак ворчать.
Слыша то, забил тревогу
Штаб фашистских подлецов:
- Звать скорее на подмогу
Десять тысяч молодцов!
Их набрать в фашистском лоне.
Средь берлинцев в каждой зоне
Пусть снуют, змеей скользя.
При воздушной обороне
Обойтись без них нельзя:
Их обязанность - повсюду
Наблюдать и доносить.
"Мы за склонность к пересуду
Будем головы косить!"
Так фашисты скалят зубы,
Дрожь - по телу, пот - с лица.
Страхи, слежка - почему бы?
Чуют, чуют, душегубы,
Близость страшного конца!

Летчики от души смеялись и долго аплодировали. Незабываемый вечер закончился танцами.

Дождь начался в первом часу ночи.

Еще вчера вечером с Атлантики стала медленно двигаться серая стена облаков. Метеобог капитан Каспин рассчитывал, что облака эти разгонит легкий бриз, ночью усилившийся до порывистого ветра. Но его расчет не оправдался. Дождь шел всю ночь и утро, шел беспрестанно, нудно и тихо. За окошком была видна сплошная сетка дождя. Влажный блестящий луг, сумрачно-зеленый лес вокруг аэродрома - все скрылось за дождевой решеткой.

Жаворонков заметно нервничал. Пятый вылет назначен на 10 часов вечера, а дождю, казалось, не будет конца. По докладу командира авиабазы майора Георгиади, взлетно-посадочная полоса раскисла, грунт размягчился. А ведь сегодня многие ДБ-3

полетят с ФАБ-500 на внешней подвеске.

Особенно вызывали тревогу рулежные дорожки. Дождь превратил их буквально в месиво густой, непролазной, липкой грязи. Колеса тяжелых бомбардировщиков утонут в ней, машинам невозможно будет выбраться на поле аэродрома.

Отменить же очередной налет на Берлин генерал не мог. О нем уже доложено наркому ВМФ.

- Будем очищать рулежные дорожки от грязи, а наиболее болотистые места засыпать каменистым грунтом,- решил генерал.

На работы был мобилизован весь личный состав, кроме экипажей, которым предстояло лететь на Берлин. На помощь вышли и эстонцы, не успевшие или не пожелавшие эвакуироваться в отдаленные от аэродрома хутора.

Военком Оганезов собрал штурманов.

- Я хотел передать вам боевой привет от ваших английских коллег,- сказал он, показывая на листок с машинописным текстом.- Штурманы английских бомбардировщиков удивляются, как это вы с первого захода определяете цели? Или летаете только в ясную погоду?!

Штурманы засмеялись, догадываясь, что неспроста батальонный комиссар затеял этот разговор.

- Выходит, и у них метеобоги не щедры на погоду,- пошутил лейтенант Швецов.

- Об этом в сообщении ничего не сказано,- ответил Оганезов.

- Что же сказано? Не терзайте наши души, товарищ батальонный комиссар,- не выдержал Хохлов.

Оганезов улыбнулся.

- Да просят раскрыть секрет, как точно выходить на цель при плохой погоде.

- Секрет один: фашистов надо бить в любую погоду, пока не уйдут с нашей земли! - сказал Хохлов.

Оганезов опять улыбнулся.

- Так я им от вашего имени и отпишу.

- Что у англичан-то произошло, товарищ батальонный комиссар? - нетерпеливо спросил Швецов.

- В последнем налете на Берлин им слишком долго пришлось отыскивать цели,ответил Оганезов.- Из-за плохой видимости. Вот,- он показал на лист,официальное сообщение...

"Лондон. 13 августа (ТАСС). Английское министерство информации опубликовало подробности вчерашнего ночного налета английских самолетов на германские города Берлин, Киль, Оснабрюк, Дуйсбург, Кельн, Ганновер и Эссен. Как указывает министерство, в связи с крайне неблагоприятной погодой - сильная облачность - самолетам над Берлином

пришлось в течение долгого времени искать объекты.

Эскадрильи английских самолетов "Веллингтон", "Манчестер", "Стирлиг" и "Галифакс" в течение двух часов бомбардировали Берлин. Возникшие пожары были видны на далеком расстоянии..."

- У нас нет времени на отыскивание целей,- сказал Хохлов.- А то обратно не успеешь вернуться.

- На пределе работаем, не то что англичане. Ошибаться некогда,- подтвердил лейтенант Шевченко.

Оганезов согласно кивнул.

- Значит, дождик вам тоже по плечу,- показал он на окно, по стеклам которого стекали извилистые струйки воды.- Никакая погода не сможет помешать балтийским летчикам выполнить боевое задание Родины!

Военком остался доволен беседой. От штурманов он уходил в полной уверенности, что те доведут сегодня свои машины до Берлина.

В полдень дождь прекратился. К вечеру в редеющих облаках даже появились бирюзовые окна, через которые солнечные лучи падали на мокрое поле аэродрома, зажигая огоньки в капельках воды на траве.

К назначенному времени рулежные дорожки были очищены от грязи, а топкие места завалены каменистым грунтом. Хоть и с трудом, но "букашки" все же вырулили на аэродром. Самолеты быстро дозаправили горючим, подвесили авиабомбы. Шесть ДБ-3 взяли на внешнюю подвеску по одной пятисотке и по три ЗАБ-100 в бомболюки.

Штурман флагманского дальнего бомбардировщика капитан Хохлов к новой цели отнесся, к радости Преображенского, вполне спокойно, как к обычному делу. Его удивило лишь, что в данном районе Берлина, прилегающем к парку Тиргартен, никаких особо важных военных объектов нет. Но так было до войны. А сейчас в парке немцы, возможно, что-то и соорудили, о чем стало известно руководству "Операции Б". В общем, начальству сверху виднее. А он, штурман, дело свое сделает, постарается выполнить просьбу полковника Преображенского и с максимальной точностью вывести "букашку" на заданную цель.

- А ключ твой нам поможет! - заулыбался Преображенский.

Хохлов насторожился.

- Какой ключ?!

- Ну, ну, не притворяйся, Петр Ильич. Ключ-талисман. Знают же все...

Хохлов растерянно оглянулся, точно боялся, что их подслушивают. Оказывается, о его гаечном ключе-талисмане всем

известно? А он думал, что это лишь его строжайшая тайна. Кто же разболтал? Не иначе как техник самолета старшина Колесниченко.

С чувством охватившей тревоги взобрался он в свою штурманскую кабину, взял полетную сумку, вытащил карты, заглянул внутрь. Гаечного ключа на месте не было. Хохлову стало нестерпимо жарко, точно его быстро опускали в кипяток. По лицу потекли струйки пота, застилая глаза. Ключ, его волшебный ключ-талисман пропал. Кто-то нарочно выбросил его из полетной сумки. А он ведь теперь считает его счастливым, приносящим успех. Почему-то убежденно верил, и с каждым разом все больше и больше, что с ключом он обязательно вернется из налета на Берлин. И вдруг талисман пропал...

Хохлов высунул голову в астролюк, увидел техника самолета и, еле сдерживая свой гнев, закричал:

- Старшина Колесниченко!

- Здесь, товарищ капитан!

- Куда вы дели мой ключ?

- Какой ключ, товарищ капитан? - не понял вначале Колесниченко.

- Самый обыкновенный! Гаечный. Семнадцать на девять...

- Не до поисков ключа сейчас,- вмешался в разговор Преображенский.- На старт выруливать пора. Время! Видишь, сигналят нам? - показал он на стоящего у взлетной полосы капитана Комарова, размахивающего красными флажками.

- Без ключа не полечу! - категорически заявил Хохлов.

- Что-о?! - опешил Преображенский. Вначале он случай с гаечным ключом посчитал было за шутку, а штурман, оказывается, все принял всерьез.

- Не полечу, товарищ полковник! Что хотите делайте. Хоть отстраняйте от полета,- упрямо стоял на своем Хохлов.- Старшина Колесниченко, вы лазили в мою полетную сумку?

Колесниченко порылся в деревянном ящичке с инструментами, стоящем поодаль, достал гаечный ключ и показал штурману.

- Этот что ли, товарищ капитан?

Хохлов юркнул в кабину, открыл нижний люк, схватил из рук техника самолета протянутый гаечный ключ. От сердца сразу отлегло, захотелось смеяться и петь от радости. Он, он, этот ключ, его счастливый талисман!

На старшину Колесниченко на всякий случай сердито прикрикнул:

- Больше у меня не трогать его, старшина!

- Добро, товарищ капитан. Я же не знал, что без него

"букашка" не в состоянии подняться в воздух! - рассмеялся он.

- Можем выруливать на старт, товарищ командир!- передал успокоившийся штурман.

Преображенский беззвучно засмеялся. Вот бы никогда раньше не подумал, что его флагштурман, самый опытный и бывалый в полку, верит в приметы. Смешно! Хотя, пусть верит. Это не мешает выполнению боевых заданий. Наоборот даже, талисман придает уверенность штурману в работе.

- Раз ключ теперь на месте - успех обеспечен! - улыбнулся Преображенский.

- Полный успех не обещаю, а вот что количество посадок будет равно количеству взлетов - точно! - парировал Хохлов.

Первым, как и договорились, пошел на взлет Преображенский. Его машина, как казалось Жаворонкову, слишком долго не отрывалась от размягченной дождем грунтовой взлетной полосы, а когда наконец поднялась в воздух, то никак не набирала высоту. Так прошло несколько томительных мгновений.

- Пошел! - радостно воскликнул стоявший рядом с генералом Комаров, не меньше его переживая взлет командира полка.

Жаворонков вытер мокрый лоб носовым платком. Приказал:

- Выпускать остальных.

Все машины взлетели благополучно.

То же самое было и на аэродроме Асте, где поднялась в воздух вся эскадрилья капитана Тихонова и два ДБ-3ф из группы майора Щелкунова.

Преображенский передал на землю ставшую традиционной фразу:

- Иду на Берлин!

Три звена "чаек", прикрывавших взлет бомбардировщиков, проводили обе авиагруппы и, вернувшись, пошли на посадку. Жаворонков и Комаров со старта поехали на машине к подземному командному пункту. Их встретил дежурный.

- Посты ВНОС докладывают о приближении двух групп вражеских бомбардировщиков к острову,- доложил он.

Генерал окинул взглядом поле аэродрома, на который садились последние "чайки".

- Не успеют рассредоточиться! - вырвалось у него.

Первыми, как и раньше, над Кагулом появились "мессершмитты". Их сменили "юнкерсы".

Минут сорок стонала и колыхалась земля под ударами бомб. На этот раз зенитки вели огонь более точно. Они сбили один "юнкерс", а второй, распустив шлейф дыма, со снижением потянул в сторону Рижского залива.

Потери от налета оказались существенными: уничтожены не

успевшие укрыться после посадки две "чайки" и одна очень сильно повреждена. Взлетно-посадочная полоса была изрешечена воронками от бомб мелкого калибра.

Самолеты шли на Берлин. Преображенскому было не до созерцания меняющихся на глазах красок вечернего неба. Все его внимание было устремлено на приборы и работу двигателей. Почему-то слишком быстро стало греться масло, причем в обоих моторах. Может быть, при переходе в горизонтальный полет это прекратится?

Темнота окутала кабину. Мгновенно пропали и море и небо: самолет вошел в облако. К счастью, оно оказалось небольшим, и снова над головой мерцающие хрусталики звезд, густо-синее небо, а внизу - маслянисто-черная поверхность уснувшего Балтийского моря.

Масло грелось по-прежнему, его давление падало. Двигатели не могли работать на полную мощность, скорость заметно снизилась. Это сейчас, после первого часа полета. А что будет дальше? Если откажут оба мотора,- придется садиться на воду, забираться в надувную резиновую лодку и ждать помощи. Но не так-то легко будет их найти в море летающим лодкам Че-2!

- Штурман, Петр Ильич, масло греется сверх всякой нормы,- сказал Преображенский.

- На каком моторе? - спросил Хохлов.

- На обоих. Давление близко к нулю.

- Дальше лететь опасно, Евгений Николаевич. Откажут...

Преображенский с минуту молчал, потом с болью в сердце произнес:

- Не возвращаться же с грузом бомб обратно! Идем на запасную цель. Какая ближе к нам?

- Виндава. Это почти на обратном курсе.

- Виндава так Виндава,- горестно вздохнул Преображенский.

Конечно, Виндава не ахти какая цель. Но подполковник Охтинский в разговоре упомянул о том, что в Виндавском порту сосредоточиваются фашистские конвои, откуда они через Ирбенский пролив прорываются в Ригу. Транспорты в охранении боевых кораблей доставляли туда оружие и технику для группы армий "Север". Если потопить пару из них или хотя бы поджечь, значит, вылет можно будет считать удачным. Правда, эти бомбы, особенно ФАБ-500, предназначены для Берлина. Но другого выбора в создавшейся обстановке не было.

К Виндавскому порту подходили со стороны моря, высота чуть больше двух тысяч метров. Очень невыгодная высота! На ней зенитки смогут вести прицельный огонь, да и прожекторы легко достанут самолет. А плохо работающие моторы не тянут, и

высоты не набрать.

- Подходим к цели,- сообщил Хохлов.

Преображенский посмотрел вниз. Ни огонька. Порт хорошо замаскирован. И все же его контуры угадывались при свете луны, периодически появлявшейся в разрывах облаков.

И вдруг в глаза ему ударил яркий пучок света. Преображенский невольно зажмурился, отвернулся. Еще с десяток пронизывающих лучей уперлись в самолет. По нему тотчас открыли огонь береговые и корабельные зенитные установки. Преображенскому было видно, как из темноты со всех сторон, точно к магниту, к ним тянулись быстро летящие светлячки - трассирующие снаряды.

- Скорей, Петр Ильич!

Хохлов нажал кнопки электросбрасывателя, бомбы пошли вниз, на причалы порта. Особенно силен был взрыв ФАБ-500, тут же вспыхнуло огромное пламя, загорелись транспорты или портовые сооружения - разобраться было трудно.

Преображенский тотчас развернул облегченный самолет на север. И сразу услышал треск в правом крыле: рядом взорвался зенитный снаряд. Попытался уйти в спасительную высоту, но моторы не тянули, их мощность упала. Снова треск, теперь уже в хвостовой части. Глаза слезились от яркого света преследовавших самолет прожекторов, ничего не видно. Пропало ощущение скорости, кажется, будто не летишь, а застрял на этих чертовых лучах. Слева, около крыла, послышался раздирающий скрежет: видимо, угодил снаряд.

"Только бы осколки не попали в моторы и не прошили баки с бензином",молил Преображенский.

Дробный треск, металлический скрежет доносились все чаще и чаще. Гитлеровские зенитчики пристрелялись и теперь вели точный огонь на поражение.

"Вот тебе и маленький порт Виндава! А какую противовоздушную оборону имеет! Выходит, прав Алексей Иванович Охтинский, драгоценный тут для гитлеровцев груз, на этих транспортах".

Преображенский заметил, что прожекторные лучи вроде поблекли, из яркого свет стал матовым. Потом и совсем пропал. Бомбардировщик вошел в спасительное облако. Но как оно велико? Если выскочишь на чистое небо, прожекторы опять вцепятся, надо уйти влево, мористее.

- Штурман, Петр Ильич, жив?

- Пронесло.

- Кротенко, Рудаков, как у вас?

- Полный порядок, товарищ командир. Но дырочек фрицы

понаделали много.

Самолет вышел из облака. Преображенский скосил глаза: справа метались узкие лучи, отыскивая ускользнувший советский бомбардировщик. Он приказал Кротенко передать в Кагул, что вынужден вернуться из-за неисправности материальной части.

При подходе штурман выпустил красную и зеленую ракеты. Зажглись посадочные огни, и ДБ-3 с ходу пошел на посадку.

Первым встретил флагманскую машину старший инженер Баранов. При виде изрешеченного самолета он схватился за голову.

- Да на машине живого места нет! Попали вы в переплет... Как добрались,ума не приложу.

Баранов принялся подсчитывать пробоины, продолжая удивляться счастливому возвращению флагманского экипажа. В его практике подобного еще не было.

Подъехал на эмке взволнованный Жаворонков.

- Что случилось, Евгений Николаевич?

Преображенский доложил о неудачном полете.

- В общем, не повезло нам на этот раз, товарищ генерал,- заключил он короткий доклад.

- А по-моему, очень даже повезло, товарищ полковник,- сказал Баранов.Прилететь на разбитой машине... Только больших пробоин я насчитал шестьдесят четыре!

Жаворонков обнял вконец расстроенного полковника. Сказал:

- Старший инженер прав. Вы сделали больше, чем могли, Евгений Николаевич. Ведь главное для нас - сохранить жизнь людей. Так что примите мое поздравление с успешным завершением полета!

Второй полет по маршруту для майора Щелкунова протекал необычайно буднично и спокойно. Только штурман майор Малыгин иногда вносил незначительные изменения в боевой курс, ориентируясь по островам Готланд и Борнхольм, темными размытыми пятнами проплывающими под крыльями.

- Тезка, подходим к береговой черте,- услышал Щелкунов в шлемофоне голос штурмана.- Сейчас начнется...

- Ничего, проскочим,- ответил Щелкунов и взглянул на высотомер: стрелка стояла на отметке 6200 метров. Дышалось легко, хотя кислородная маска и стесняла движения.

Летчик и штурман были тезки по имени и отчеству - и тот и другой Василий Иванович, и друзья в шутку называли их дважды тезками. Щелкунов и Малыгин такому обстоятельству даже были рады, это подчеркивало их дружескую близость.

А стрелок-радист старший сержант Масленников, гордясь своими майорами, добавлял, что их экипаж состоит из одних

Иванычей, потому что сам он был Александром Ивановичем.

- Тезка, справа по курсу Штеттин! - доложил Малыгин.

Щелкунов скосил глаза. Город был затемнен, но кое-где все же огоньки виднелись. "Тоже мне, маскировка..."

Все повторилось, как и в первом полете: нервно задергались прожекторные лучи, захлопали разрывы зенитных снарядов. Так будет продолжаться целых полчаса, разве что зенитки замолкнут, потому что в небе начнут рыскать скоростные ночные истребители, просверливая темноту своими острыми лучами-кинжалами. Если попадешься в этот луч, трудно будет уйти из него; истребитель выплеснет на тебя весь свой смертоносный огонь. Но спасение дальних бомбардировщиков в том, что вероятность попасть в свет истребителя не очень велика.

- До цели десять минут,- услышал в шлемофоне Щелкунов голос штурмана.

Впереди по курсу уже вырисовывались контуры большого города. И тут правый мотор словно поперхнулся. Не угодил ли в него осколок от зенитного снаряда? Снова чихнул двигатель. Щелкунов прибавил газ. Мотор загудел нормально, но потом опять остановился. "Этого только еще не хватало!" Щелкунов выжал газ до отказа, а двигателю как будто недоставало воздуха, он работал с перебоями. "Может быть, перегрев?" Перебои стали все чаще и дольше, наконец мотор заглох совсем.

- Что будем делать, тезка? - с тревогой спросил летчика Малыгин.

Самое разумное - это немедленно освободиться от бомбовой нагрузки, затем развернуться на обратный курс и попытаться на одном моторе дотянуть до Сааремаа. Но цель так близка,- всего в трех-четырех минутах лета. Дотянуть до нее можно, правда, придется идти со снижением. Бомбы предназначены для заводов Мессершмитта, и они обязаны сбросить их туда.

- Идем на цель! - сказал Щелкунов. Штурман и стрелок-радист понимали, на какой риск пошел командир, и молчаливо одобрили его решение.

Не затем же они столько пролетели, чтобы сбросить бомбы на предместье Берлина!

Последние минуты Щелкунову казались вечностью. ДБ-3ф летел со снижением. Но ниже 4500 метров спускаться нельзя: наткнешься на аэростаты заграждения. "Скорее, скорее, скорее",- торопил он время.

- Тезка, цель под нами! - крикнул Малыгин.

- Сброс!

Бомбы пошли вниз. Машина облегчена. Немедленно разворот на обратный курс. За эти минуты самолет снизился до 5000

метров. И все еще медленно снижается, хотя бомб уже нет. Щелкунов потянул штурвал на себя, но напрасно: бомбардировщик не слушается. Справа, слева, внизу, вверху - хлопающие темно-дымчатые шапки от зенитных снарядов, отчетливо видимые на фоне лучей прожекторов. Но Щелкунов их не видел, его глаза были устремлены на приборную доску, и в первую очередь на стрелку высотомера, которая медленно сползала влево. Высота уже 4500 метров. Летчик сбросил кислородную маску. Лицо мокрое от пота, ресницы слипаются, пот застилает глаза.

Высота 4000 метров. Усилия Щелкунова напрасны, машина не подчинялась ему, шла на снижение. И скорость на одном моторе невелика. Кажется, из зоны зенитного огня никогда не выберешься.

Стрелка сползла на цифру 3000. А до береговой черты еще далеко, Молчит штурман Малыгин, молчит стрелок-радист Масленников. Они понимают, что попали в очень тяжелое положение. Вся надежда на командира. Только от него зависит спасение.

2500 метров. Снижение продолжалось. В какой уже раз пытался Щелкунов вывести самолет в горизонтальный полет. Но не слушается ранее послушная машина!

- Под нами береговая черта! - прервав тягостное молчание, доложил Малыгин.

Щелкунов это почувствовал сам: прекратили огонь вражеские зенитные батареи, остались сзади мечущиеся в злобном вихре лучи прожекторов. Посмотрел на высотомер: стрелка сползла к цифре 2000.

Летчик сильно потянул штурвал на себя, прижав к груди. Что это? Стрелка больше не падает влево! Значит, машина перешла наконец в горизонтальный полет. Отпустил штурвал, и стрелка вновь угрожающе поползла вниз. Снова прижал его к себе - стрелка остановилась.

Только в таком положении самолет и будет лететь горизонтально, без снижения. Но хватит ли сил несколько часов вот так удерживать машину? Ведь скорость упала, и до Асте придется добираться дольше обычного.

Щелкунов потерял счет времени. Заныли от напряжения руки, мускулы взбугрились от чрезмерной натуги, будто налились тяжелым свинцом. Но пальцы цепко держали штурвал, разожмешь их,- и машина опять пойдет на снижение. Мысленно он прикидывал расстояние до аэродрома и в душе ругал штурмана, что так долго не называет точку нахождения ДБ-3ф в воздухе.

- Находимся на траверзе Пиллау... Вышли на траверз Мемеля,- монотонно тянул Малыгин. Он нарочно не переговаривался с командиром, понимая, что ему невыносимо тяжело и любое невпопад сказанное слово окончательно выведет его из себя. А в создавшихся условиях он один лишь сможет дотянуть самолет до острова.

- Находимся на траверзе Либавы... Выходим на траверз Виндавы...

Уже давно светло. Справа огненная полоса раскаляла небо. Вот уж и солнечные лучи, вырвавшись из плена ночи, пошли гулять-играть по горизонту. Они ощупывали каждое облачко, обдавая его розовой краской, и устремлялись дальше, ввысь, к темному еще зениту.

От однообразного напряженного положения у Щелкунова онемели руки, они были как чужие. Кружилась голова, все тело стало непослушным, тяжелым, точно на плечи взвален непосильный груз. Но менять положение нельзя. Только так еще и можно продолжать горизонтальный полет.

"Немного уже осталось",- успокаивал себя Щелкунов. Но что это, левый мотор вроде поперхнулся? Показалось... Нет, двигатель действительно захлебывается. Все повторялось, как и с правым мотором. Перегрев! "Тяни, тяни, милый. Остались уже пустяки. Что тебе стоит? Тяни. Не подводи нас",- мысленно умолял он левый мотор. Даже бросило в жар, точно лицо обдало кипятком. Взглянул вниз - море. Но вдали уже вырисовывалась кромка берега.

Левый мотор в последний раз глотнул бензина и заглох. Скорость начала падать. В кабинах наступила гнетущая тишина.

- Черт возьми! - выругался Щелкунов.- Неужели все?!

Вспомнил о штурмане и стрелке-радисте, болезненно усмехнулся.

- Масленников, Саша, ты не знаком с Нептуном?

Масленников понял невеселую шутку командира.

- Только разве по кино...

- Тебе может предоставиться свидание с ним.

- В другой бы раз, товарищ майор. Я бы и речь приветственную подготовил. Все же царь! Хоть и морской.

- Тезка, твое отношение к владыке морей и океанов?

- Сто бочек чертей под фюзеляж! Не дождется нас его величество Нептун,-ответил Малыгин.- Дотянем! У нас же мировой летчик, сам майор Щелкунов!

- Брось подхалимничать. Не терплю! Сядем в Асте - поговорим.

- Сначала надо дотянуть туда...

- И дотяну!

Свое знакомство с авиацией Щелкунов начал в аэроклубе Осоавиахима полетами на планере. Он мог тогда часами пилотировать, устремляя планер в воздушные потоки.

Дальний бомбардировщик совсем не походит на планер, слишком велик и тяжел. И все же, пользуясь высотой и скоростью, надо заставить его как можно дольше планировать. Пусть и с постоянным снижением.

Действовала на нервы гнетущая тишина, машина словно висела в воздухе. Под крыльями - стальная вода. Она все ближе и ближе, различались уже белесые барашки на гребнях волн. И берег рядом - полуостров Сырве. Как точно штурман вывел на входной ориентир! Молодец, что и говорить.

А вода все ближе, все отчетливее вырисовывались белогривые шеренги солнечных волн. Вот и полосатый столбик маяка. Можно сесть на Сырве, у старой русской Церельской береговой батареи большая поляна. Но где она? Земля словно залита молоком. Туман! Надо тянуть дальше, возможно, в центре острова тумана нет...

Жаворонков, Преображенский и Комаров находились в штабной землянке в ожидании возвращения экипажей с боевого задания, когда вместе с Оганезовым туда вошел капитан Каспин. По его удрученному лицу можно было понять, что случилось неладное.

- Ожидается туман на аэродроме, товарищ генерал...

- О чем вы думали раньше, капитан? - вспыхнул Жаворонков.- Почему не предупредили? Да за такое дело...

- Синоптики не виноваты, товарищ генерал,- вмешался в разговор Оганезоз.Туман характерен лишь для местных островных условий. Он может появиться только в отдельных местах. Ведь так, товарищ капитан? - повернулся он к Каспину.

- Так,- кивнул Каспин.

- Опять циклон с Атлантики виноват? - усмехнулся генерал.

- Понижение температуры виновато,- пояснил Каспин.- Земля теплая, воздух холодный, вот и туман...

Жаворонков и Преображенский вышли из землянки. Лицо обдал свежий, влажный воздух. Чувствовалось незначительное похолодание. Выходит, снижение температуры и создает возможность появления тумана. Но на аэродроме почти чисто. Может быть, Каспин преувеличивает?

Вернувшись в штабную землянку, Жаворонков позвонил в Асте. Там признаков тумана пока не наблюдалось. Приказал запросить посты ВНОС, оттуда последовало сообщение, что туман уже появился на полянах и в лощинах. Значит, следует ожидать

его и на аэродромах.

Жаворонков дал приказание быть готовыми к приему ДБ-3 на аэродромы в условиях плохой видимости и одновременно позвонил в Таллинн и Палдиски, чтобы там в случае необходимости смогли принять дальние бомбардировщики.

К утру Кагул стало заволакивать туманом. Жаворонков, Преображенский и Оганезов не уходили с аэродрома, внимательно наблюдая за взлетно-посадочной полосой. Туман медленно сгущался, образуя вокруг летного поля - возле самого леса - молочно-серую стенку.

- Едем на старт,- предложил Жаворонков. Он надеялся, что центр аэродрома будет чистым. Так оно и оказалось. Эмка буквально через минуту выскочила из тумана. Впереди просматривалась взлетно-посадочная полоса. А с восходом солнца ее черная лента будет еще яснее. Садиться в таких условиях можно, хотя и очень трудно. Такая же примерно картина, по докладу Комарова, наблюдалась и в Асте.

- Посадка возможна,- окончательно решил Жаворонков.- Передайте на самолеты: на аэродромах туман. Быть особенно внимательными,- приказал он дежурному.

С особым волнением и тревогой все ждали подхода самолетов. Донесся знакомый гул, в воздухе показался первый ДБ-3. Он пошел на посадку и благополучно приземлился. За ним последовали еще четыре самолета. Шестой бомбардировщик начал было заход, но вдруг снова взмыл ввысь и пошел по кругу, не решаясь садиться. Закружил и седьмой ДБ-3.

- Передайте по радио, пусть идут в Палдиски или Таллинн,- сказал Жаворонков дежурному.

После такой команды один из бомбардировщиков тут же взял курс на северо-запад, а второй упрямо заходил на посадку и всякий раз неудачно.

Воздушный стрелок младший сержант Русаков никогда так скверно не чувствовал себя, как в этот пятый по счету налет на Берлин. Вроде бы все началось хорошо: нормально взлетели, набрали высоту, пробив толщу облаков, надели кислородные маски и на высоте около семи километров перешли в горизонтальный полет. И над Балтийским морем прошли благополучно, без каких-либо осложнений. Не задевали их и немецкие зенитки, когда вошли в воздушное пространство Германии: самолет надежно скрывали облака. Все шло к тому, что очередной налет на Берлин закончится как и обычно, ведь уже и опыт достаточный есть у экипажа, командир лейтенант Александров, хоть и молодой летчик, но ведет бомбардировщик уверенно, со знанием дела.

А все началось примерно за двадцать минут до подхода к Берлину. Лейтенант Александров вдруг начал задыхаться: где-то образовалась утечка кислорода. Сколько он ни пытался найти повреждение - ничего не получалось. То ли вентиль от баллона частично пропускал кислород, то ли трубка дала трещину, то ли еще что - определить причину в полете трудно, ведь надо пилотировать самолет, увертываться от атак немецких ночных истребителей, обходить шапки разрывов от зенитных снарядов.

Долго лететь при нехватке воздуха Александров, разумеется, не мог. Наступит кислородное голодание, летчик потеряет сознание, и неуправляемая машина может войти в штопор и разбиться.

В создавшемся положении следовало бы лечь на обратный курс и снизиться до высоты четырех тысяч метров, когда можно было бы снять кислородные маски. А бомбы сбросить и на запасные цели Мемель или Либаву.

Однако лейтенант Александров и думать не хотел о возвращении, ведь Берлин рядом! Он снизился до пяти тысяч метров, несколько легче стало дышать, но все равно полной нормы кислорода легкие не получали. Снижение ДБ-3, к удивлению экипажа, привело в недоумение летчиков немецких ночных истребителей. Они никак не могли представить, что советский пилот поведет свой тяжелый бомбардировщик ниже отметки шести тысяч метров. Ведь Берлин весь опоясан аэростатами заграждения, поднятыми послойно до высоты пяти с половиной километров. Надо быть пилоту безрассудным, чтобы пойти на такой неоправданный риск. Потому-то ночные истребители и не гонялись за дальним бомбардировщиком лейтенанта Александрова, ибо сами боялись напороться на собственные аэростаты заграждения.

Первый немецкий аэростат младший сержант Русаков увидел совсем рядом. Черный, устрашающий, вытянутый в длину огромный воздушный шар промелькнул под самым фюзеляжем. Потом аэростаты начали вырастать справа и слева; при свете луны их мрачные контуры отчетливо просматривались с самолета. Русаков начал было считать аэростаты, да сбился со счета; слишком их много подвешено в воздухе на пути самолета. К его радости и гордости, лейтенант Александров всякий раз умело проводил бомбардировщик между ними. Можно было представить себе, с каким напряжением пилотировал летчик, сколько сил тратил он, чтобы не сбиться с курса, а ведь ему при этом еще недоставало воздуха.

Отбомбились вполне нормально, без помех. Штурман капитан Буланов сообщил, что все бомбы легли по цели.

Возвращались на прежней высоте, пролетая вблизи черных конусов аэростатов заграждения. Порой Русакову чудилось, что самолет вот-вот заденет крыльями один из них, но все как-то обходилось. Поистине великий мастер пилотажа их лейтенант, ведь так искусно ведет машину среди заграждений.

Снизились до высоты четырех тысяч метров задолго до береговой черты. От недостатка кислорода у летчика начинала кружиться голова, он мог и вовсе потерять сознание. Сняли маски, жадно вдыхали свежий воздух. Думалось, и не надышишься. Особенно это казалось вконец уже обессиленному летчику.

Но наступала другая беда. Избыток свежего воздуха пьянил, расслаблял, нестерпимо клонил в сон. А впереди почти три часа полета при плохих погодных условиях. Если стрелок-радист и воздушный стрелок еще могли как-то позволить себе подремать, то летчик и штурман обязаны быть начеку, им предстояло вести самолет точно по маршруту.

Над Балтийским морем самолет летел неустойчиво: то рыскал по сторонам, то падал вниз или взмывал вверх. Казалось, бомбардировщиком управляет начинающий летчик, а не опытный пилот, каким являлся Александров. Члены экипажа понимали, что лейтенант очень устал, с беспокойством ждали завершения мучительного для всех полета.

Наконец-то внизу остров Сааремаа. Русаков свободно вздохнул. Пришли все же. Осталось всего-то несколько минут. Вот и ставший родным аэродром Кагул. Штурман Буланов открыл астролюк и выпустил из ракетницы зеленую ракету. Сигнал означал: "иду на посадку". С аэродрома ответили красной ракетой: "посадку разрешаю".

ДБ-3 пошел было на снижение, но тут же взмыл ввысь. Русаков увидел под собой метрах в двухстах посадочную полосу, она находилась справа, в стороне. Летчик "промазал" и вынужден был делать над аэродромом лишний круг.

Второй заход на посадку снова оказался неудачным: посадочная полоса теперь осталась далеко слева. Что с лейтенантом? Он же обычно с первого захода сажал машину, а тут пошел на второй круг. Неужели силы покинули его? Проделали такую огромную работу, дошли до Берлина и вернулись, осталось-то всего ничего. Посадить бомбардировщик и спать, спать, спать...

Третья попытка опять закончилась неудачей, посадочная полоса оказалась наполовину сзади. Очередной круг над аэродромом.

И четвертый заход на посадку не получился. Александров

никак не выведет машину на начало посадочной полосы. Снова, в который уже раз, идет на круг. Русаков видел, как справа кончилась посадочная полоса, бомбардировщик делает крутой разворот, моторы ревут со свистом и вдруг захлебываются. ДБ-3, клюнув носом, ввалился в штопор и несется к земле. Русаков в страхе закрыл глаза, намертво вцепился руками в сиденье кресла, понимая, что все кончено. В сознании промелькнул почему-то зеленый луг за околицей родной деревни, он, босоногий, бежит по высокой траве, бежит к матери, а она от него отдаляется все дальше и дальше...

- Мама-а-а! - закричал младший сержант и рухнул в бездонную яму...

Очнулся Русаков от боли в спине, словно под лопатку кто-то вонзал нож. С трудом пошевелил руками - целы, послушна и правая нога. А вот левая не действует. Открыл глаза, попытался встать, но сил не хватало. "Значит, я жив,дошло до него.- А остальные как?" Услышал торопливые шаги, кто-то бежал к нему. Обрадовался, еще один член экипажа живым остался! Но это, оказывается, военком полка. Вон и черная эмка, на которой к месту падения "букашки" приехал батальонный комиссар.

- Русаков, Иван, живой?! - наклонился к нему встревоженный Оганезов.- Ну молодец, ну балтиец, ну герой!

- А... а остальные... остальные? - прошептал Русаков.

- Тебя я первым увидел. Далеко же тебя отбросило,- проговорил Оганезов и спохватился:- Сейчас и остальных...- он побежал к врезавшемуся в землю самолету, который уже начали охватывать языки пламени. В кабинах летчика, штурмана и стрелка-радиста не было. Да собственно и самих кабин, как таковых, не существовало больше; при ударе самолета о землю они были вырваны вместе с креслами. Торопливо огляделся. Вон впереди горящего самолета что-то лежит в высокой траве. Подбежал, узнал Александрова, склонился над ним, поднял пальцами прядь русых волос с окровавленного лба. Лейтенант был мертв... Метрах в двадцати от летчика увидел в траве штурмана капитана Буланова, а чуть поодаль от него лежал согнувшись и стрелок-радист младший сержант Диков...

К месту аварии подкатила санитарная машина, из нее выскочил врач авиагруппы особого назначения военврач 3 ранга Баландин с санитарами. Баландин обследовал летчика, штурмана и стрелка-радиста, сокрушенно покачал головой.

- Они...- у него не хватило силы, чтобы сказать "мертвы",- они все погибли... А Русаков... Русакова мы сейчас отправим в госпиталь. Он остался жив потому, что при ударе машины о землю оторвалась хвостовая часть. Вместе с ней он отлетел в

сторону. Это и спасло его...

Оганезов вернулся на эмке на посадочную полосу, начал было рассказывать Жаворонкову и Преображенскому, что произошло с экипажем лейтенанта Александрова, как вдруг с востока послышался глухой звук мотора самолета. Не трудно было определить, что бомбардировщик летел на одном моторе.

- Лейтенант Кравченко возвращается,- сказал капитан Комаров.

- Досталось ему над Берлином. На одном моторе идет,- посочувствовал Преображенский.

Бомбардировщик уже был виден над лесом. От него взмыла в небо зеленая ракета: просьба разрешить посадку. Комаров тут же выпустил красную ракету: посадку разрешаю.

Но что такое? Рокота не слышно: отказал и второй мотор. В следующее мгновение ДБ-3 резко пошел вниз и скрылся в лесу. Донесся грохот, вверх взметнулись языки яркого пламени, рухнувший самолет вспыхнул свечой.

- Я - туда! - крикнул Оганезов и вскочил в эмку.- Давай, гони! - приказал он шоферу...

Взрыв нестерпимой болью отозвался в сердцах людей, на глаза навертывались слезы, спазмы сдавливали горло. Нет ничего мучительнее на свете, чем быть свидетелем нелепой гибели боевых друзей. А такое хоть и не часто, но бывает у летчиков.

В Асте дело обстояло лучше, все самолеты армейской авиагруппы приземлились благополучно. Последним спланировал с неработающими моторами майор Щелкунов, чудом дотянув до аэродрома.

Вернулся мрачный Оганезов. Военком будто постарел за эти минуты, так осунулось его лицо.

Капитану Комарову второй раз пришлось открыть раздел "Потери боевого состава" в журнале боевых действий авиагруппы особого назначения и записать:

"16.08.41. ДБ-3 No 391212. Александров, лейтенант - летчик. Буланов, капитан - штурман. Диков, мл. сержант - стрелок-радист.

После выполнения боевого задания (бомбоудар по г. Берлину) при посадке в районе аэродрома Кагул (о. Эзель) самолет врезался в землю и сгорел. Экипаж погиб, за исключением воздушного стрелка, который случайно был выброшен из самолета.

16.08.41 ДБ-3 No 391102. Кравченко, лейтенант - летчик. Сергеев, ст. лейтенант - штурман. Титов, старшина- стрелок-радист. Рачковский, краснофлотец - стрелок-радист,

После выполнения боевого задания (бомбоудар по г. Берлину) при посадке в районе аэродрома Кагул (о. Эзель)

самолет врезался в землю и сгорел. Экипаж погиб".

Вечером на местном кладбище вырыли братскую могилу. Резко всколыхнул напряженную тишину прощальный салют.

Из сообщений центральных газет:

"В ночь с 15 на 16 августа имел место новый налет советских самолетов на район Берлина и отчасти на Штеттин. На военные и промышленные объекты Берлина и Штеттина сброшено много зажигательных и фугасных бомб большой силы. В Берлине и Штеттине наблюдалось большое количество пожаров и взрывов.

Все наши самолеты вернулись на свои базы".

Нападение

Преображенский еще не успел заснуть и ворочался на скрипучей железной койке, когда в дверь настойчиво постучали.

- Кто?

- Дежурный, товарищ полковник.

- Что случилось?

- Вас срочно хочет видеть девушка...

- Какая девушка? - не понял Преображенский.

- Да наша, старшая официантка Элла.

- Чего ей надо?

- Не знаю. Но говорит, что очень важно.

- Ладно, сейчас выйду.

Преображенский встал, быстро оделся и вышел в коридор. Элла, в накинутом на плечи жакете, сидела возле стола дежурного. Увидев полковника, она вскочила и побежала ему навстречу. На ее лице Преображенский заметил неподдельный испуг, глаза расширились, округлились.

- Бандиты, бандиты, бандиты! - воскликнула девушка.

- Какие бандиты? - удивился Преображенский.- Откуда им здесь быть?!

- Бандиты, отец сказал. Кайтселиты...

При упоминании о кайтселитах Преображенский сразу понял, о чем пойдет речь. Генерал Жаворонков предупреждал его, что на островах орудуют группки местных националистов, терроризирующих население.

- Сегодня ночью каитселиты хотят прийти на аэродром,- сказала Элла.- Отец послал меня предупредить вас. И еще он сказал, что с ними какой-то человек, не эстонец. Они хотят узнать, где стоят ваши самолеты...

Преображенский, да и многие летчики авиагруппы, хорошо знали отца Эллы Юхана Саара, старого моряка, служившего до революции в царском флоте. С ним было интересно поговорить, он побывал во многих странах мира, сменил десятки профессий и все же вернулся на свой родной остров Сааремаа. Русский язык он

знал очень хорошо, научил говорить по-русски Эллу.

- Спасибо тебе, Элла,- поблагодарил девушку Преображенский.- И отцу передай нашу благодарность. Мы примем меры. А сейчас иди домой. Тебя проводит дежурный. Ночью в лесу страшно.

Элла замотала головой.

- Нет, нет! Я одна. Я знаю здесь каждую тропинку. А ваш дежурный может не найти обратной дороги. Преображенский проводил девушку до калитки.

- Отец еще сказал: у кайтселитов немецкие автоматы. И гранаты есть,добавила Элла.

- А в каком месте бандиты появятся?

- Отец не знает точно. Может быть, со стороны болота. Там место заброшенное, туда никто не ходит.

- Еще раз спасибо тебе, Элла,- горячо поблагодарил Преображенский.

Девушка надела жакет и быстро скрылась в темноте. Преображенский позвонил в штаб Береговой обороны Балтийского района Охтинскому.

- Алексей Иванович? Еще не спите?!

- Работы невпроворот,- ответил Охтинский.

Преображенский рассказал ему о сообщении эстонской девушки.

- Это очень серьезно, Евгений Николаевич,- отозвался Охтинский.- Я сейчас же пришлю к вам Павловского с добровольцами из эстонского истребительного отряда.

Преображенский вначале не хотел беспокоить Жаворонкова сообщением Эллы, у генерала и без того много забот. Потом все же решил проинформировать его. Кто знает, какими силами обладают каитселиты? На аэродроме может произойти настоящий бой.

- Ни днем, ни ночью нет покоя,- проворчал встревоженный Жаворонков.

Днем аэродром беспрестанно бомбила немецкая авиация, а теперь вот и ночью намечаются вылазки кайтселитов.

Генерал приказал усилить наблюдение за стоянками самолетов, техническому составу быть готовым к отражению возможного нападения.

Начальник особого отдела Береговой обороны Балтийского района старший политрук Павловский приехал через час после разговора Преображенского с Охтинским.

- Значит, "гости" думают пожаловать к вам? - спросил он.- Что ж, организуем достойную встречу. А если повезет, так и "языка" достанем...

Выслушав, о чем говорила Элла, Павловский отметил по карте движение своего отряда от школы, где жили летчики, в направлении болота. С противоположной стороны болота должна будет прочесать лес рота из эстонского оперативного батальона, ранее присланная генералом Елисеевым для охраны Кагула.

- Если кайселиты действительно пожалуют сюда, то им от нас не уйти,заверил Павловский.

Жаворонкову и Преображенскому было не до сна. Они часто выходили на улицу, вслушивались в неясную тишину и напряженно всматривались в ту сторону, куда скрылся эстонский истребительный отряд старшего политрука Павловского.

Ночь была не особенно темной. Белесые облака быстро скользили по небу. Сквозь них проглядывала бледная луна. А облака неслись и неслись, рваные, растерзанные, словно убегая от опасности. Березки тревожно шептали своей темной в ночном мраке листвой. Они тоже, как и люди, прислушивались к неясным шорохам ночи и снова переговаривались, трепеща каждым листком.

Приближался рассвет.

- Может, старый Юхан Саар напутал? - произнес Жаворонков.

- Не думаю. Юхан не будет зря говорить,- ответил Преображенский.

И как бы в подтверждение его слов со стороны болота раздалось несколько одиночных винтовочных выстрелов. Потом донеслись две автоматные очереди. И все смолкло. Лишь минут через десять снова застрочили автоматы. Стрельба то нарастала, то затихала, но не прекращалась уже до самого рассвета.

Возбужденный и довольный Павловский появился, когда уже совсем рассвело. Почти одновременно с ним приехал из Курессаре и подполковник Охтинский.

- Все, кайтселитов взяли,- доложил Павловский.- Окружили их со всех сторон и вынудили сдаться. Вначале они отказывались что-либо говорить, но потом сознались, что посланы для встречи немецкого парашютиста.

- Выходит, своего корректировщика присылают,- раздумывая, проговорил Охтинский.- Что ж, Михаил Петрович,- повернулся он к Павловскому,- на ловца и зверь бежит. Не упустите.

Долго немецкого связиста ждать не пришлось. Поздно вечером над поселком Кагул на небольшой высоте появился немецкий самолет-разведчик. Он выбросил парашютиста и быстро скрылся за лесом. Павловский немедленно выслал бойцов отряда к месту приземления парашютиста, и те доставили гитлеровского радиста.

При допросе переводил разведчик Вольдемар Куйст,

рекомендованный Павловскому еще в самом начале войны первым секретарем уездного комитета партии Муем. Куйст, высокий, худощавый, подвижный парень, в совершенстве владел русским и немецким языками. Он, комсомольский вожак, один из первых вступил в эстонский истребительный отряд, много раз ходил в тыл к немцам на материке и всякий раз приносил ценные сведения о расположении частей противника. Это при его непосредственном участии удалось взять офицера связи одной из фашистских дивизий и заполучить документы для генерала Елисеева о готовящейся операции по захвату островов Моонзундского архипелага под кодовым названием "Беовульф II".

- Спросите-ка, Вольдемар, зачем он к нам пожаловал,- кивнув на пленного, попросил Павловский.

Куйст и парашютист несколько минут разговаривали по-немецки. Лазутчик понял, что ему не уйти от расплаты, и решил сознаться во всем, чтобы облегчить свою участь.

- Он только связной, товарищ старший политрук,- перевел Куйст.- Его должен встретить здесь человек, которому он придается в помощь.

Павловский расставил своих людей в указанном гитлеровским радистом месте и стал ждать. Подозрительный человек появился рано утром, его тут же задержали.

- Я рыбак,- представился он на эстонском языке.

Не стоило большого труда разоблачить мнимого рыбака, и шпион сознался. Он должен был указать точное место стоянок советских дальних бомбардировщиков, а радист - передать их координаты немецкой авиации. Кайтселиты же были обязаны обеспечивать безопасность агентов.

Вернувшись в Курессаре, Павловский рассказал обо всем Охтинскому.

- Ясно одно: гитлеровцы будут бомбить аэродромы до тех пор, пока не достигнут цели,- сказал Охтинский.- И что обидно - мы не можем помешать им! Силы у нас такой нет...

Днем над Кагулом и Асте почти беспрестанно кружили группы "мессершмиттов", сменяя друг друга. А к вечеру, не дождавшись сведений от своих агентов, появились "юнкерсы". Они шли косяками. Земля до темноты содрогалась от взрывов бомб.

Случай с немецким парашютистом встревожил Жаворонкова. Гитлеровская агентура начала действовать вовсю, благо ей было на кого опереться - на кайтселитов. Немецкое командование знало теперь о результатах каждой своей бомбардировки. И оно пойдет на все, чтобы уничтожить советские самолеты и любой ценой выполнить приказ Гитлера. Может быть, даже будет

выброшен воздушный десант. Гитлеровцы ничего не пожалеют, лишь бы обезопасить Берлин от налетов русских бомбардировщиков.

Мысль о вероятном воздушном десанте не давала Жаворонкову покоя. Вокруг аэродрома очень много удобных и скрытых в лесу полян, куда могли приземлиться фашистские парашютисты. Следовало что-то предпринять, чтобы не допустить этого.

Жаворонков вместе со своим адъютантом майором Боковым срочно выехал к коменданту Береговой обороны Балтийского района.

Генерал Елисеев попытался успокоить Жаворонкова.

- Самые доступные места для десантирования постоянно держим под контролем, Семен Федорович,- показал он на карте участки, обведенные синими кружками.- На них поставлены инженерные препятствия.

- Надеюсь, вы не отрицаете возможности высадки воздушного десанта вообще? - спросил Жаворонков.

- Нет, не отрицаю. Даже наоборот, вероятен комбинированный десант: с воздуха и моря. Жаворонков усмехнулся.

- Утешили, Алексей Борисович!

- Видно, здорово ваши летчики насолили фашистам в Берлине, что началась охота за ними,- улыбнулся Елисеев.- Что касается морского десанта, то ему не так-то просто будет достичь Кагула. Западный берег Сааремаа защищен хорошо, там береговые батареи и подразделения третьей стрелковой бригады. А вот воздушный десант... Тут есть ахиллесова пята. Не знаешь, где его выбросят. Во всяком случае, на оборону Кагула и Асте бросим весь эстонский оперативный батальон, эстонский истребительный отряд и сводный батальон моряков. Наготове будет и весь мой подвижный резерв: конная группа в триста сабель и велосипедная рота.

Жаворонков понимал, что комендант отдавал на охрану аэродромов все, что мог, заведомо оголяя отдельные участки побережья. Но и этого было недостаточно для надежной обороны Кагула и Асте. Хоть бы как следует укрепить лесные поляны вокруг аэродромов, куда могли высадиться фашистские парашютисты!

- Мне хотелось бы посмотреть, какие инженерные препятствия установлены в десантно-доступных местах, Алексей Борисович,- сказал Жаворонков.

- Пожалуйста,- согласился Елисеев.- Правильно говорите, лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. А сопровождающим

возьмите нашего начпо. Лаврентий Егорович на острове каждую дорогу знает.

Перед отъездом он проинформировал командующего военно-воздушными силами ВМФ о сложившейся обстановке в районе Моонзудского архипелага. Вероятность высадки десанта противника на остров Муху резко уменьшилась. Командование группы армий "Север" резервные дивизии из Пярну бросило на Таллинн. Сейчас для них основным являлось взятие главной базы Краснознаменного Балтийского флота. Видимо, потом уже освободившиеся дивизии будут перенацелены на Моонзунд.

На помощь осажденному Таллинну с островов ушли все боевые корабли, в том числе и подводные лодки, топившие немецкие суда в Балтийском море. В распоряжении Елисеева остался лишь один дивизион торпедных катеров капитан-лейтенанта Богданова, который командующий флотом вице-адмирал Трибуц не решился снять, ибо эти катера - "морская кавалерия", как их окрестили в Береговой обороне Балтийского района,- во взаимодействии с дальнобойной 315-й башенной береговой батареей капитана Стебеля держали на замке Ирбенский пролив, не допуская прорыва немецких судов в Ригу.

Так, 11 августа артиллеристы Стебеля подожгли транспорт большого водоизмещения, а 16 августа они вместе с торпедными катерами заставили немецкий транспорт выброситься на Курляндский берег Латвии.

- В общем, пока держится Таллинн, вы можете спокойно летать на Берлин, Семен Федорович,- заключил Елисеев.

На объезд вероятных мест выброски воздушного десанта противника ушло очень много времени. Действительно, на лесных полянах имелись заградительные сооружения. В основном они состояли из высоких заостренных кольев, торчащих из земли, всевозможных рогаток и ежей, опутанных колючей проволокой. Конечно, препятствия не ахти какие, однако запутаться в них немудрено, а это связало бы действия десантников до прибытия подразделений островного гарнизона.

Встречались и совершенно пустые поляны.

- Думаете, здесь не станут садиться фашистские парашютисты? - спросил Жаворонков сопровождавшего его Копнова.

- Вовсе не думаем, товарищ генерал.

- Почему же не оборудовали их?

- Сил не хватило.

- Это не ответ.

- Я доложу коменданту. Бросим саперов. Да и местное население поможет. Сегодня же заеду к Мую...

Жаворонков и Копнов расстались в Кагуле. Копнов тут же уехал в Куресаре, а генерал намеревался побывать еще в Асте у Щелкунова и Тихонова.

По примеру морских летчиков армейская авиагруппа особого назначения в свой третий налет на Берлин должна была брать на внешнюю подвеску по одной ФАБ-500. Надо было проконтролировать их подготовку. К тому же следовало разобраться в конце концов с состоянием материальной части и двигателей ДБ-3ф, в первую очередь в группе майора Щелкунова. По его докладу, капитан Юспин, пробыв на острове три дня, улетел на Большую землю менять баки для горючего, а на другой день за ним последовал и старший лейтенант Шапошников - для замены двигателей. Правда, прилетели задержавшиеся экипажи старших лейтенантов Богачева и Васькова, они приземлились в Кагуле. Двигатели самолета старшего лейтенанта Васькова оказались совершенно непригодными для дальнего полета, и старший инженер Баранов вынужден был отправить его на Большую землю для замены моторов. Туда же улетел и капитан Крюков. Двигатели самолета Богачева тоже нуждались в ремонте, эту заботу на себя взял Баранов. Практически выходило, что в очередной налет на Берлин готова лишь машина одного майора Щелкунова.

Двигатели ДБ-3ф в эскадрилье капитана Тихонова находились в несколько лучшем состоянии, но и они в прошедших двух налетах имели сбои. Так, самолеты старшего политрука Павлова и старшего лейтенанта Соловьева смогли достигнуть лишь Кенигсберга и отбомбились по запасной цели. Само собой разумеется, летчики не виноваты, просто двигатели их самолетов выработали положенные по норме моторесурсы. Следовало бы выделить в армейскую авиагруппу новые ДБ-3ф, а не те, что с первого дня войны почти ежедневно вылетали на бомбардировку тыловых объектов противника.

Конечно, были отказы и у двигателей морской авиагруппы, и значительные, но все же не в такой степени, как в группе майора Щелкунова.

От Кагула до Асте всего полчаса езды. Жаворонков думал еще успеть вернуться на праздничный ужин. 18 августа - День Воздушного Флота. Если бы не война, то в Москве на Тушинском аэродроме состоялись бы большой воздушный парад и красочные показательные выступления летчиков, планеристов и парашютистов, ставшие уже традиционными. А сегодня летчики морской и армейской авиагрупп особого назначения отметят свой праздник мощным бомбовым ударом по Берлину, шестым по счету.

Военком полка Оганезов подал Жаворонкову напечатанный на машинке текст под заголовком: "Советские налеты действуют на нервы берлинцам" с просьбой передать летчикам армейской авиагруппы.

Генерал прочитал:

"Лондон. 17 августа. (ТАСС.) Бернский корреспондент газеты "Ивнинг стандарт" передает, что согласно сообщению берлинского корреспондента "Трибюн де Женев" частые воздушные тревоги начинают действовать на нервы берлинцев, которые спрашивают, что это за бомбардировщики, откуда они прилетают и означает ли их появление начало нового этапа войны.

Бомбардировщики летают так высоко, что их едва обнаруживают звукоулавливатели самого последнего образца. Характерно, что во время этих налетов господствует полная тишина; германские зенитки даже не открывают огня, что вызывает еще большее раздражение у населения".

"Молодец все же Оганезов! Хороший праздничный подарок преподнес летному составу авиагрупп,- подумал генерал.- И когда он успевает? Газеты еще не пришли с Большой земли, а ему все известно..."

Эмка въехала в густой лес, дорога петляла между высокими пушистыми елями. Жаворонков сидел на переднем сиденье, полузакрыв глаза, согретый теплом мотора. Сзади находился майор Боков - неизменный спутник во всех поездках.

Шофер резко затормозил, машина встала.

- В чем дело? - сердито спросил генерал. Шофер показал на дорогу, посреди которой лежала огромная ель.

- Завал!

- Надо объехать...

Генерал не договорил, из-за ели раздалась автоматная очередь, пули просвистели мимо. Шофер включил задний ход и рванул назад по дороге. Заметив справа в лесу полянку, он загнал туда эмку, там развернулся, выскочил на дорогу и дал полный газ. Сзади протрещала новая автоматная очередь. Боков выхватил пистолет, но генерал не разрешил ему стрелять, слишком большое расстояние, да к тому же они уже в безопасности.

- Кайтселиты нас поджидали, не иначе,- объяснил водитель, молодой широкоплечий краснофлотец, присланный Жаворонкову комендантом Береговой обороны Балтийского района.

- Ну, вы просто мастерски развернулись! - похвалил генерал шофера, понимая, что благодаря его сноровке удалось избежать гибели.

В Кагуле находился старший политрук Павловский, и

Жаворонков рассказал ему о случившемся.

- Кайтселитов работа, узнаю по почерку,- определил Павловский.- Выследили они вас все же, товарищ генерал. Теперь вам ездить нельзя...

- Что же мне, прикажете под землей ездить?!

- Зачем же под землей. Одному ездить нельзя. Без охраны. - Павловский подозвал высокого белокурого парня.- Вольдемар, возьми с собой отделение и на полуторке сгоняй в Асте. В ельнике завал...

Вольдемар Куйст кивнул в знак согласия и побежал к стоявшей поодаль полуторке. Через минуту с группой бойцов истребительного отряда он уже мчался по дороге к Асте.

Вернулся Куйст примерно через час. Доложил:

- За завалом было человек десять кайтселитов. Все вооружены немецкими автоматами. Дорога очищена.

Павловский подошел к мрачному Жаворонкову, слышавшему доклад разведчика.

- Товарищ генерал, возьмите себе Куйста. Вольдемар тут все знает, на него можно положиться во всем.

Жаворонков хотел было возразить, но, подумав, решил согласиться с предложением Павловского. Старшему политруку виднее, как в данном случае поступить.

Павловский отошел к Куйсту и тихо стал ему что-то говорить.

Шестой налет на Берлин

Воскресный день 18 августа выдался как по заказу - солнечный, ясный, чистый. У всего личного состава морской и армейской авиагрупп особого назначения с самого подъема было приподнятое, радостное настроение. Еще бы, ведь сегодня их профессиональный праздник - День Воздушного Флота. По традиции во всех авиационных частях и соединениях он всегда отмечался торжественным построением. Не хотел нарушать устоявшихся традиций генерал Жаворонков и сейчас, хотя шла война и, казалось бы, не до праздничных ритуалов. Он построил возле командного пункта летный и технический состав, аэродромную команду и подразделения обслуживания, поздравил их с Днем Воздушного Флота СССР и поблагодарил за самоотверженную, поистине героическую работу по выполнению ответственного задания советского правительства - нанесению ответных бомбовых ударов по столице фашистской Германии - Берлину.

- Народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Кузнецов всем вам объявляет благодарность! - сообщил он.

- Служим Советскому Союзу! - мощным аккордом разнеслось в ответ над аэродромом.

Затем Жаворонков зачитал поздравления личному составу авиагуппы с Днем Воздушного Флота, поступившие от командования Ленинградского фронта, Краснознаменного Балтийского флота, Береговой обороны Балтийского района, от рабочих многих ленинградских заводов. Особенно тронуло поздравление английских летчиков.

"...Личный состав королевских военно-воздушных сил шлет личному составу Советских Военно-Воздушных Сил самые теплые приветствия. Мы восхищаемся упорством и мужеством советских летчиков..."

- Сегодня, именно сегодня, в наш прекрасный праздник День Воздушного Флота страны мы нанесем очередной, шестой удар по Берлину! - сказал в заключение Жаворонков.- И я уверен, что экипажи, идущие на столицу фашистской Германии, с честью и достоинством выполнят это боевое задание товарища Сталина!

После торжественного построения состоялся праздничный концерт группы артистов драматического театра Краснознаменного Балтийского флота. Эта группа артистов, возглавляемая ленинградским поэтом Соломоном Фогельсоном, прибыла на остров Сааремаа в начале войны. В ее составе находилась и киноактриса Валентина Телегина, известная всем советским кинозрителям по любимому в стране кинофильму "Учитель". "Гвоздем" концертной программы артистов драмтеатра Балтфлота были неизменные частушки, исполняемые Валентиной Телегиной и ее подругой артисткой Верой Богдановой. Этих актрис знали и горячо любили на острове все и всегда с нетерпением ждали их появления на импровизированной сцене. Частушки, сочиняемые почти всеми артистами, обычно посвящались бойцам тех подразделений и частей, где проходил концерт. Конечно, они были далеки до совершенства литературных форм, но зато шли от души, что нравилось зрителям. Сочиняли и сами исполняли артисты короткие скетчи, сатирические куплеты и пародии на немцев.

Наряду с ежедневными концертами артистам драмтеатра Балтфлота приходилось, и довольно часто, сопровождать машины с боеприпасами, помогать строить оборонительные сооружения, нести вахту по охране складов. Ведь положение на островах осложнялось, они были блокированы с суши, моря и воздуха. И потому каждый человек вне зависимости от ранга, занимаемой должности и профессии, сознавая личную ответственность, делал все возможное для защиты ставшего родным Моонзунда.

С импровизированной сцены, созданной из поставленных в ряд трех грузовых автомашин с открытыми бортами, ведущий поздравил летчиков с Днем Воздушного Флота и объявил первый

номер праздничного концерта.

Артисты исполняли отрывки из пьес, читали стихи, пели народные песни, танцевали. Каждое их выступление встречалось громкими аплодисментами и неизменным требованием повторить на бис. Когда же ведущий концерт объявил об исполнении "Маркизы-Гитлеризы" - пародии на Гитлера и его генералов и адмиралов, зрители повскакали с мест, бурно приветствуя предстоящий номер хлопками и выкриками:

- Даешь "Маркизу-Гитлеризу"! Даешь!..

"Маркиза-Гитлериза" была, пожалуй, самой популярной на Сааремаа, без нее не проходил ни один концерт. Она исполнялась на мотив всем хорошо известной песенки Леонида Утесова и его дочери Эдит "Все хорошо, прекрасная маркиза". Артисты, удачно загримированные под Гитлера, начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил фельдмаршала Кейтеля, главнокомандующего военно-морским флотом гррс-адмирала Редера и командующего авиацией рейхсмаршала Геринга, своей талантливой игрой сглаживали сочиненные ими же слабые, подчас примитивные стихи, и под аккомпанемент баяниста с завидным юмором доносили их до восторженных зрителей.

Первым своему "фюреру" о ходе войны с русскими докладывал "фельдмаршал Кейтель". Подергивая черные усики и без конца поправляя челку, "Маркиза-Гитлериза" спрашивал:

Фельдмаршал мой! Я жду доклада,
На фронте как дела идут?
И скоро ли Москвы осада?
Когда солдаты в Москву войдут?

"Фельдмаршал", смешно перекладывая монокль с одного глаза на другой и гарцуя, восхищенно докладывал о "достижении" сухопутных войск на восточном фронте.

Все хорошо, "Маркиза-Гитлериза"!
Все хорошо! Война - легка.
Ни одного печального сюрприза,
За исключеньем пустяка:
Земля российская жадна!
Пять армий слопала сполна,
В расход пустила сто бригад...
Кресты на ней везде стоят,
А вместо свечек - танки жгут.
И артиллерии капут!
Под зад коленом больно бьют,
В Москву войти нам не дают
И говорят: "Даешь Берлин!
Вобьем фашистам в пузо клин!"

Молниеносный план трещит...
Солдат "Хайль Гитлер!" не кричит
Иван нас лупит в гриву, в хвост;
Фриц удирает во весь рост...
А в остальном, "Маркиза-Гитлериза",
Все хорошо, все хорошо!

В таком же ключе, под беспрерывный хохот зрителей, докладывал об "успехах" своего военно-морского флота "гросс-адмирал Редер". Но больше всего авиаторам понравилась, конечно, сцена с "рейхсмаршалом Герингом".

Рейхсмаршал мой! Необходимо
И о люфтваффе дать доклад.
Мои асы непобедимы!
Летают словно на парад!

Хвастливый "рейхсмаршал", весь обвешанный крестами, петухом ходил по сцене, обвораживая своего "фюрера".

Все хорошо, "Маркиза-Гитлериза"!
Все хорошо! Война - легка.
Ни одного печального сюрприза,
За исключеньем пустяка:
Мы в синем небе не одни
Нас заклевали "ястребки",
И "чайки" тоже - вот беда!
Все щиплют наши "мессера"!
А "птички" эти хоть малы,
Но так отважны и смелы,
Что дерзко в небе голубом
Грозят нам русским кулаком!
И с ними "илы" заодно
Пускают "юнкерсы" на дно.
Твои хваленые асы
Хвосты поджали, словно псы,
И лишь взлетят - кричат: "Сдаюсь!
О фаттер, муттер, я боюсь..."
А в остальном, "Маркиза-Гитлериза",
Все хорошо, все хорошо!

Ведущему концерт стоило большого труда успокоить возбужденных зрителей.

- Бис! Браво! Давай еще! Бис!..- неслось со всех сторон.

- А теперь, дорогие товарищи, в заключение нашего праздничного концерта специально для вас... вас, героев-летчиков, бомбивших столицу фашистской Германии - Берлин, частушки на бис! - объявил ведущий, когда краснофлотцы и офицеры несколько приутихли.

На самодельную сцену поднялся баянист, следом за ним вспорхнули бойкие подружки в ситцевых цветастых платьях - актрисы Валентина Телегина и Вера Богданова. Баянист лихо заиграл, притопывая в такт правой ногой, и веселые подружки, сменяя друг друга, с озорным переплясом запели только что сочиненные частушки.

Жаворонкова генерала
Страна на остров провожала.
И оттуда, со всех сторон
Шлет на Берлин ДэБэ-три он,
Жутко стало жить берлинцам:
Бомбы воют поутру.
Ведь налеты на столицу
Им совсем не по нутру.
Наш Гречишников Василий
Клином вышибает клин.
Пятисотками своими
Точно он бомбит Берлин.
Сменил Геринг три рубашки,
Маршала бросает в жар.
В небе кружатся "букашки",
А на земле - большой пожар.
Ефремов, Плоткин, Есин, Фокин
Пилоты - просто мастера!
Летают смело над Берлином,
Боится их вся немчура.
Ночью мучается Геббельс,
Пересохло все во рту.
Он страшится бомб советских,
Просыпаясь весь в поту.
Гитлер стонет на постели,
Не дает заснуть кошмар.
Преображенский над Берлином
Мощный надо ждать удар.
Наши соколы-балтийцы,
Примите вы от нас привет.
Смелей летайте над Берлином,
Затмите гитлеровцам свет!

Подружек-исполнительниц благодарные зрители долго не отпускали со сцены. К ним поднимались краснофлотцы с охапками полевых цветов, сорванных на аэродроме, и буквально заваливали ими Валентину Телегину и Веру Богданову.

Праздничный концерт группы артистов драматического театра Краснознаменного Балтийского флота надолго запомнится

каждому авиатору и особенно тем, кто сегодня, в День Воздушного Флота страны, летит на Берлин.

Флагманский дальний бомбардировщик медленно набирал высоту, пробивая многокилометровую толщу кучевых облаков, нависших над Балтийским морем. Моторы гудели натужно, особенно надрывался правый, что обеспокоило Преображенского. Скорее бы перейти в горизонтальный полет, тогда можно было бы несколько сбавить обороты правого мотора, дать ему передохнуть. И взлетали они на этот раз с аэродрома труднее обычного; все же пятисоткилограммовая авиабомба на внешней подвеске влияет на скорость и довольно сильно.

Сказывалась, и значительно, мягкая грунтовая взлетная полоса и, конечно же, изношенность моторов.

Слева, внизу за облаками, осталась Виндава. Невольно вспомнил Преображенский прошлый вынужденный налет на порт. "Неужели и сегодня откажет один из моторов? - обожгла его мысль. - Нет, нет и нет! Тяните, моторчики, тяните, милые..."

- Штурман, Петр Ильич, мы должны дойти до нашей новой цели, - передал Преображенский Хохлову. - Дойти во что бы то ни стало!

- Дойдем, командир, обязательно дойдем, Евгений Николаевич, - весело отозвался Хохлов. У него было хорошее, приподнятое настроение, вызванное прекрасным концертом группы артистов драматического театра Краснознаменного Балтийского флота, данным специально для летчиков в их профессиональный праздник. Правда, сегодня вечером надо было бы по традиции поднять бокал вина в честь праздника, но генерал Жаворонков посчитал, что именно в этот знаменательный для летчиков день праздничные подарки в виде пятисоткилограммовых авиационных бомб с добавлением соток должны быть отправлены фашистам в Берлин.

- А свой праздник, День советской авиации, завершите завтра, - сказал на прощание Жаворонков. - Праздничный обед с поросенком будет ждать вас.

- Какой же это поросенок без вина? - высказался за всех Хохлов.

- Угостим вас и кое-чем покрепче, - пообещал генерал.

Бомбардировщик пробил облачность лишь на высоте пяти с половиной тысяч метров. Преображенский еще поднялся на полкилометра и перевел самолет в горизонтальный полет. Прислушался к рокоту моторов, кажется, тянут пока нормально, правда, правый все же чуточку сдает.

- Не беспокойтесь, Евгений Николаевич, сегодня свои праздничные подарки мы точно адресуем новой, особо важной

цели, - продолжал Хохлов.- Получайте, господа-фашисты, от морских летчиков Краснознаменной Балтики! Прямо с доставкой. Хотя, не сегодня, а уже завтра, - поправился он. - Через один час пять минут наступит девятнадцатое августа тысяча девятьсот сорок первого года...

- К цели будем подходить на высоте шести тысяч метров,- перебил Преображенский разошедшегося штурмана.

- Добро! Точность попадания подарков прямо в руки адресата от этого только увеличится. А если еще снизиться на километрик, тогда... Нет, отставить, командир, сталкиваться с аэростатами заграждения нету никакой охоты...

Преображенский не обращал внимания на разглагольствование штурмана, его все больше и больше беспокоило состояние правого мотора. Сбавил ему обороты, давая поостыть, передохнуть. Но и левый мотор начал гудеть более натужно.

Спад рокота правого мотора уловил, наконец, и штурман.

- Командир, что с правым? - поинтересовался он. В его голосе уже появились тревожные нотки.

- Греется, чертяга,- как можно равнодушнее произнес Преображенский.

- Как и в прошлый раз?

- Примерно...

- А левый?

- И левый начинает капризничать.

- Что с ним происходит?

- Тоже перегрелся малость...

Минут двадцать каждый из членов экипажа с беспокойством вслушивался в рокот моторов самолета. Улучшения не намечалось, особенно в правом, хотя летчик все время и щадил его, снижая обороты. Но от этого сильнее грелся левый мотор, получавший большую нагрузку, а если начнет резко сдавать и тот, тогда до Берлина не дотянуть.

- Командир, может... может, опять по запасной цели ударим? - предложил Хохлов, понимая, что кому-то из экипажа первому приходится предлагать запасной вариант.- На траверзе немецкий военный порт Пиллау. Кораблей там предостаточно, как в бочке сельдей...

- Ключ у тебя на месте, Петр Ильич? - вместо ответа спросил Преображенский.- Не забыл в Кагуле?

- Как же, забуду я теперь. Вот он, рядом. В полетной сумке. Отныне и навсегда он от меня никуда,- отозвался Хохлов, не понимая, к чему клонит полковник.

- Так ключ-талисман чего тебе, лично тебе говорит? На

запаску свернуть или продолжать идти на Берлин?

- Вон вы о чем,- засмеялся Хохлов.- Мой ключ всегда за Берлин, но моторы же, командир, моторы...

- Стрелок-радист? - спросил Преображенский.

- На Берлин, товарищ полковник! - ответил сержант Кротенко.

- Воздушный стрелок?

- Товарищ командир, только на Берлин! - произнес старший сержант Рудаков.А как же иначе?!

- Штурман?

- Обижаете, командир! - обиделся Хохлов.-Даешь Берлин! Даешь новую, особо важную цель!

- Решение экипажа утверждаю. Идем прежним курсом, на Берлин! - в голосе полковника зазвучал металл.

Время относительно спокойного полета над Балтийским морем заканчивалось. ДБ-3 подходил к береговой черте правее Штеттина. Сейчас их встретят зенитки или ночные истребители.

- Нам повезло, командир! - послышался бодрый голос штурмана.- Земля скрыта густой облачностью. Не увидят нас немцы.

Действительно, облака надежно скрыли советские дальние бомбардировщики. С земли был слышен лишь гул их моторов, и как ни старались немецкие прожектористы пробить лучами толщу облаков, ничего не получалось. И все же зенитная артиллерия открыла огонь, видимо, хотела просто психологически воздействовать на советских летчиков. Шапок от разрывов немецких зенитных снарядов нигде не было видно, они лопались в густых облаках.

- До Берлина пятнадцать минут! - объявил Хохлов.

- Штурман, точнее курс,- потребовал Преображенский.- Как можно точнее...

- Если, командир, не будете рыскать от зениток и ночников - на боевой выйдем точно,- пообещал Хохлов.

- Не буду. Курса, высоты и скорости не изменю ни при каких обстоятельствах,- заверил Преображенский.

Моторы хоть и грелись, особенно правый, но тянули пока вполне удовлетворительно. А когда самолет освободится от бомбовой нагрузки - станет им намного легче.

Облачность вдруг резко оборвалась, и слева над бомбардировщиком засиял серп луны. При его свете под фюзеляжем стали видны контуры большого населенного пункта. Зенитная артиллерия прекратила огонь, значит, вот-вот появятся на перехвате ночные истребители.

- Кротенко, Рудаков, товарищи сержанты, глядите в оба,-

предупредил Преображенский.

Немецкие ночные истребители не заставляли себя долго ждать, им особенно хотелось отразить от Берлина первый советский бомбардировщик.

- Вижу ночника! - донесся тревожный голос Кротенко.- Идет наперерез с верхней правой полусферы!

- Ночник с нижней правой полусферы! - прозвучал доклад воздушного стрелка Рудакова.

- Ну, когда заходят на курс атаки сразу два истребителя - успех минимальный,- усмехнулся Хохлов.- Помешают друг другу...

Преображенский скосил глаза вправо, заметил пучки света от лучей фар-прожекторов ночных истребителей. Штурман, пожалуй, прав, одновременно истребителям атаковать советский самолет несподручно.

- Кротенко, Рудаков! Огня не открывать,- упредил стрелков Преображенский.Не будем раньше времени демаскировать себя.

Ночные истребители промчались мимо, так и не поймав лучами советский бомбардировщик. Они скрылись в темноте, очевидно, заходили на новый круг или, скорее всего, пытались атаковать идущего следом бомбардировщика.

Под фюзеляжем уже видны очертания затемненного Берлина.

- До цели пять минут!

- Штурман, Петр Ильич, точней выходи на боевой курс! - умолял Преображенский.

- Не волнуйтесь, командир. Сделаю все возможное и даже невозможное,ответил Хохлов, не понимая, почему так беспокоится полковник. Раньше он полностью доверял штурману. Что же это такая за особо важная цель, если из-за нее командир полка сам не в себе? Ведь он всегда завидовал крепким нервам Преображенского! А тут они начали сдавать.

- Выходим на боевой! Даю корректировку,-предупредил Хохлов и с помощью сигнальных огней начал выводить бомбардировщик на последнюю прямую линию.

Преображенский с максимальной точностью выполнял команды штурмана. Сердце его начинало учащенно биться: еще бы, под ними уникальная цель правительственный квартал, в котором помещена и резиденция Гитлера. Он детально изучил план Берлина, мысленно представил себе маленький квадратик, расположенный на пересечениях главных магистралей города Герман-Герингштрассе, Фоссштрассе, Вильгельмштрассе и Парижской площадью, рядом с парком Тиргартен. Из этого маленького квадратика уж совсем незаметной точкой выглядело здание новой канцелярии с самой резиденцией Гитлера и его

рабочим кабинетом на втором этаже.

- Боевой!

Пальцы до боли сжали ручку штурвала, взгляд застыл на приборах, указывающих курс, скорость и высоту полета.

- Так держать!

Конечно, обитатели правительственного квартала при объявлении воздушной тревоги уже спустились в надежные бункера. Но хорошо бы уничтожить хоть здание. Попасть с такой высоты пятисоткилограммовой бомбой в резиденцию Гитлера практически невозможно, и все же чем черт не шутит...

- Есть! - резанул в ушах голос штурмана, нажавшего кнопку электросбрасывателя.- Пошли праздничные подарки!..

Облегченный бомбардировщик подпрыгнул, моторы заработали ровней. Томительное ожидание падения ФАБ-500 и трех ФАБ-100.

- Есть цель! - радостно закричал Хохлов.- Вижу четыре оранжевые точки! Одна очень большая. От пятисотки. Командир, на обратный курс!

Гадать, угодила ли хоть одна из сброшенных авиабомб именно на резиденцию Гитлера или хотя бы на сам правительственный квартал, трудно, да и нет больше надобности. Теперь поскорее бы выйти к Балтийскому морю сквозь частокол зенитного огня, чередующегося с атаками ночных истребителей.

По примеру морских летчиков капитан Тихонов, как и майор Щелкунов, в свой третий полет на Берлин взял на внешнюю подвеску одну ФАБ-500, а ФАБ-100 и ЗАБ-50 загрузил в бомболюки. Стрелок-радист старшина Коневцев вывел на пятисотке белой краской: "Подарок Гитлеру!".

- Наш праздничный гостинец,- пояснил он.

Оторвались от взлетной полосы сравнительно легко. И сразу врезались в облака. Более трех часов предстояло лететь в темноте.

Тихонов особо не беспокоился, у него штурман лейтенант Лаконин хоть и молод, но дело свое знает отлично. Ведь в такой же почти облачности они летели в прошлый раз, и Лаконин точно вывел ДБ-3ф на цель.

Сегодня их цель - авиационные заводы Мессершмитта. ФАБ-500 на борту очень кстати, взрыв от нее разнесет заводской корпус на кирпичики.

- Вениамин Иванович, на вас вся надежда,- сказал в микрофон Тихонов штурману.

- В чем именно, Василий Гаврилович? - не понял Лаконин.

- Послать пятисотку прямо в сборочный цех!

- Пошлем. А чего тут? Раз надо. Ради нашего праздничка.

- Тогда веди...

Тихонов попытался забраться на самый потолок, чтобы пробить облачность, но безрезультатно. Вынуждены были лететь в облаках, хотя это и сказалось на скорости. К тому же висящая на внешней подвеске ФАБ-500 увеличивала сопротивление воздуха и еще более снижала скорость. Вскоре начало греться масло в левом моторе - первый показатель того, что двигатель работает ненормально.

- Находимся на траверзе острова Борнхольм,- сообщил Лаконин.

"Скоро Штеттин",- подумал Тихонов.

Сообщать о выходе к территории Германии не требовалось, об этом напоминали сами немцы. Прожекторы и зенитные батареи были наготове. Однако на этот раз облака висели очень низко над землей. Лучи никак не могли пробить их толщу, а потому и зенитки стреляли не прицельно, а просто так, для острастки.

- До Берлина двадцать минут,- предупредил Лаконин.

- Дойдем,- ответил Тихонов, с беспокойством поглядывая на стрелку, показывающую температуру масла в левом моторе. Стрелка скатывалась вниз, что означало большой перегрев.

Под самолетом белели от прожекторных лучей дымчатые облака. Бомбардировщик словно катился по ним, временами подпрыгивая как на ухабах.

- До Берлина пятнадцать минут,- раздался голос штурмана.

Облачность кончилась. Прямо перед глазами встали длинные, тонкие, яркие лучи. Они раскачивались из стороны в сторону. Их было много. Тихонов начал было их считать, но скоро сбился. Лучи не стояли на месте, они перекрещивались, суетливо метались по небу, временами замирали на секунду-другую, упираясь в зенит.

Вражеские зенитки молчали. Значит, в воздухе сейчас ночные истребители-перехватчики.

- Старшина, глядите в оба! - предупредил Тихонов стрелка-радиста.

И сам он, и штурман Лаконин озирались по сторонам, отыскивая глазами светящиеся фары "мессеров". Вон справа один, за ним еще. И над головой.

- Слева по борту ночник! - донесся голос старшины Коневцева.

Тихонов повернул голову: светлячок, выпустив узенький, как щупальце, луч, догонял ДБ-3ф. Неужели засек?

- Старшина, встретить как полагается,- передал Тихонов.

- Да уж получит фашист по первое число!

Надежды на то, что пулеметом можно сбить с курса немецкий истребитель, у Тихонова не было. Но если при этом еще применить резкий маневр, то вполне можно скрыться в темноте.

Раздалась пулеметная очередь,- это старшина открыл огонь. В ответ рядом с ДБ-3ф пронеслась раскаленная цепочка - трассирующие пули, выпущенные истребителем. Тихонов с разворотом повел машину вниз, огненные трассы прошли стороной.

- Как там, старшина?

- Потерял нас ночник, товарищ капитан,- ответил Коневцев.

Тихонов вывел машину в горизонтальный полет.

- Вениамин Иванович, сбил я вас с точного курса,- сказал он штурману.Давайте-ка поправку...

- Ничего, это мы мигом,- ответил Лаконин. Берлин притаился в ночи, не видно ни огонька.

- Подходим к цели,- предупредил Лаконин.

Тихонов уменьшил оборотил обоих двигателей, привычный гул сменился шипящим звуком. На земле едва ли будет слышен этот свист, а значит, и удар для гитлеровцев окажется неожиданным.

- Цель под нами! - Кройте ее на всю катушку, штурман!

Сработали пиропатроны. Первой пошла пятисотка. За ней вывалились сотки.

- Конец работе!

Тихонов начал разворот на обратный курс,

- Есть взрыв! - услышал он радостный голос стрелка-радиста.

Посмотрел вниз: огромное пламя охватило заводские постройки - это взорвалась ФАБ-500.

- Есть! Еще взрывы! - ликовал стрелок-радист.

Тихонову было уже не до них. Масло в левом моторе перегрелось, расход его увеличился, хватит ли на обратный маршрут? Он даже не обращал внимания на лучи прожекторов и шапки от разрывов зенитных снарядов, сопровождавших ДБ-3ф. Мысль о чрезмерном расходе масла тревожила его. Правда, можно лететь и на одном моторе, как пришлось майору Щелкунову, ведь бомбы сброшены, машина облегчена.

Еще больше расстроился Тихонов, когда увидел, что масло начало греться и в правом двигателе. Для него это означало временное прекращение полетов на Берлин, а может быть, придется лететь на Большую землю для замены двигателей.

Ну, а сейчас одна задача: дотянуть до аэродрома.

Из сообщения ТАСС:

"В ночь с 18 на 19 августа имел место налет советских самолетов на район Берлина. На военные и промышленные

объекты Берлина сброшены зажигательные и фугасные бомбы. В Берлине наблюдались пожары и взрывы.

Все наши самолеты вернулись на свои базы".

Неудачный эксперимент

Жаворонков тщательно анализировал все налеты на Берлин. Каждый летчик по возвращении в Кагул докладывал ему о своих наблюдениях, и теперь у него сложилась полная картина о зенитном и авиационном прикрытии столицы фашистской Германии. Сидя в штабной землянке, Жаворонков углубленно думал над оптимальными вариантами бомбометания. Требовалось более точно поражать военные и промышленные объекты, и в то же время из-за плотности зенитного огня летчикам трудно осуществлять прицельное сбрасывание. Безопасной в создавшихся условиях являлась высота 6000 метров.

От работы генерала отвлек вошедший радист.

- Вам радиограмма от наркома Военно-Морского Флота, товарищ генерал! Срочная!

Жаворонков прочитал радиограмму, болезненно сморщился. Нарком сообщал, что на Сааремаа вылетает представитель Ставки Верховного Главнокомандования В. К. Коккинаки.

Адмирал Кузнецов явно недоволен руководителем налетов на Берлин, а наркому, соответственно, выразил неудовольствие сам Верховный, который требовал применять 1000-килограммовые бомбы. Действительно, по своей конструкции ДБ-3 мог нести на внешней подвеске бомбу весом в 1000 килограммов, если на нем стояли новые моторы и аэродром имел взлетную полосу с твердым покрытием. А моторы на самолетах Преображенского и Щелкунова давно уже выработали все положенные по нормам ресурсы и поднимались они с грунтовой взлетной полосы, к тому же явно недостаточной по длине.

Жаворонков забеспокоился. Может быть, он и правда напрасно приказал летчикам авиагруппы брать на внешнюю подвеску лишь ФАБ-250 и ФАБ-500? Ведь несмотря на выработанные моторами ресурсы, дальние бомбардировщики свободно перекрывают расстояние почти в 1800 километров. А майор Щелкунов, у которого на подходе к Берлину отказал правый мотор, сумел все же отбомбиться и дотянул до аэродрома на одном моторе. Выходит, командующий военно-воздушными силами ВМФ подвел своего наркома?!

Жаворонков вызвал Преображенского.

- Читайте, Евгений Николаевич,- протянул он радиограмму.

По мере чтения губы полковника сжимались, лоб пересекли морщины.

- Да на некоторых машинах моторы греются уже с ФАБ-двести

пятьдесят! взволнованно произнес он.

- А на остальных?

- С одной ФАБ-пятьсот едва доходим до Берлина.

- И все же если тысячекилограммовую брать? - настаивал Жаворонков.

Преображенский развел руки в стороны, потом резко, со вздохом опустил ладони на колени.

- Товарищ генерал, дайте мне новую машину! Я возьму на внешнюю подвеску ФАБ-тысяча да еще все бомболюки заполню!

Жаворонков вяло улыбнулся.

- Ладно, вы меня убедили,- устало проговорил он.- А вот убедим ли мы представителя Ставки?

Коккинаки прилетел в тот же день на истребителе И-16. Жаворонков встретил его у подземного командного пункта.

- Теперь понятно, почему ваши бомбардировщики целехоньки, Семен Федорович! - восторженно произнес Коккинаки, пожимая руку Жаворонкову.- Великолепно вы замаскировали аэродром! Грешным делом, я подумал, что не сюда прилетел.

- Морские летчики на выдумку хитры, Владимир Константинович,- ответил Жаворонков.

Он пригласил московского гостя в землянку.

- Вы знаете цель моего прибытия? - спросил Коккинаки.

- Да. Я получил радиограмму от наркома.

- Так почему же до сих пор ваши летчики не берут на внешнюю подвеску ФАБ-тысяча? - поинтересовался Коккинаки.- Я жду вашего ответа, Семен Федорович.

- Лучше меня ответят те, кто летает на Берлин,- сказал Жаворонков.- А я, видите, с земли координирую полеты.

Коккинаки сухо засмеялся:

- Ну, ну, Семен Федорович! Вы здесь все решаете.

- Решаю я, действительно,- согласился Жаворонков.- А вот летают на Берлин летчики первого минно-торпедного полка.

Он вызвал своего адъютанта майора Бокова, попросил:

- Пригласите, пожалуйста, ко мне полковника Преображенского. Он где-то тут, рядом.

- Есть, товарищ генерал! - козырнул Боков и вышел.

Преображенский явился быстро (он уже, как и вся авиагруппа особого назначения, знал о прилете в Кагул представителя Ставки), поздоровался. С летчиком-испытателем Коккинаки они не были лично знакомы, хотя и знали друг о друге.

Коккинаки шагнул навстречу, дружески протянул Преображенскому руку.

- Поздравляю вас с присвоением высокого звания Героя

Советского Союза, товарищ полковник!

- Благодарю, Владимир Константинович.

- Весь советский народ восхищен вашими морскими летчиками! В такое тяжелое для нашей страны время вы бомбите столицу фашистской Германии - Берлин!

- Делаем все возможное, Владимир Константинович.

Коккинаки усмехнулся, предложил Преображенскому табуретку и, когда тот сел, не спеша заговорил, четко выговаривая каждое слово.

- Тут я с вами не согласен, дорогой полковник. И не только я... Если бы делали все возможное - вдвойне вам честь и хвала! - Он придвинул свою табуретку ближе к Преображенскому, наклонился к нему.- Давайте говорить напрямую, как специалист со специалистом, как летчик с летчиком.

- Я слушаю вас, Владимир Константинович,- Преображенский выдавил из себя сухую улыбку, заранее зная, о чем пойдет этот неприятный для него разговор.

- Один вопрос. Один-единственный,- начал Коккинаки.- Почему...- он повторил, но уже строже - Почему ваши прославленные морские летчики не берут на внешнюю подвеску ФАБ-тысяча? Ведь конструктивные особенности самолета Ил-четыре или ДБ-три позволяют брать на борт еще большую бомбовую нагрузку! И практикой это давно проверено.

Преображенский в знак согласия закивал головой.

- Все верно, Владимир Константинович. Все верно. Машина ДБ-3 хорошая, даже отличная! Спасибо ее конструктору Сергею Владимировичу Ильюшину. От нас, летчиков, спасибо. Но в наших, наших конкретных условиях с ФАБ-тысяча или двумя ФАБ-пятьсот она не потянет.

- Изношенность моторов, грунтовая взлетная полоса, дальность полета на потолке, погодные условия - знаю! - сказал Коккинаки.- Я подробнейшим образом изучил все отчеты командующего ВВС флота о налетах на Берлин.

Жаворонков, терпеливо следивший за разговором опытных летчиков, вспыхнул.

- В моих отчетах что-то сомнительное? - не сдержался он.

Коккинаки замотал головой.

- Что вы, что вы, товарищ генерал! Все верно, все точно, правильно. Но, дорогие товарищи, вы просто перестраховываете себя.

Преображенский резко поднялся с табуретки.

- Уж не хотите ли вы обвинить нас в трусости? - в упор спросил он.

- Никогда, полковник,- жестом руки Коккинаки предложил

Преображенскому снова сесть на табуретку.- Бомбить Берлин могут лишь отважные экипажи. А вот с перестраховкой... то я исходил из того, что вы же никогда и не пробовали взять на внешнюю подвеску ФАБ-тысяча. Одни эмоции, предположения, расчеты...

- Расчеты верны.

- Позвольте выразить сомнение,- не согласился Коккинаки.- Можете доказывать кому угодно, только не мне. Я эту машину знаю не хуже вас.

- Да кто спорит, Владимир Константинович?! - вмешался в разговор Жаворонков.- Вы, лично вы первым испытывали Ил-четыре, ставили на нем мировые рекорды по дальности полета и поднятию тяжестей. Знаем, все знаем. И гордимся вами, поверьте.

- Дали бы мне такой самолет, какой тогда был у вас, в спортивном варианте, новенький, я бы на Берлин взял ФАБ-тысяча на внешнюю подвеску и загрузил бомболюки десятью ФАБ-сто! - заверил Преображенский.- А наши машины серийные, потрепанные в боях, изношенные...

Слова Преображенского не понравились Коккинаки, задели его уязвленное самолюбие, на щеках у него даже выступили красные пятна.

- Вы что же, полковник, полагаете, что мой опыт... что я...

- Вовсе нет, уважаемый Владимир Константинович,- перебил Жаворонков, стараясь смягчить резкость высказываний командира полка.- Полковник Преображенский просто подчеркнул наши непростые условия, беспокоится за выполнение правительственного задания по ответной бомбардировке Берлина.

Преображенский спохватился, командующий ВВС флота осуждает его несдержанность в разговоре с представителем Ставки, виновато склонил голову.

- Вы, Владимир Константинович, как летчик должны нас понять...

- Я-то вас понимаю, хорошо понимаю, а вот вы меня нет! Не хотите понять,несколько успокоился Коккинаки.- Не по своей же воле я прилетел на остров Сааремаа. Меня направила Ставка...

- И это нам известно,- произнес Жаворонков.- Что же касается злополучных ФАБ-тысяча, то у меня есть предложение, Владимир Константинович.

- Какое предложение, Семен Федорович? - оживился Коккинаки.

- Поскольку ни я, как командующий ВВС флота, ни командир полка вас не переубедили, давайте послушаем, что скажут те, кто водит группы дальних бомбардировщиков на Берлин.

Коккинаки задумался над предложением генерала. В конце концов надо выслушать всех, а уж потом принимать решение.

- Хорошо, давайте говорить с командирами групп,- согласился он.

На встречу с представителем Ставки Верховного Главнокомандования генерал пригласил командиров морской и армейской авиагрупп Преображенского и Щелкунова, командиров эскадрилий Ефремова, Гречишникова, Плоткина и Тихонова, флагманских штурманов Хохлова, Малыгина и Лаконина, военкома Оганезова и старшего инженера Баранова. Представлять Коккинаки не требовалось, каждый отлично знал и летчика-испытателя и его рекорды на самолете ДБ-3.

17 июля 1936 года он поднялся на высоту 11 294 метра с грузом 500 килограммов, а через девять дней - на 11402 метра с грузом 1000 килограммов. 21 августа Коккинаки с тысячекилограммовым грузом взял высоту 12 101 метр, превысив все ранее имевшиеся достижения. Мировой рекорд был установлен 7 сентября этого же года, когда ему на ДБ-3 удалось с грузом в 2000 килограммов достигнуть 11 005 метров высоты.

Коккинаки принадлежали выдающиеся достижения и в дальности полета на ДБ-3. 26 августа 1937 года он пролетел 5000 километров с грузом 1000 килограммов по маршруту Москва - Севастополь - Свердловск - Москва с рекордной средней скоростью 325 километров в час. Вместе со штурманом Бряндинским 27 и 28 июня 1938 года Коккинаки совершил беспосадочный перелет из Москвы на Дальний Восток, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза. И, наконец, 29 апреля 1939 года Коккинаки и штурман Гордиенко на ДБ-3 без пересадки перелетели через Атлантический океан из Москвы в Соединенные Штаты Америки, продемонстрировав всему миру отличные летные качества советского самолета.

Высказались все летчики и штурманы, летавшие на Берлин. Мнение их было единым: брать ФАБ-1000 или две ФАБ-500 на имеющиеся самолеты нельзя. Материальная часть бомбардировщиков основательно изношена, моторы выработали свои ресурсы, мощность их упала, и поэтому нет никакой гарантии безопасности взлета бомбардировщика по грунтовой полосе с такой нагрузкой. К тому же летать на Берлин приходится на предельной высоте, отчего расход бензина очень большой. При увеличении нагрузки расход горючего еще более возрастет, и тогда его может не хватить на обратный путь.

Коккинаки слушал не перебивая, делал карандашом пометки в блокноте.

- Кроме состояния техники надо учитывать еще и состояние

экипажей, и в первую очередь пилотов,- сказал Оганезов.

Военком 1-го минно-торпедного полка заметил правильно, Жаворонков вполне был с ним согласен: люди устали, вымотались. Полет длится более семи часов, происходит он в сложных условиях: ночью, на высоте около 7000 метров, при кислородном голодании, в холоде, под воздействием у цели зенитной артиллерии и истребителей врага. Люди действовали на пределе своих физических и моральных сил, особенно над Берлином. Когда же ДБ-3 подходили к своему аэродрому, то напряжение спадало, летчики расслаблялись, внимание, так необходимое для точного расчета посадки, притуплялось, и некоторые платили за это жизнью. Так во время приземления взорвались бомбардировщики лейтенантов Александрова и Кравченко.

Доводы летчиков и штурманов все же до конца не убедили Коккинаки, хотя со многими выступлениями он, как летчик-испытатель, внутренне соглашался. Заключение его было коротким, ведь едва ли стоило представителю Ставки вступать в спор, решают ведь не экипажи, а командующий ВВС флота генерал-лейтенант авиации Жаворонков. Коккинаки поблагодарил присутствующих за откровенные выступления, сказав, что понимает трудности, возникшие у летного состава авиагруппы особого назначения, напомнил о необходимости наращивания ударов по Берлину, для чего следовало применять бомбы самого крупного калибра, и пожелал удачи экипажам в выполнении почетной и ответственной боевой задачи по ответной бомбардировке столицы фашистской Германии. Что касается ФАБ-1000, то он все же полагает вполне возможным брать ее на внешнюю подвеску. А окончательное решение они примут вместе с командующим ВВС флота.

Вернулся в землянку Коккинаки недовольный и расстроенный. Летчики и штурманы во главе со своим командиром словно сговорились, как огня боятся ФАБ-тысяча. Да и генерал Жаворонков их поддерживает. А у него задание, личное задание Верховного Главнокомандующего, который требует бомбить Берлин авиабомбами самого крупного калибра. Даже трудно представить, как отнесется к нему Сталин, когда он вернется в Москву ни с чем. Такого еще не бывало, чтобы желание Сталина кто-то не выполнил.

Преображенский хотел было остаться со своими летчиками, но Жаворонков попросил его пройти вместе с ним в землянку к Коккинаки. Ведь предстоял еще самый серьезный разговор с представителем Ставки, и мнение командира полка будет не последним. Насупившись, они оба сосредоточенно молчали,

понимая состояние явно рассерженного Коккинаки. Да и им было не легко, вопрос касался жизни и смерти вверенных боевых экипажей авиагруппы особого назначения.

Вошел с подносом адъютант командующего майор Боков, поставил на стол три стакана горячего крепкого чая, холодную закуску и молча вышел.

- Владимир Константинович, перекусим слегка,- предложил Жаворонков.

Коккинаки словно не расслышал приглашения генерала, мысленно он все еще спорил с выступавшими на совещании летчиками и штурманами, опровергал их доводы.

- Собственно, я заранее предвидел, что скажет мне ваш летный состав,подвел он итоги совещания.- Каков поп, таков и приход. Каков командир полка, таковы и его подчиненные.

- Я горжусь своими подчиненными! - стараясь говорить спокойнее, ответил Преображенский.- У нас в полку отлично подготовленные, опытные экипажи. Если бы везде были такие, мы не отступали бы от немцев!

Коккинаки плохо слушал, о чем говорил Преображенский, думая о своем.

- Товарищ полковник, а почему вы не выступили на совещании? - спросил он, искоса поглядывая на раскрасневшееся, воспаленное лицо Преображенского.

- Свое личное мнение я вам уже высказал, Владимир Константинович.

- Я думал, грешным делом, вы встанете и скажете, что первым полетите на Берлин с ФАБ-тысяча. Пример, так сказать, покажете. По существующему в армии и на флоте командирскому принципу: делай как я!

Преображенский прикусил нижнюю губу, сдерживая себя. И все же резко сказал, хотя Жаворонков взглядом и просил его промолчать:

- Своим долгом я считаю как можно дольше громить немцев, по крайней мере до тех пор, пока мы не очистим от них нашу землю. Моя же бессмысленная смерть от предлагаемого вами эксперимента долгожданный час победы не приблизит. Другое дело, гибель при выполнении боевого задания, над Берлином...

- Значит, боитесь?! - по-своему расценил Коккинаки ответ командира полка.

- Трусом никогда не был и не буду! - вспыхнул Преображенский.- Говорить совсем одно, а вот делать... Да-а! - вдруг осенила его дерзкая мысль.- А почему бы вам, уважаемый Владимир Константинович, как летчику-испытателю, самому опытному из нас и лучше всех знающему машину ДБ-три, не

показать нам, трусливым недоучкам, достойный подражания пример и первому не взлететь с ФАБ-тысяча?!

- Евгений Николаевич, да вы что? В своем уме? О чем говорите?! - перебил обескураженный неслыханной дерзостью командира полка явно растерявшийся Жаворонков. Но Преображенского уже невозможно было удержать, пока не выговорится.

- Нет, нет, я не за то, чтобы вы летели на Берлин,- продолжал, горячась, Преображенский.- Только взлетите с ФАБ-тысяча на внешней подвеске и сделайте круг над аэродромом. Всего один круг! Тогда и разговоров никаких не потребуется. Все экипажи последуют вашему примеру.

Жаворонков ожидал, что сейчас представитель Ставки накричит на несдержавшегося командира полка, и поделом, но Коккинаки был спокоен, даже нарочито флегматичен.

- Полковник, я сюда прилетел не учить вас летать, вы это сами делаете прекрасно, не хуже меня,- ровным голосом заговорил он.- Ставка меня послала к вам не за этим. Ставка требует громить Берлин авиабомбами самого крупного калибра! И мы с вами обязаны это указание... этот приказ выполнить. Понимаете? И выполним, я уверен.

- Тогда в чем сыр-бор? - удивленно спросил Преображенский.- Командующий отдаст приказ, и мы завтра же, все как один, возьмем на внешнюю подвеску по ФАБ-тысяча или по две ФАБ-пятьсет. А там трава не расти...

- Отдать приказ легко,- вздохнул Жаворонков.- Одним росчерком пера... А вот выполнить его как?

- Выполнять начнем беспрекословно, товарищ генерал. За это я ручаюсь,заверил Преображенский.- Только кто потом будет бомбить Берлин? Придется Ставке срочно перебрасывать на Сааремаа новую авиачасть.

Коккинаки встал, хотел пройтись по землянке, размять ноги, но, сделав два шага в маленьком помещении, снова опустился на табуретку.

- Так мы никогда не договоримся, товарищи! - с болью в голосе заговорил он.- А нам надо указание Ставки выполнить. Всем троим выполнить! Не могу же я возвратиться в Москву с пустыми руками. Мне же никто не поверит! Ну что, что я скажу товарищу Сталину? Ведь слова к делу не пришьешь. В общем-то, товарищ командующий ВВС флота и товарищ командир полка, у меня самые большие полномочия на этот счет, как представителя Ставки,- понизил он голос.- Хотя мне с самого начала хотелось, чтобы вы, Семен Федорович, и вы, полковник Преображенский, сами приняли это решение. Как летчик, верю, не просто для вас

решиться, но... но другого выхода не вижу...

В землянке наступила настороженная тишина, каждый еще и еще раз обдумывал сложившуюся ситуацию. Жаворонков и Преображенский понимали, что Коккинаки не уедет с аэродрома, пока не будет произведен хотя бы один эксперимент с ФАБ-1000, ведь ему в противном случае нельзя будет появляться в Ставке, показываться Сталину на глаза. А Верховный Главнокомандующий обязательно потребует от него обстоятельного доклада, он внимательно следит за ходом налетов на Берлин, заинтересован в них. Положение у представителя Ставки незавидное.

Первым нарушил затянувшееся молчание Жаворонков.

- Полагаю, товарищи, эксперимент с ФАБ-тысяча мы все же должны провести,положил он конец всем спорам.

- Правильно, Семен Федорович! - оживился Коккинаки.- Разумное решение! Хотя бы несколько машин послать на Берлин с ФАБ-тысяча, а там видно будет. Как, товарищ полковник? - обернулся он к насупившемуся Преображенскому.

- Раз надо экспериментировать, так надо,- ответил Преображенский. В душе он был против эксперимента с ФАБ-1000, но если предлагает теперь сам командующий ВВС флота, то его следует поддержать.

- Вот и договорились! Вот и хорошо! - повеселел Коккинаки. Он взглянул на стол, потер от предвкушения руки.- А сейчас горяченький чаек в самый раз!

- Остыл давно,- сказал Жаворонков.- Но мы быстренько заменим...

Не успел он вызвать адъютанта, как тот сам вошел с тремя стаканами горячего чая.

За чаем решили в порядке опыта ФАБ-1000 или две ФАБ-500 брать только на самолеты, моторы которых еще не выработали положенные ресурсы. На остальных, если увеличивать бомбовую нагрузку, то лишь за счет ФАБ-100 или ЗАБ-50.

До полуночи просидели в штабной землянке Жаворонков и Преображенский. Требовалось с особой тщательностью проанализировать варианты полета с максимальной бомбовой нагрузкой, на всякий случай наметить запасные цели, досконально проверить моторы, отобрать лучших летчиков, способных повести перегруженные ДБ-3 к Берлину. Самым сложным, на их взгляд, являлся взлет. Взлетная полоса без твердого покрытия, неровная и короткая для разбега с большой нагрузкой. Моторы будут сильно перегреваться. Важно, чтобы первая машина благополучно взяла старт, тогда остальные летчики будут увереннее подниматься в воздух.

Адъютант командующего майор Боков сидел в стороне, наблюдая за сосредоточенными лицами генерала и полковника. Время от времени он наполнял пустые стаканы крепким, горячим чаем, который с удовольствием пили Жаворонков и Преображенский.

- Пусть с утра Баранов лично займется отбором машин для тысячекилограммовых бомб,- сказал Жаворонков.

- Есть, товарищ генерал...

Зазвонил телефон. Боков снял трубку.

- Товарищ генерал, посты ВНОС сообщают: к Сааремаа летят вражеские самолеты,- доложил он.- По звуку - "юнкерсы".

- "Юнкерсы" - ночью?! - удивился Жаворонков.- Странно.

- Видно, Гитлер так накрутил хвост кому следует, что даже ночью теперь его летчики к нам пожаловали,- засмеялся Преображенский и посмотрел на часы: шел первый час ночи.

Вышли из душной землянки на улицу. Жаворонков увидел стоящего у двери Куйста.

- А вы почему не спите, Вольдемар?

- Еще успею выспаться, товарищ генерал,- ответил Куйст.

Жаворонков вспомнил, что Куйст приставлен к нему Павловским, вот он и ходит за ним как тень. Нет, Вольдемар не назойлив, он стремится не попадаться лишний раз на глаза. А сейчас, когда они с Преображенским неожиданно вышли из штабной землянки, он не успел юркнуть в темноту, и чувствовалось, переживал из-за этого.

Генералу понравился веселый, общительный, смелый эстонский парень. По рассказам Павловского, детство у Куйста было безрадостное, а юность тяжелая. С малых лет Вольдемару пришлось батрачить. Сначала он пас коров у богатых хозяев, потом, когда подрос, стал обрабатывать землю, а зимой ухаживать за скотом. Он рано научился читать и вечерами подолгу сидел над книгами. Особенно ему нравились стихи. Добрая половина его скудного заработка уходила на покупку книг да свечей, вторую половину он отдавал матери.

Впечатлительного юношу тянуло к поэзии, к музыке. Он неплохо пел эстонские народные песни, играл на гитаре и тайно стал писать стихи. Хозяева охотно брали к себе молодого батрака, умеющего не только хорошо работать, но и веселиться. Его часто стали приглашать на вечеринки и попойки. За это платили, и Вольдемар, скрепя сердце, пел и играл для веселившихся хозяев...

Многих хозяев сменил Вольдемар, все искал места получше, но потом убедился, что везде одинаково. С установлением Советской власти в Эстонии он ушел в Курессаре, где ему предложили работу в Народном доме. Там его приняли в

комсомол. Вольдемар стал обучать молодежь города песням. Первым в республике он перевел на эстонский язык полюбившуюся ему русскую "Катюшу".

Когда началась война, Вольдемар Куйст пошел добровольцем в эстонский истребительный отряд, где старший политрук Павловский предложил ему стать разведчиком. И не ошибся. Вольдемар, знающий местность и людей, как никто другой добывал необходимые сведения в тылу врага, на материке, что имело немаловажное значение для блокированного островного гарнизона.

- Боков,- повернулся Жаворонков к своему адъютанту,- угостите Вольдемара горячим флотским чайком.

- Есть,- ответил Боков.- Заходите, Вольдемар,- показал он на дверь.

Куйст замотал головой.

- Нет, нет! Я не хочу. Спасибо.

Боков понял: разве пойдет Вольдемар в землянку, когда генерал здесь, на улице?

До слуха донесся знакомый завывающий звук моторов Ю-88. Жаворонков огляделся. Непроглядная тьма окутывала аэродром, не видно ничего вокруг. Ни огонька. Кагул утопал в густой черноте ночи. Лишь иссиня-темное небо угадывалось по мерцающим россыпям звезд,

- Как же они бомбить нас собираются? Наугад, что ли?! - удивился он.

- Психический налет вроде,- высказал предположение Преображенский.- Думают воздействовать на наши нервы.

Неожиданно, вспоров темноту, справа взвилась красная ракета. Она рассыпалась над хутором, где стояли два дальних бомбардировщика. За ней взметнулись еще три ракеты, направленные точно на стоянки ДБ-3. Жаворонков вначале не мог сообразить, что происходит, потом догадался: вражеские лазутчики под покровом темноты пробрались к аэродрому и теперь ракетами наводят свои бомбардировщики на советские самолеты.

- Черт знает, что происходит! - выругался он.- Не так скоро поймаешь лазутчиков, "юнкерсы" успеют отбомбиться.

- А если и нам пускать ракеты, товарищ генерал? - услышал Жаворонков голос адъютанта.

Майор прав. В самом деле, надо попытаться. Дезориентировать вражеские бомбардировщики. Жаворонков всем корпусом развернулся к Бокову, приказал:

- Мигом к дежурному! Передать на все посты и зенитные батареи: включиться в "иллюминацию"!

Адъютант растворился в темноте, и вскоре вокруг аэродрома и в удалении от него заполыхали красными всполохами ракеты.

- Здорово придумано! - вырвалось у Преображенского.- Поди разбери, какие свои, а какие чужие.

Послышались глухие взрывы осколочных бомб. "Юнкерсы" решили освободиться от груза - не возвращаться же с ним на аэродром. Несколько бомб все же упали возле стоянок ДБ-3, правда, не причинив им вреда. Остальные бомбы разорвались в стороне от огневых позиций зенитных батарей: зенитчики особенно усердствовали в пуске ракет.

"Юнкерсы" еще довольно долго кружили над Кагулом. И Жаворонков лишь тогда с облегчением вздохнул, когда завывание их моторов стихло. На аэродроме наконец снова установилась тишина, пора бы и отдохнуть, ведь вечером предстоял налет на Берлин с ФАБ-1000 на внешней иодвеске.

Однако спать не пришлось. Донеслись короткие автоматные очереди -стреляли в западной части аэродрома, где стояли у хуторов четыре ДБ-3.

- Что такое? Почему стрельба?! - встрепенулся усталый Жаворонков.- Неужели фашисты выбросили десант?

Мысль о вражеском воздушном десанте встревожила его. Охрана у стоянок бомбардировщиков незначительная, едва ли она сможет отразить нападение немецких парашютистов.

Появился точно из-под земли начальник особого отдела Береговой обороны Балтийского района старший политрук Павловский. На двух машинах с добровольцами из эстонского истребительного отряда он только что приехал из Курессаре.

- Это кайтселиты стреляют,- пояснил Павловский.

- А кто такие эти кайтселиты? спросил подошедший Коккинаки.

- Местные националисты. Это они подавали ракетами сигнал немцам. Но мы сейчас их приведем в порядок...

- От кирхи начинайте прочесывать лес, товарищ старший политрук,- подсказал Куйст.

- Так и сделаем! - Павловский так же внезапно скрылся в темноте, как и появился.

- Оказывается, вам ни днем ни ночью не приходится скучать, Семен Федорович,- посочувствовал Коккинаки.

Редкая стрельба продолжалась всю ночь. Лишь утром отряду Павловского удалось загнать кайтселитов в лощину и вынудить сложить оружие.

Днем, в то время как инженеры, техники, мотористы и оружейники готовили ДБ-3 к вылету на Берлин, экипажи отдыхали, восстанавливая силы после бессонной ночи. Полет предстоял необычный, и потому летчики должны чувствовать себя особенно бодро.

Старший инженер Баранов после тщательного осмотра двигателей доложил, что только две машины могут взять на внешнюю подвеску ФАБ-1000 или по две ФАБ-500 - капитана Гречишникова и старшего лейтенанта Богачева из армейской авиагруппы. Двигатели остальных самолетов выработали положенные моторесурсы, поэтому посылать их с полной бомбовой нагрузкой слишком рискованно.

- А как в Асте у Щелкунова и Тихонова? - спросил Коккинаки.

- Там дела обстоят еще хуже,- ответил Баранов.- Из своей эскадрильи капитан Тихонов может послать сегодня лишь одну машину - старшего политрука Павлова. А из группы Щелкунова пойдут два экипажа: сам майор и только что прилетевший после замены моторов на его самолете капитан Юспин.

Коккинаки стало не по себе от доклада старшего инженера. Но не верить ему было нельзя, он непосредственно отвечает за подготовку машин к полету.

- Ладно, для начала пусть идут эти самолеты,- согласился он.

Тысячекилограммовую бомбу подвесили на ДБ-3 капитана Гречишникова, а две пятисотки дали на ДБ-3 старшего лейтенанта Богачева. Поскольку Богачев впервые летел на Берлин, Преображенский решил послать с ним опытного штурмана из морской авиагруппы. Выбор пал на лейтенанта Шевченко, хорошо изучившего маршрут. Жаворонков согласился.

Вылет назначался за полтора часа до темноты.

Жаворонков и Коккинаки направились на старт, где уже распоряжался капитан Комаров. В воздух поднялись "чайки", прикрывая ДБ-3 от возможного нападения немецких истребителей.

Первым, как и было решено, взлетал Гречишников.

Капитан Гречишников спокойно воспринял решение командующего ВВС флота послать на Берлин его дальний бомбардировщик с ФАБ-1000 на внешней подвеске. Он понимал, что опасность их экипаж подстерегает большая, начиная со взлета. Сам он, как и все остальные его товарищи, на совещании с представителем Ставки выступил против полетов с тысячекилограммовой авиабомбой. Но приказ есть приказ. Кому-то надо попробовать первым. Если уж командир полка полковник Преображенский, которому он беспредельно верил, дал согласие на эксперимент, то дело далеко не безнадежно. Действительно, а почему бы не летать на Берлин с ФАБ-1000? Ведь пока они в авиагруппе особого назначения верили лишь расчетам, а вот практика может все изменить.

В отличие от летчика штурман старший лейтенант Власов откровенно нервничал. Сам, добровольно, он никогда бы не полетел на Берлин с таким страшилищем на борту, как ФАБ-1000, риск считал неоправданным и про себя нещадно ругал тех, кто посылал их экипажи на эксперимент, особенно представителя Ставки Коккинаки.

- Повезло нам сегодня, Василий Алексеевич,- с обидой в голосе пожаловался он. - Как утопленникам...

- Не накликай беду,- усмехнулся Гречишников, понимая состояние штурмана.Плохая примета...

- Чего ее накликать, эту самую беду? Вон она под фюзеляжем висит,- показал Власов на сигарообразную ФАБ-1000, уже подвешенную оружейниками на внешней подвеске.

Гречишников рассмеялся, похлопал штурмана по плечу.

- Не падай духом, Александр Иванович!

- А падай брюхом,- выдавил из себя подобие улыбки Власов.- Если такое брюшко лопнет,- он снова показал на бомбу, хотел что-то добавить, но потом безнадежно махнул рукой.

- Как говорится, бог не выдаст, свинья - не съест,- успокоил Гречишников штурмана.- Где наша не пропадала! Ведь не из таких передряг мы выбирались, Александр Иванович!..

Тяжело груженный ДБ-3 подрулил к началу старта. Разбег машины будет удлинен, и потому взлетную полосу следовало использовать максимально. Время идти на взлет, вон уже и капитан Комаров размахивает сигнальными флажками. Рядом с ним генерал Жаворонков, представитель Ставки Коккинаки, военком Оганезов, военинженер 2 ранга Баранов. Все они внимательно следят за бомбардировщиком капитана Гречишникова.

- Штурман, готов? - спросил Гречишников.

- Готов, - вяло ответил Власов.- Ко всему готов...

- Ну-ну, выше нос!

- И так держу высоко. Выше некуда...

- Стрелок-радист?

- На пять баллов, товарищ капитан! - отозвался сержант Семенков.

- Воздушный стрелок?

- Все в порядке, товарищ капитан! -ответил краснофлотец Бурков.

- Тогда, как говорится, с Богом. На Берлин! - приободрил экипаж Гречишников.

Он опробовал моторы, дав полный газ. Над предвечерним Кагулом разнесся их мощный рев. Убедился, работают устойчиво, можно взлетать. Открыл правый фонарь кабины, высунул руку: готов! Увидел, как генерал Жаворонков одобрительно кивнул ему и приложил руку к козырьку фуражки. Коккинаки напряженно наблюдал за происходящим.

Гречишников отпустил тормоза, дал газ. Бомбардировщик вздрогнул и, словно нехотя, тяжело тронулся с места. Теперь только за считанные секунды набрать предельную скорость, оторвать от земли самолет до окончания взлетной полосы. Главное, подняться в воздух, а там станет легче. Если уж до Берлина с ФАБ-1000 не дотянуть, тогда сбросить ее хоть на запасную цель.

Гречишников выжал газ до отказа. Моторы заревели С душераздирающим надрывом, самолет ускорил бег по серой грунтовой полосе, но никак все еще не мог оторваться от нее. Летчик снова и снова давил на педаль газа, моторы перешли на зловещий вой; уже позади половина взлетной полосы, а шасси

словно приросло к земле. "Тяни, тяни, тяни!" - просил, требовал, умолял Гречишников, чувствуя, как от перенапряжения лицо покрылось крупными каплями пота. Позади осталось две трети взлетной полосы, моторы работали на полную мощь, а бомбардировщик, всегда послушный воле летчика, не подчинялся больше ему, не взлетал, продолжал катиться к стремительно приближающейся кромке леса. "Все, не вытянет, прекратить взлет",- пронеслось в голове Гречишникова. Но уже поздно тормозить, взлетная полоса кончается, ДБ-3 врежется в деревья и взорвется. Только вперед, есть еще надежда, хоть и минимальная...

Бомбардировщик, наконец, подпрыгнул и повис в воздухе, еле-еле набирая высоту. У Гречишникова, да и у всего экипажа, вырвался вздох облегчения: начинался долгожданный взлет, вымотавший все нервы. Но что такое? ДБ-3, уже перевалившего через изгороди и кусты, тянет вниз, ревущие на разнос моторы не в силах поднять его ввысь. Гречишникова бросило в холод, точно к груди приложили большой кусок льда. Всем сердцем почувствовал, физически ощутил, что не подняться выше им с таким тяжелым грузом на борту, не вытянут моторы. Сейчас бомбардировщик рухнет вниз, и ФАБ-1000 взорвется...

- Штурман! - закричал Гречишников.- Сбрось ее, окаянную!

ДБ-3 уже заваливало носом, он не слушался штурвала. Мелькали кочки, кусты. И вдруг самолет резко подбросило, толкнуло вперед. Догадался, штурман успел-таки освободиться от авиабомбы, ухитрился сбросить ее на такой маленькой высоте. Молодец да и только! Сейчас, сейчас рванет сзади авиабомба, подальше бы, подальше от нее...

Удержать бомбардировщик у Гречишникова не было сил. Самолет стукнулся о землю, у него оторвало шасси, на фюзеляже он прополз по траве метров пятьдесят, круто развернулся на правое крыло и загорелся. Гречишников резким движением открыл левый фонарь, отстегнул мешавший парашют и боком вывалился на плоскость, скатился на траву. Рядом с ним упали штурман Власов и стрелок-радист сержант Семенков. Вскочив, они бросились от горящего самолета в сторону и ничком упали в спасительную траву: с секунды на секунду полные баки с бензином взорвутся и разнесут бомбардировщик на куски. Если ФАБ-1000 чудом не взорвалась, то около трех тонн бензина в баках сделают свое черное дело...

Сердце у каждого билось учащенно, вот-вот громыхнет над головой. Но что за напасть? Крик, человеческий крик:

- Помогите! Спасите! Спасите!..

Летчик, штурман, стрелок-радист оторвались от земли разом,

как по команде кинулись к горящему самолету. В спешке они забыли воздушного стрелка краснофлотца Буркова, думая, что тот тоже выскочил из кабины и убежал в противоположную сторону. А он, оказывается, в объятом пламенем самолете. Не отдавая себе отчета и не думая об опасности - языки пламени вот-вот коснутся бензина в баках и взорвут бомбардировщик - все трое подбежали к хвостовой кабине воздушного стрелка, кулаками разбили целлулоид и вытащили придавленного сорванным с тумбы зенитным пулеметом задыхавшегося Буркова.

Мощный взрыв громыхнул, когда все четверо уже распластались в траве на безопасном расстоянии от места катастрофы.

- Дважды повезло нам, друзья,- первым поднялся с травы Гречишников.

- Я же до взлета еще говорил, что повезет как утопленникам! - с горечью произнес Власов.

- Но почему ФАБ-тысяча не взорвалась? - удивился сержант Семенков.Действительно, везучие мы...

- Да, везучие! - со злостью ответил Власов.- Если бы я не успел на этом страшилище законтрить взрыватели...

Гречишников крепко сжал руку штурману, поблагодарил его за спасение.

Со стороны аэродрома показалась черная эмка. Она подкатила к горящему свечой бомбардировщику, из нее вышли Жаворонков и Оганезов. При виде стоящих кучкой всех членов экипажа, живых и невредимых, генерал вначале не поверил своим глазам, потом подбежал к Гречишникову, заключил его в объятия. Обнял Жаворонков и штурмана, стрелка-радиста и воздушного стрелка.

- Живы, живы, соколы мои дорогие! Живы, чертяки милые! - радостно повторял он. По его щекам текли слезы.

Следом подкатила санитарная машина с военврачом 3 ранга Баландиным. К его удивлению, кроме кровяных ссадин на руках, у экипажа ранений не было, даже легких.

Предстоял взлет очередных бомбардировщиков, идущих на Берлин, и Жаворонков заторопился на старт. С собой в эмку он прихватил и капитана Гречишникова; остальных членов экипажа поместили в санитарной машине.

С аэродрома в Асте ДБ-3ф старшего лейтенанта Богачева с двумя ФАБ-500 на внешней подвеске взлетал почти одновременно с дальним бомбардировщиком капитана Гречишникова в Кагуле. Майор Щелкунов и капитан Тихонов были благодарны полковнику Преображенскому, пославшему в экспериментальный полет из морской авиагруппы опытного штурмана лейтенанта

Шевченко, уже трижды слетавшего в Берлин. А Богачев летит первый раз, да еще с таким тяжелым грузом авиабомб на борту, он смело может довериться новому штурману, изучившему маршрут до столицы фашистской Германии.

Щелкунов и Тихонов на совещании с представителем Ставки Коккинаки тоже выступали против эксперимента, хотя дальние бомбардировщики их армейской авиагруппы были несколько мощнее, имели дополнительный форсаж. Ведь все зависело от изношенности моторов и состояния взлетной полосы. Конечно, большое значение имело и мастерство летчика. Старший лейтенант Богачев как летчик был подготовлен хорошо, имел вполне достаточный опыт, на его счету уже более десяти боевых вылетов на бомбардировку тыловых военных объектов Германии, в том числе и Кенигсберга. Лучше бы самому майору Щелкунову принять участие в эксперименте с двумя ФАБ-500, но моторы его флагманского ДБ-3ф оказались более изношенными, чем на дальнем бомбардировщике старшего лейтенанта Богачева.

Перед взлетом Щелкунов и Тихонов долго беседовали с Богачевым, говорили об особенности подъема самолета с тяжелым грузом авиабомб на борту с грунтовой, размягченной прошедшим дождем взлетной полосы, сравнительно короткой по длине. Главное, не "рыскать" по сторонам, удерживать машину строго по прямой линии, ибо любое отклонение в стороны, хоть на метр, резко скажется на разбеге, и полосы может не хватить. Богачев молча слушал затянувшееся наставление более опытных пилотов, он сам давно уже определил, как станет взлетать, был уверен в успехе и не скрывал этого. Ведь он давно не новичок, побывал в нескольких воздушных боях, успешно летал бомбить объекты противника, в том числе и с двумя ФАБ-500 на внешней подвеске. Удовлетворяла его и замена своего, только что окончившего авиационное училище, молодого штурмана на лейтенанта Шевченко, трижды водившего бомбардировщик на Берлин. Только почему-то слишком хмур и мрачен моряк-лейтенант, неужели опасается чего-то, не верит армейскому пилоту - есть у морских летчиков некоторое высокомерие,- или просто по натуре он такой неразговорчивый, малообщительный. Ничего, после налета на Берлин они подружатся, когда узнают друг друга в настоящем деле.

Щелкунову и Тихонову нравилась уверенность Богачева. Они знали, старшему лейтенанту даже льстило, что именно ему доверил провести эксперимент в армейской авиагруппе особого назначения сам представитель Ставки, один из известнейших летчиков-испытателей в стране, его кумир Владимир Константинович Коккинаки. И все же Щелкунов и Тихонов

волновались за исход эксперимента, понимая, какая ответственность ложится на Богачева и какая опасность подстерегает его экипаж с новым штурманом из морской авиагруппы.

И вот старт. Богачев привычно опробовал моторы, открыл фонарь кабины, высунул на всю длину руку, показывая, что готов к взлету. Помахал на прощание провожавшим его майору и капитану, закрыл фонарь.

Разбег ДБ-3ф начал как и обычно, с каждой секундой увеличивая скорость. Щелкунов и Тихонов, затаив дыхание, внимательно наблюдали за быстро удаляющимся самолетом. Каждый из них поменялся бы местами сейчас в кабине бомбардировщика. Нет, не "рыскал" по сторонам Богачев, точно выдерживал направление, молодец старший лейтенант. Уже должен начать отрываться от земли его самолет, но шасси, казалось, прилипло к взлетной полосе. "Давай отрывайся от полосы, давай, давай!" - мысленно подсказывал летчику Щелкунов. Но бомбардировщик все катил и катил навстречу темной стене леса, не поднимаясь ввысь. Кончается же взлетная полоса, тормозить надо, тормозить... На какое-то мгновение майор закрыл глаза и услышал страшный грохот, потрясший округу. В небо взметнулся огромный султан огня, земли и дыма.

Тихонов подбежал к стоящей поодаль полуторке, вскочил в кабину.

- Давай быстро туда! - показал он на место катастрофы.

Полуторка рванула с места и понеслась по взлетной полосе, подъехала к месту взрыва. Страшная, удручающая картина предстала глазам обескураженного Тихонова. Глубокая воронка от взрыва двух ФАБ-500, разбросанные вокруг на десятки метров горящие обломки бомбардировщика и среди них на обсыпанной землей траве оторванная окровавленная голова старшего лейтенанта Богачева, изувеченные до неузнаваемости трупы штурмана лейтенанта Шевченко, стрелка-радиста и воздушного стрелка...

Вернулся Тихонов на старт постаревшим, злым. Он тяжело дышал открытым ртом, не в состоянии сразу же воспроизвести увиденную зловещую картину катастрофы с бессмысленной гибелью всего экипажа. Щелкунов и не расспрашивал его, понятно было каждому, что две ФАБ-500, начиненные мощной взрывчаткой, разнесли все на куски. Ему, как командиру армейской авиагруппы особого назначения, надлежало немедленно самому доложить о катастрофе командующему ВВС флота генералу Жаворонкову. Дозвонился по полевому телефону сравнительно быстро. Тревожный голос генерала послышался в

трубке:

- Как, как там у вас? Как?..

- Скверно, товарищ генерал. Очень скверно. Машина старшего лейтенанта Богачева так и не смогла взлететь, врезалась в препятствие,- доложил Щелкунов.- Весь экипаж погиб...

На противоположном конце провода долго молчали, слышно было лишь тяжелое дыхание.

- А как у вас в Кагуле, товарищ генерал? - напомнил о себе Щелкунов.- Как капитан Гречишников?

- Тоже не взлетел... Тоже катастрофа...

- Погибли все?

- Нет, не погибли. К счастью, экипаж остался жив. Сгорела лишь машина. Просто повезло капитану Гречишникову. Не как старшему лейтенанту Богачеву...

Гибель экипажа тяжело переживал весь личный состав армейской и морской авиагрупп особого назначения. Эксперимент оказался неудачным, как и предсказывали летчики и штурманы на совещании с представителем Ставки.

На Берлин в этот вечер пошли дальние бомбардировщики с обычной подвеской авиабомб.

Седьмой налет на Берлин

Ничто так угнетающе не действует на летчика, как нелепая гибель боевых друзей. Когда летчик гибнет в бою, это понятно - там решается судьба: кто кого? А потери на своем родном аэродроме воспринимаются особенно тяжело.

Капитан Плоткин весь полет до Берлина был под впечатлением случившегося на аэродроме. Он еще с утра почувствовал легкое недомогание, однако врачу при медосмотре об этом не сказал. Его самолет был готов к вылету, и он не мог и думать о том, что кто-то другой поведет его машину. Кружилась голова, ему было жарко, хотя в кабине 32 градуса ниже нуля. Мешала кислородная маска, так и хотелось ее сбросить с горячего лица. Но нельзя, задохнешься, высота более 6000 метров, а опуститься ниже невозможно - над морем кучевые облака. Самое разумное было бы вернуться в Кагул, предварительно сбросив бомбовый груз на запасную цель. Но что подумают о нем друзья? Нет, надо обязательно достичь Берлина, а на обратном пути можно будет передать управление штурману лейтенанту Рысенко, самому же немного отдохнуть.

Полчаса полета в огне от Штеттина до Берлина требовали от летчиков предельного напряжения. Тут не зевай, иначе собьют. Помнил это и Плоткин. Голова кружиться перестала, хотя по-прежнему было жарко. Все внимание - на приборы. Нервы натянуты, как струны: в любой момент может встретиться

немецкий истребитель, и надо маневром мгновенно уйти от его щупалец-фар.

- Под нами Берлин! - доложил Рысенко.

Кольцо огня позади, над городом зенитки не стреляли. Рыскали одни истребители-перехватчики, но во тьме им было очень трудно уловить советские бомбардировщики.

Напряжение спало. И странно, вновь закружилась голова, перед глазами завертелись многочисленные стрелки на приборной доске, слились деления на картушкё компаса. Не хватало воздуха, под маской пот покрыл все лицо. Ох как хотелось сбросить ее, набрать полные легкие воздуха!

Рысенко ввел поправку в боевой курс. Его голос показался Плоткину далеким и чужим. И все же он инстинктивно сделал доворот вправо, хотя уже и не различал деления на компасе.

- Цель! - громко сказал штурман.

"Дошли все же",- с облегчением подумал Плоткин, начав разворот на обратный курс. Дальше он ничего не помнил, словно провалился в глубокую яму...

Рысенко вначале не понял, почему вдруг ДБ-3, переваливаясь с крыла на крыло, стал беспорядочно падать на затемненный город. Ясно, что машина потеряла управление. Но отчего? Зенитки не стреляли, ночных истребителей рядом нет.

- Командир, командир, мы же падаем! - закричал он в микрофон. Ответа не было.

- Командир, что с вами? Вы живы?! Команди-и-ир!

Ответа нет. А самолет падал, моторы работали приглушенно, на малых оборотах. Вот-вот машина могла войти в штопор, и тогда конец, ее не вывести.

- Командир! - еще раз крикнул Рысенко, предполагая, что Плоткин, видимо, убит. Надо брать управление на себя. Лейтенант схватился за штурвал, пытаясь вывести самолет из падения. Безуспешно. Он все быстрее и быстрее устремлялся к земле. Рысенко выбивался из сил, но самолет его не слушался. Стрелка высотомера скатилась к цифре 4500. Они уже снизились почти на два километра!

...Очнулся Плоткин от тупого удара в голову. Вмиг сообразил, что он после сброса бомб потерял сознание и неуправляемый самолет стал падать на землю.

Надо немедленно вывести машину из падения. Он сбросил кислородную маску, схватился за штурвал. Скорость! В ней спасение. Полный газ. Двигатели взревели, заработали нормально. Хорошо, что ни один из них не успел заглохнуть. Высота 3000 метров. Где-то рядом аэростаты заграждения. Не напороться бы на них.

Падение прекратилось, самолет вновь стал послушен рукам опытного пилота, машина перешла в горизонтальный полет. Теперь следует поскорее набрать высоту, чтобы выйти из зоны аэростатов заграждения.

- Штурман, курс на Кагул! - запросил Плоткин.

- Командир, вы живы?! - удивился обрадованный Рысенко.- А я... я подумал...

Весь обратный полет по маршруту болезненное состояние не покидало Плоткина. Усилием воли он держался, понимая, что от него зависят жизни членов экипажа.

Берлин встретил дальний бомбардировщик капитана Гречишникова ставшей уже привычной, бешеной пляской разноцветных огней. Лучи-кинжалы прожекторов пронзали темноту, расплывчатыми желто-голубыми пятнами упирались в ночное небо, беспрестанно раскачивались из стороны в сторону, перекрещивались, отыскивая советские самолеты. Впереди по курсу, сзади, с боков часто вспыхивали и тут же гасли серые с розоватым оттенком шапки разрывов зенитных снарядов. Далеко внизу, в черноте, мелькали россыпи точек-светлячков от стрелявших зенитных орудий. Противовоздушная оборона делала очередную отчаянную попытку сорвать налет советских бомбардировщиков на Берлин.

Гречишникова не пугал огневой заслон немецких зенитчиков, выставленный перед своей столицей. Как бы ни бесновались фашисты, что бы ни предпринимали, он все равно доведет бомбардировщик до намеченной цели и сбросит фугасные и зажигательные авиационные бомбы на ненавистный ему город. Да, он ненавидел фашистов всей душой, сердцем, всеми частичками своего тела, ненавидел и мстил за поруганную землю и пролитую кровь невинных людей, мстил за мать, растерзанную гитлеровцами в его родном городе Николаеве, жестоко мстил за жену Ксению, сына-малютку Толика, двухгодовалую дочь Валюшу, оставленных перед самой войной в белорусском селе Петриково. Ксению, любимую и нежную Ксюшу, как жену советского летчика, офицера, коммуниста, фашисты уже пытали на глазах у односельчан. Выдержит ли она выпавшие на ее долю жестокие истязания? Что тогда станет с его детьми Толиком и Валюшей? Налеты на Берлин тяжелы, изнурительны и опасны, но он готов был летать каждый день. В этом видел смысл всей своей дальнейшей жизни. И когда его экипаж постигла неудача - бомбардировщик с ФАБ-1000 на внешней подвеске потерпел катастрофу при взлете - огорчению и досаде не было предела. Ведь он не мог больше бомбить Берлин, оставался без дела и, видимо, теперь надолго. От обиды и беспомощности готов был

бежать хоть на край света, лишь бы не видеть уходившие на очередное задание грозные машины боевых друзей. Как хотелось летать рядом с ними! Все бы, казалось, отдал для того, чтобы сегодня нанести удар по Берлину.

Помог случай. Военврач 3 ранга Баландин попросил генерала Жаворонкова последнюю машину на Берлин не выпускать: у летчика неожиданно резко упало давление, видимо, от перенапряжения. В длительном полете он может потерять сознание, и тогда неизвестно чем все закончится.

Генерал вынужден был выполнить заключение врача. В седьмой налет на Берлин не пойдет и третья машина, значит, мощь удара по столице фашистской Германии резко снизится. Вот тут-то Гречишников и попросил, даже потребовал, чтобы ему дали оставшийся без летчика самолет и он доведет его до цели. Жаворонков вначале и слушать не хотел капитана. Шутка ли сказать, только что чудом остался жив при катастрофе, едва ли еще пришел в себя от потрясений и в таком состоянии посылать на Берлин? Гречишников настаивал категорично, уверял генерала, что справится с заданием, отбомбит Берлин и в целости и сохранности вернет ДБ-3 его прежнему пилоту. Именно сегодня, в день свадьбы с Ксенией, он обязан быть над Берлином!

Настойчивую просьбу Гречишникова, к удивлению генерала, поддержал военком полка Оганезов. Батальонный комиссар прекрасно знал данную капитаном клятву мстить фашистам за смерть матери и истязания жены и детей. Жаворонков, скрепя сердце, все же согласился с доводами Оганезова, разрешил Гречишникову лететь на Берлин, предложив заменить и весь экипаж. Гречишников согласился на замену экипажа. Пусть штурман его сгоревшего самолета старший лейтенант Власов, стрелок-радист сержант Земенков и в особенности воздушный стрелок краснофлотец Бурков отдохнут. Ему сподручно идти на задание с новым экипажем, ведь все они уже не раз ходили на Берлин, быстро поймут друг друга.

И вот теперь Гречишников на бомбардировщике боевого товарища с новым экипажем над Берлином...

- Командир, подходим к цели! - доложил штурман.

- Спасибо, штурман,- поблагодарил Гречишников.- Мне с вами приятно работать.

Сегодняшняя цель - Силезский вокзал со стоящими на путях железнодорожными составами, подготовленными для отправки на восточный фронт.

- Боевой! Так держать! - передал штурман.

Сейчас, сейчас наступит долгожданный момент мщения. С какой радостью и удовлетворением Гречишников пошлет свои

бомбы на ненавистный ему фашистский город!

- Есть цель!

Гречишников ощутил знакомый толчок - облегченный самолет подскочил вверх. Фугасные и зажигательные авиабомбы полетели на затемненные железнодорожные пути. Спекшиеся, сухие губы летчика шептали:

- За Николаев! За убитую маму... За Петриково! За истерзанную Ксюшу... За мучения Толика и Валюши...

Напряженно вглядывался в контуры чужого, враждебного города. Вон, вон оранжевые точки от взрывов бомб! Все пять ФАБ-100 и шесть ЗАБ-50 легли кучно.

- Командир, на обратный курс,- подсказал штурман.

Гречишников начал разворот, но на обратный курс, к удивлению штурмана, не лег, а повел бомбардировщик со снижением по кругу над Берлином, почему-то увеличив газ. Один круг, второй, третий... Моторы гудят на полную мощь. Штурман не понял рискованный маневр летчика. Надо поскорее уходить к Балтийскому морю, а он кружит и кружит над городом, да еще дал полные обороты моторам.

- Командир, в чем дело? - забеспокоился он.

- Порядок, штурман! Немножко попугаем фашистов ревом наших моторов. Пусть подрожат от страха, сволочи! - объяснил Гречишников экипажу свои действия.

Штурман рассмеялся, в таком психическом воздействии на немцев ему еще не доводилось принимать участия.

Последний, четвертый круг над горящим Берлином, и дальний бомбардировщик лег на обратный курс.

Сообщение газеты "Правда":

"В ночь с 20 на 21 августа имел место налет советских самолетов на район Берлина. На военные и промышленные объекты Берлина сброшены зажигательные и фугасные бомбы. В Берлине наблюдались пожары и взрывы.

Все наши самолеты вернулись на свои базы"

Сообщение ТАСС:

"Нью-Йорк. 21 августа (ТАСС).

По сообщению лиссабонского корреспондента агентства "Оверсис Ныо", один нейтральный наблюдатель, прибывший из Берлина, передает, что воздушные налеты советской и английской авиации на германскую столицу становятся все более эффективными.

В результате прямого попадания бомб сильно поврежден Штеттинский вокзал в северной части Берлина и железнодорожная станция Вицлебен в западной части Берлина. Это серьезно дезорганизовало железнодорожное движение

Особенно сильные взрывы были на станции Вицлебен. Разрушены здания, отстоявшие от станции на несколько кварталов. Сильной бомбардировке подверглись промышленные районы Берлина, расположенные в западной части города, главным образом Шпандау и Лихтерфельде. В районе Берлина разрушено или повреждено большое количество заводов. Во время последних двух налетов на Берлин сигнал воздушной тревоги был дан уже после того, как бомбы были сброшены на город..."

Вызов в Ставку

Жаворонков шифровкой доложил наркому Военно-Морского Флота о неудачном эксперименте с ФАБ-1000. На другой день Кузнецов вызвал его вместе с Коккинаки в Москву для доклада о ходе выполнения операции по ответной бомбардировке Берлина непосредственно Верховному Главнокомандующему.

Жаворонков поехал в Куресаре к генералу Елисееву.

- Вот, вызывают на доклад,- сказал он.- Приехал с вами проститься, Алексей Борисович.

Елисеев подавил вздох, видно было, что ему совсем не хочется расставаться с Жаворонковым.

- Едва ли еще встретимся, Семен Федорович,- растягивая слова, проговорил он.

- Да я через три дня вернусь!

Елисеев отрицательно покачал головой.

- Обстановка под Таллинном меняется не по дням, а по часам. Неизвестно, что будет через три дня...

Действительно, на таллиннском участке фронта горячо. Немецкие дивизии ежедневно штурмуют главную базу Краснознаменного Балтийского флота. Части 10-го стрелкового корпуса и морской пехоты с трудом отбивают беспрестанные атаки. Елисеев прав, обстановка меняется по часам...

- Что передать наркому, Алексей Борисович? - спросил Жаворонков.

Елисеев провел пальцами по клинышку бородки, задумался.

- Что передать, да еще самому наркому? - повторил он озабоченно,- Да, собственно, ничего. Помощи мы не ждем, хотя она нам нужна позарез. Знаем,- не дадут. Немцы под Ленинградом... Скажите при случае, что моонзундцы будут стоять на островах до последней капли крови. Мы скуем по возможности побольше сил гитлеровцев: пехотные соединения, артиллерию, авиацию и военно-морской флот. Это и будет нашей помощью Ленинграду...

Жаворонков оставлял за себя полковника Преображенского и просил Елисеева информировать его о всех изменениях обстановки на таллиннском участке фронта и на островах.

- Конечно, конечно, Семен Федорович! - заверил Елисеев.- Обеспечение налетов на Берлин морских летчиков наша главная задача.

Прощаясь, генералы обнялись, как старые, верные боевые друзья. Каждый из них сознавал, что эта встреча могла быть и последней.

В эмке Жаворонкова терпеливо ждали майор Боков и неотлучно находившийся с ним Вольдемар Куйст.

- Быстро в Кагул,- приказал шоферу генерал, усаживаясь на переднее сиденье.

Машина выскочила из узеньких, извилистых улочек Курессаре и по накатанной гравийной дороге понеслась в Кагул.

- Вольдемар, вам не доводилось бывать в Москве? - спросил Жаворонков молчавшего Куйста.

- Не приходилось, к сожалению.

- Знаете что, после войны приезжайте-ка ко мне, а? В гости! Посмотрите на Москву.

- Это моя мечта, товарищ генерал! - воскликнул Куйст.- Увидеть Москву... Своими глазами...

- Вот и договорились...

До Беззаботного Жаворонков летел на самолете капитана Тихонова. Командующий военно-воздушными силами КБФ генерал-майор авиации Самохин прислал ему для сопровождения одного из лучших летчиков-истребителей Героя Советского Союза капитана Бринько. Жаворонков прекрасно знал прославленного балтийского аса, на боевом счету которого числилось уже более дюжины сбитых гитлеровских бомбардировщиков и истребителей. Он еще в первые недели войны поддержал представление вице-адмирала Трибуца к высшей награде бесстрашного летчика, и 14 июля Указом Президиума Верховного Совета СССР капитану Бринько было присвоено звание Героя Советского Союза. Лететь под прикрытием двух истребителей И-16, ведомых лучшими летчиками страны Героями Советского Союза Коккинаки и Бринько, было неопасно: они смело могли отбить атаки превосходящих по численности истребителей противника. Намечалось промежуточную посадку для дозаправки горючим произвести на таллиннском аэродроме. В Кагуле и Асте уже начал ощущаться недостаток авиационного бензина, и потому самолеты, следующие на Большую землю, дозаправлялись в главной базе флота.

Жаворонков по-отцовски простился с провожавшими его летчиками. Хотя он и заверял, что скоро вернется на Сааремаа, но в это мало кто верил. Командующему военно-воздушными силами Военно-Морского Флота в критические для Родины дни

предстояло решать более важные стратегические задачи.

Перед отлетом Коккинаки подошел к Преображенскому, провожавшему командующего ВВС флота.

- Вы оказались совершенно правы, Евгений Николаевич,- произнес он.- Моторы на ваших самолетах ни к черту. Да и взлетная полоса никудышная. О ФАБ-тысяча нечего и думать в таких условиях. Так и докладывать буду в Ставке. Жаль старшего лейтенанта Богачева и его экипаж... Так что извините меня за настойчивость. Ведь я выполнял указание Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

- Чего уж там, Владимир Константинович,- посочувствовал Преображенский.Знали мы, кто и зачем вас направил к нам в Кагул.

- Ох тяжелый разговор предстоит мне в Москве! Ох тяжелый,- Коккинаки сокрушенно покачал головой.- Если бы вы только знали, дорогой Евгений Николаевич!..

Преображенский предполагал, какая неприятность ожидает Коккинаки по возвращении в Москву. Вначале на встрече у Сталина он доказывал адмиралу Кузнецову о возможности полета дальних бомбардировщиков на Берлин с ФАБ-1000 на внешней подвеске, чем поставил наркома ВМФ в незавидное положение перед Верховным Главнокомандующим, а теперь сам на неудачном эксперименте, стоившем потери двух самолетов и гибели одного экипажа, воочию убедился в безрассудности требования использовать для бомбардировки Берлина авиабомбы самого крупного калибра. Что-то скажет Сталин в ответ летчику-испытателю, какое теперь будет отношение к нему? Хотелось верить, что Коккинаки сумеет с честью выйти из создавшегося положения.

- А летчики у вас отменные, Евгений Николаевич! - похвалил Коккинаки.- Все один к одному. Герои! Таких молодцов никогда не победить немцам. Так и доложу в Ставке.

- Спасибо за высокую оценку, за доверие, Владимир Константинович,поблагодарил Преображенский;- Передайте товарищу Сталину, что морские летчики до конца выполнят свой священный долг.

Коккинаки дружески протянул Преображенскому руку, с жаром сжал его ладонь.

- Будете после войны в Москве - заходите ко мне,- пригласил он.Обязательно заходите. Мы с вами подружимся, вот увидите...

Летели Жаворонков и Коккинаки над Балтийским морем на небольшой высоте, в видимости береговой черты. В Таллинне их ждали. Едва ДБ-3ф и два И-16 сели, как тут же появился бензозаправщик. Жаворонков сошел на землю, огляделся. До его

слуха донеслась раскатистая артиллерийская канонада, за лесом шел жаркий бой. Аэродром фактически уже являлся прифронтовым, немецкая артиллерия могла его даже обстреливать.

Подъехал на машине командующий военно-воздушными силами КБФ генерал Самохин. Он кратко обрисовал воздушную обстановку в районе Таллинна. Морские летчики вынуждены по нескольку раз в день вылетать на бомбардировку и штурмовку противника, рвущегося к главной базе флота. Все мобилизовано на оборону Таллинна, дней восемь - десять защитники еще могут сдерживать усиливающийся напор отборных немецких дивизий. Но боеприпасы на исходе, горючее для самолетов - тоже. Людские резервы иссякли, помощи ждать неоткуда.

Жаворонков обещал обо всем доложить наркому ВМФ. Самохина он попросил лишь направить на Сааремаа, в бухту Трииги, баржу с горючим. Налеты на Берлин будут продолжаться, а Преображенский и Щелкунов уже лимитируют бензин.

Коккинаки и Бринько сообщили, что самолеты бензином дозаправлены. Самохин подсказал наиболее безопасный маршрут - над центром Финского залива, дабы не попасть под зенитный огонь врага. Жаворонков уже собрался проститься с командующим ВВС флота, как сзади, со стороны моря, загрохотали зенитные орудия.

- Вот и улетели!..

- Немецкие самолеты здесь частые гости,- пояснил Самохин.

Зенитки обстреливали Ю-88, должно быть, поднявшийся в воздух в целях разведки. Дымчатые шапки разрывов снарядов возникали вокруг бомбардировщика, не причиняя ему вреда. "Юнкерс" не обращал на них внимания, продолжая лететь в направлении осажденного города.

- Какой настырный, летит, хоть бы что,- проговорил кто-то из сопровождавших Самохина командиров.

- Да, наглости им не занимать,- согласился Самохин.

К Жаворонкову подошел Бринько. Глаза его возбужденно блестели.

- Можно мне по-балтийски поговорить с наглецом? - спросил он.

- Попробуйте, капитан...

Считанные секунды понадобились Бринько для взлета с аэродрома. Присутствующие с любопытством и тревогой наблюдали за поединком. И-16 на предельной скорости набирал высоту, стараясь перерезать курс "юнкерсу". Зенитные орудия тут же прекратили огонь, опасаясь поразить советский истребитель. Немецкий бомбардировщик заметил И-16 и попытался поскорее

уйти на свою территорию. Перейдя в горизонтальный полет, Бринько помчался за удирающим вражеским бомбардировщиком и уже над линией фронта настиг его. "Юнкерс", распустив черный шлейф дыма, начал переваливаться с крыла на крыло, потом вошел в штопор. Экипаж бомбардировщика покинул горящий самолет на парашютах.

Бринько повернул к аэродрому, прошел на бреющем, лихо сделал победную горку и с ходу приземлился. Растроганный Жаворонков обнял капитана, не давая ему возможности доложить о скоротечном воздушном бое. И без слов каждому было ясно, что балтийскому асу потребовалось всего несколько минут для расправы с зарвавшимся вражеским бомбардировщиком.

До Беззаботного долетели благополучно. Жаворонков на прощание снова обнял капитана Бринько.

- Расскажу о вашем подвиге наркому Военно-Морского Флота,- пообещал он.

В тот же день Жаворонков прилетел в Москву. Туда же для доклада командующему Военно-Воздушными Силами Красной Армии генерал-лейтенанту авиации Жигареву был срочно вызван и командир эскадрильи капитан Тихонов.

Жаворонков доложил наркому ВМФ о налетах морской и армейской авиагрупп особого назначения на Берлин. Более подробно он остановился на последнем, седьмом налете, когда два экипажа - капитана Гречишникова и старшего лейтенанта Богачева при взлете с ФАБ-1000 и двумя ФАБ-500 на внешней подвеске потерпели аварию. Сгорели оба самолета и погиб один экипаж. Генерал еще раз убедительно сказал, что с такой бомбовой нагрузкой взлетать в неблагоприятных условиях островного аэродрома нельзя.

Кузнецов вспомнил свой недавний разговор со Сталиным и Коккинаки, и ему вновь стало не по себе. Чувство беспокойства не покидало его. Чем-то закончится завтрашняя встреча?

- Завтра предстоит очень сложный разговор,- подытожил Кузнецов.- Сталин вызывает нас вместе с генералом Жигаревым...

Когда Кузнецов и Жаворонков приехали в Кремль, в приемной уже был командующий Военно-Воздушными Силами Красной Армии. По лицу Жигарева можно было без труда понять, что он не на шутку взволнован предстоящим докладом Верховному Главнокомандующему.

Накануне он выслушал командира эскадрильи капитана Тихонова о состоянии дел в армейской авиагруппе особого назначения и уже сам видел промахи, допущенные при выделении дальних бомбардировщиков и формировании их экипажей.

Многое при докладе зависело от настроения Сталина, но узнать сейчас, в каком духе находится Верховный Главнокомандующий, было невозможно. Лицо секретаря, как всегда, непроницаемо.

- Входите, товарищи,- сказал секретарь, когда часы показали назначенное время.

Сталин, чуть наклонив голову, ходил вдоль стены. Из-под нависших бровей он бросил на вошедших укоризненный взгляд. Кузнецов понял: разговор предстоит не из приятных.

Кузнецов и Жигарев предварительно договорились, что первым начнет доклад генерал-лейтенант Жаворонков как руководитель налетов советской авиации на Берлин, а потом его дополнит Жигарев. Сталин нарушил их план. Продолжая ходить, он обратился к командующему ВВС Красной Армии:

- Докладывайте, товарищ Жигарев.

Жигареву нелегко было говорить об имевших место упущениях при формировании и подготовке армейской авиагруппы особого назначения. Он чувствовал, доклад не удовлетворяет Верховного.

- Почему вы послали самолеты с изношенными моторами? Почему не заменили двигатели новыми? Почему вместо двадцати выделили лишь пятнадцать бомбардировщиков?..- задавал вопросы Верховный Главнокомандующий.

Сердитое "почему" следовало в каждой фразе. Жигареву ничего не оставалось, как всю вину принять на себя.

- Теперь послушаем руководителя налетов на Берлин.

Жаворонков решил ничего не скрывать. Он подробно осветил ход выполнения операции. Цель достигнута, столице фашистской Германии нанесен ощутимый ущерб. Можно было бы, конечно, несколько увеличить интенсивность бомбардировок Берлина, однако неудовлетворительные условия базирования на острове, почти предельная дальность полета по маршруту в сложных метеоусловиях и значительная изношенность моторов самолетов не позволяли этого делать. Жаворонков не скрыл и потери летного состава, в том числе и при неудачной попытке взлететь с ФАБ-1000.

Сталин перестал ходить, остановился у стола, внимательно слушая командующего ВВС Военно-Морского Флота. Иногда он задавал вопросы, и если ответ удовлетворял его, слегка склонял голову. Неудача с ФАБ-1000 несколько обеспокоила его. Он не настаивал больше на применении в дальнейшем авиабомб только крупного калибра; главное - сохранить экипажи для будущих воздушных боев.

Кузнецов предложил командование морской и армейской

авиагрупп особого назначения возложить на командира 1-го минно-торпедного авиационного полка полковника Преображенского; генерал-лейтенанту Жаворонкову в связи с ухудшением оперативной обстановки целесообразнее было приступить к исполнению своих обязанностей командующего военно-воздушными силами Военно-Морского Флота.

Сталин согласился с мнением наркома ВМФ.

Неудавшийся налет

Полковник Преображенский, ставший вместо генерала Жаворонкова руководителем "Операции Б", приказал капитану Комарову, военинженеру 2 ранга Баранову и командиру авиабазы готовить экипажи, материальную часть и вооружение к очередному, восьмому налету советской авиации на Берлин. Каково же было его удивление, когда майор Георгиади доложил об отсутствии на складах авиабомб основного для бомбардировки Берлина среднего калибра ФАБ-250, ФАБ-100, и ЗАБ-50. Зато имелись в достаточном количестве ФАБ-1000, не применяемые летчиками, да еще несколько ФАБ-500.

- Чего же вы молчали до сих пор, товарищ майор? - вскипел, обычно спокойный, Преображенский.

Георгиади поджал нижнюю губу, с обидой ответил:

- Я не молчал, товарищ полковник. Я своевременно доложил обо всем генералу Жаворонкову. И о нехватке бензина тоже.

- И что же командующий?

- Генерал Жаворонков послал два запроса командующему Балтийским флотом вице-адмиралу Трибуцу.

- Почему я не знал об этом?

- Генерал Жаворонков приказал вас не беспокоить. Вы заняты боевой работой...

Преображенский задумался. Раньше ему и в голову не приходило, откуда берутся для ДБ-3 авиабомбы и бензин, их запасы, оказывается, скудны, не пополнялись, и сейчас морская и армейская авиагруппы особого назначения сидят на голодном пайке. Командир авиабазы пояснил, что часть боеприпасов и горючего вынуждены были перевезти на аэродром Асте для бомбардировщиков майора Щелкунова и капитана Тихонова, которые прилетели с Большой земли с пустыми люками и наполовину заполненными баками.

Действительно, прибывшая на Сааремаа армейская авиагруппа встала на обеспечение морской авиагруппы, никто раньше не брал их в расчет. Вот почему так быстро кончился запас авиабомб и бензина.

- Что ответил командующий Балтфлотом? - спросил Преображенский.

- Вице-адмирал Трибуц приказал командиру главной военно-морской базы в Таллинне и коменданту Кронштадтской крепости бесперебойно обеспечивать нас всем необходимым, не срывать налеты на Берлин,- ответил Георгиади.- Из Таллинна вчера вышли торпедовоз с авиабомбами на борту и танкер с бензином, но...- он беспомощно развел руки в стороны, тяжко вздохнул.- Не дошли до нас, товарищ полковник. Потопили их немцы. Из Кронштадта тоже, видимо, выходили к нам корабли. И тоже пока не дошли...

Преображенский вспомнил недавний разговор со своим новым другом начальником штаба Береговой обороны Балтийского района подполковником Охтинским о резком осложнении обстановки в районе островов Моонзундского архипелага. Сааремаа, Хиуму, Муху, Вормси и Осмуссаар немцы блокировали с суши, моря и воздуха. Они никого не впускают и не выпускают из Моонзунда. Тогда он, занятый налетами на Берлин, не придал этому особого значения, полностью полагаясь на генерала Жаворонкова, а вот теперь, оставшись за него, с первого же дня на себе почувствовал остроту создавшегося почти критического положения. К тому же начинало мучить уязвленное самолюбие: при командующем ВВС флота налеты на Берлин осуществлялись регулярно, а вот при нем все вдруг изменилось в худшую сторону.

- Что будем делать, командир авиабазы? - с надеждой спросил Преображенский.

Георгиади усмехнулся, хитро прищурил черные глаза.

- Я передал в Беззаботное, в нашу авиабригаду, чтобы ни один самолет не прилетал к нам с пустыми бомболюками. В основном брать ФАБ-сто и ЗАБ-пятьдесят.

- Правильно сделали, товарищ майор! - похвалил Преображенский, хотя и понимал, что это не надежный способ доставлять авиабомбы, ведь теперь ДБ-3 летали на замену моторов редко. Но, как говорится, на безрыбье и рак рыба. Молодец командир авиабазы, не сидит сложа руки, не ждет у моря погоды.

- С бензином пока терпимо,- продолжал Георгиади.- Я забрал все запасы у местного гарнизона.

- И отдали безоговорочно? - удивился Преображенский, понимая, что Береговой обороне Балтийского района самой нужен бензин.

Георгиади заразительно рассмеялся.

- Именем вице-адмирала Трибуца я действовал. Пусть попробуют не выполнить приказ командующего Балтийским флотом!..

Разговор с командиром авиабазы угнетающе подействовал на Преображенского. Такая тяжесть теперь легла на его плечи, ведь отныне лично он, он один отвечает за продолжение "Операции Б", за которой пристально следит сам товарищ Сталин. Хотел вызвать военкома полка Оганезова, чтобы посоветоваться с ним обо всем, поговорить, как тот сам с газетой в руке зашел к нему в землянку.

- Вот прочтите, командир,- протянул он газету.

Преображенский поморщился, до газет ли ему сейчас, когда из-за отсутствия авиабомб срывается восьмой налет на Берлин?

- О Берлине пишут, значит, и о нас,- пояснил Оганезов.- Официальное сообщение...

Преображенский сразу же насторожился, взял газету, впился глазами в текст на первой полосе, обведенный военкомом полка карандашом. По мере чтения глаза его хмурились, лоб покрылся сетью мелких морщин.

"...Советская авиация имела полную возможность бомбить Берлин в начале и ходе войны. Но командование Красной Армии не делало этого, считая, что Берлин является большим столичным городом с большим количеством трудящегося населения, в Берлине расположены иностранные посольства и миссии, и бомбежка такого города могла привести к серьезным жертвам гражданского населения.

Мы полагали, что фашисты, в свою очередь, будут воздерживаться от бомбежки нашей столицы Москвы. Но оказалось, что для фашистских извергов законы не писаны и правила войны не существуют. В течение месяца, с 22 июля по 22 августа, немецкая авиация 24 раза произвела налеты на Москву. Жертвами этих налетов явились не военные объекты, а жилые здания в центре и на окраинах Москвы, больница, 2 поликлиники, 3 детских сада, театр имени Вахтангова, одно из зданий Академии наук СССР и другие. Разумеется, Советское командование не могло оставить безнаказанными эти зверские налеты немецкой авиации на Москву. На бомбежку мирного населения Москвы советская авиация ответит систематическими налетами на военные и промышленные объекты Берлина и других городов Германии..."

- Наращивать нам надо удары по Берлину, командир, наращивать! - подытожил Оганезов, когда Преображенский закончил читать.

- Чем наращивать, комиссар?! - с болью в сердце вырвалось у Преображенского, и он рассказал военкому полка о своем разговоре с командиром авиабазы майором Георгиади.

- Да-а,- протянул Оганезов,- положение серьезное. Я сделаю в

Ленинграде все возможное, чтобы авиабомбы немедленно доставили на Сааремаа...- Он виновато улыбнулся, неопределенно пожал плечами.- Собственно, Евгений Николаевич, я проститься зашел к вам. Сейчас уезжаю в Асте и оттуда с последним самолетом из эскадрильи капитана Тихонова лечу в Беззаботное...

В сутолоке новых забот Преображенский забыл, что батальонный комиссар должен возвратиться под Ленинград в самое ближайшее время. 1-й минно-торпедный авиационный полк совершал систематические налеты на тыловые военные и промышленные объекты и военно-морские базы Германии и Финляндии, и военкому полка целесообразнее было находиться и вести политическую работу на основной базе. За него оставался на острове старший политрук Поляков, опытный, инициативный, всеми уважаемый в полку политработник.

После проводов военкома полка Преображенский еще раз прочел в газете официальное сообщение о продолжении налетов на Берлин в ответ на непрекращающуюся бомбардировку немецкой авиацией Москвы. Он согласен, наращивать удары по Берлину надо, но вверенные ему морская и армейская авиагруппы особого назначения не в состоянии, к сожалению, этого сделать. Нужны новые, дополнительные авиационные части или даже соединения для продолжения "Операции Б".

К его радости, вечером пришла шифровка от командующего ВВС флота генерала Жаворонкова, из которой он узнал, что Верховный Главнокомандующий нацелил на Берлин вновь сформированную 81-ю авиационную дивизию под командованием известного советского летчика Героя Советского Союза Михаила Водопьянова. На вооружении дивизии были мощные четырехмоторные бомбардировщики Пе-8.

Морской и армейской авиагруппам особого назначения предписывалось самостоятельно продолжать налеты на Берлин.

Перед самым отбоем к Преображенскому зашел старший политрук Поляков.

- Интересное письмецо хочу вам показать, Евгений Николаевич. С той стороны, так сказать. О результатах нашей работы...

По примеру своего начальника военкома полка батальонного комиссара Оганезова старший политрук Поляков считал первейшей обязанностью сообщать летному и техническому составу авиагруппы о результатах бомбардировок Берлина. Это оказывало огромное воспитательное воздействие на людей, находящихся на крайней западной точке советской земли, в глубоком тылу врага. Он связался с Беззаботным, и ему сообщили содержание письма мужу на фронт от жительницы Берлина Анни

Реннинг. Солдат Реннинг воевал недолго, он был убит под Ленинградом.

- Вот что пишут на фронт немецкие жены своим мужьям,- протянул Поляков текст полковнику.

- Любопытно, любопытно.- Преображенский взял, письмо, начал читать...

"Дорогой мой Эрнст! Война с Россией уже стоит нам многих сотен тысяч убитых. Мрачные мысли не оставляют меня. Последнее время днем и ночью к нам прилетают бомбардировщики. Нам всем говорят, что нас бомбили англичане. Но нам точно известно, что в эту ночь нас бомбили русские. Они мстят за Москву. Берлин от разрывов бомб весь сотрясается... И вообще, я скажу тебе: с тех пор как появились над нашими головами русские, ты не можешь себе представить, как теперь нам стало скверно.

Родные Вилли Фюрстенберга, ты это хорошо знаешь, служили на артиллерийском заводе. Завода больше не существует! Родные Вилли Фюрстенберга погибли под его развалинами...

Ах, Эрнст, когда русские бомбы падали на заводы Симменса, мне казалось, все проваливается сквозь землю.

Зачем вы, Эрнст, связались с русскими! Неужели нельзя было найти что-либо поспокойнее.

Я знаю, Эрнст, ты скажешь мне, что это не мое дело, что ты убежденный социалист... Но знай, мой дорогой, что здесь, возле этих проклятых заводов, жить невозможно! Мы все находимся словно в аду. Пишу я серьезно и открыто, ибо мне теперь ничего не страшно! Я ничего не боюсь...

Предчувствую, Эрнст, пока дойдет до тебя мое письмо (если мне удастся донести его к почтовому ящику), меня не будет в живых. Эрнст... Уже гудят! Я несу письмо. Прощай! Всего хорошего. Твоя Анни".

- Разумная женщина эта Анни Реннинг! - возвратил Преображенский лист Полякову.- Вот чего не хватает ее фюреру!

- Да, простые берлинцы уже начинают понимать, к чему приведет авантюра их Гитлера,- согласился Поляков.- Аккредитованные в Берлине корреспонденты нейтральных стран сообщают о растущей панике в Берлине перед ударами советской и английской авиации. И что характерно, на развалинах наиболее отчаянные стали писать мелом: "За эти бомбардировки мы благодарим нашего фюрера!"

- Надо, чтобы экипажи перед вылетом успели познакомиться с содержанием этого письма,- сказал Преображенский.

Поляков показал на пачку копий.

- Я отпечатал на машинке двадцать экземпляров. Хватит

всем.

Письмо немецкой женщины Анни Реннинг заставило Преображенского вспомнить о пришедшей еще днем почте, в которой оказались и два конверта на его имя со знакомыми почерками отца и жены. Работы было по горло, он все время находился среди сослуживцев, и вот теперь, оставшись один после ухода старшего политрука Полякова, с волнением вскрыл первым конверт от отца, вынул вчетверо сложенный лист и начал читать:

"Родной мой сын Евгений! Наверное, ты в капусту крошишь гитлеровцев?! "Не будет им мало" - это твои слова. Я знаю хорошо, что они не разойдутся с делом. Будь хладнокровен, будь спокоен. О своих детях не беспокойся. Мы с мамой по мере сил своих ведем колхозную работу.

Война всерьез! Ненависть наша к врагу растет.

Но вот беда - я стар. Хотелось бы винтовку взять... Желаю тебе, мой родной сын, больших успехов, удач и счастья. Твой отец".

Письмо жены особо растрогало Преображенского, глаза его потеплели, он расслабился, почувствовал радостное облегчение, которого всегда не хватало при напряженной работе.

"...Где ты, Евгений, отзовись! Напиши мне коротенькое письмецо в два слова: "Я здоров". Оно меня успокоит. Галюська книжки читает. Малютка Ольга при встрече, пожалуй, назовет тебя "Евгений". Ей скоро четыре месяца. А Вовка очень часто требует от меня, чтобы я взяла на ручки Оленьку. В семье у нас пошли знаменитые художники. Смотри, читай, любуйся!.."

К письму было приложено с десяток рисунков старшей дочери и сына. На них, увиденные детскими глазами, плывущие по реке пароходы, летящие самолеты, цветы, деревья, домики. Под деревянным домиком с высокой дымящейся трубой трогательная надпись, от которой защемило сердце: "Милый папа. Я жду тебя. Твоя Галя".

Долго не мог заснуть в эту неспокойную ночь Преображенский, думал о самых дорогих для него и любимых жене, детях, отце и матери...

Прежде чем отправить дальние бомбардировщики на Берлин, Преображенский еще раз проверил все расчеты. Теперь он нес ответственность за выполнение "Операции Б". Значит, надо подготовиться как следует. Необходимо снова проанализировать всевозможные варианты подхода к цели с учетом метеоусловий, бомбовой нагрузки, зон зенитного огня противника, барражирования немецких ночных истребителей-перехватчиков.

Летели самолеты только морской авиагруппы. Двигатели

ДБ-3ф эскадрильи капитана Тихонова нуждались в замене, и машины пришлось отправить на Большую землю. На оставшихся в группе майора Щелкунова трех самолетах производился текущий ремонт моторов силами технического состава, и они не могли пока принять участие в операции.

Нуждались в ремонте и моторы всех дальних бомбардировщиков морской авиагруппы, о чем Преображенскому доложил старший инженер Баранов. К тому же не хватало на все машины авиабомб среднего калибра. Лететь же на Берлин даже с одной ФАБ-500 на внешней подвеске стало трудно; сказывалась изношенность моторов, они перегревались и выходили из строя.

Решено было послать в очередной налет на Берлин одно звено. Ведь нельзя же было срывать "Операцию Б", тем более что немецкая авиация почти каждый день бомбит Москву. В Ставке не поймут пассивность морских летчиков и их командира. Когда "Операцией Б" руководил командующий ВВС флота генерал Жаворонков, налеты на Берлин осуществлялись регулярно, теперь же, при командире 1-го минно-торпедного авиационного полка полковнике Преображенском, они прекратились. Никакие ссылки на слабое техническое состояние ДБ-3, отсутствие должного комплекта авиабомб и нехватки бензина в Москве принимать не будут.

Звено возглавил командир 1-й авиаэскадрильи капитан Ефремов. Его ведомыми были назначены экипажи летчиков старшего лейтенанта Трычкова, лейтенантов Дашковского и Мильгунова. Вылет Преображенский назначил за полчаса до захода солнца. Теперь ему самому, как это делал раньше генерал Жаворонков, приходилось на старте отправлять экипажи в полет.

Летчики не любят провожать своих товарищей на боевые задания. Лучше было бы для каждого самому вести машину, чем глядеть вслед уходящему в небо самолету. Такое же состояние испытывал и Преображенский, вместе с капитаном Комаровым, давая разрешение на взлет. Он сейчас сожалел, что сам не возглавил звено, ведь задание Верховного Главнокомандующего по бомбардировке особо важной цели - резиденции Гитлера - с него не снято.

Над аэродромом разнесся гул моторов, бомбардировщики выруливали на старт. К Преображенскому подбежал запыхавшийся старший инженер Баранов.

- На машине старшего лейтенанта Трычкова греется левый мотор,- доложил он.- Выпускать ее нельзя. Не взлетит...

Преображенский поморщился, сжал зубы. Первая неприятность еще до начала взлета. Захотелось отругать Баранова за плохую подготовку материальной части, но усилием воли

сдержал себя, старший инженер ведь докладывал ему о необходимости ремонта моторов на всех машинах.

На Берлин пошли три самолета. Преображенский приложил руку к козырьку фуражки, провожая капитана Ефремова. Следом, хотя и тяжело, поднялись в воздух ДБ-3 лейтенантов Дашковского и Мильгунова.

В ночь налета на Берлин обычно на аэродроме никто не спал. Бодрствовал в землянке и Преображенский. Перед ним на столе лежала карта с акваторией Балтийского моря, на которой изломанной красной линией пролегал маршрут полета от Кагула до Берлина. По времени, зная скорость ДБ-3, он отмечал, где примерно сейчас должны были находиться экипажи Ефремова, Дашковского и Мильгунова.

В землянку зашел капитан Хохлов.

- Что, Петр Ильич, тяжко нам сегодня? - посочувствовал Преображенский.

- Да уж лучше бы там сейчас быть,- показал Хохлов на излом линии на траверзе шведского острова Готланд и тяжело задышал.

- Не вешай носа, штурман, не печаль командира,- улыбнулся Преображенский.Еще будем над Берлином и не раз. На-ка, полюбуйся, что мои выкамаривают,- он достал из кармана конверт, вынул из него рисунки старшей дочери и сына и с гордостью рассыпал перед штурманом.

Хохлов подносил каждый лист к электрической лампочке и подолгу, внимательно рассматривал детские рисунки. В памяти невольно всплыл и его сынишка Борька. Где он сейчас? Перед перебазированием на остров Сааремаа жену и сына вместе с семьями летного и технического состава эвакуировали в тыл. Валентина решила ехать к своим родным на Кавказ в город Грозный. Последнюю весточку она прислала из Ростова-на-Дону, куда ее привели запутанные войной пути-дороги. Писала, что с парадного кителя сняла орден Ленина, которым он был награжден за зимнюю войну с Финляндией, положила его в сумочку и теперь не знает, что с ним делать. Тяжко же ей сейчас с младенцем Борькой на руках. Вот, бедная, попала в пекло, ведь у Ростова-на-Дону уже немецкие войска, идут бои за город...

От горестного раздумья Хохлова оторвал звонкий голос вошедшего в землянку капитана Комарова.

- Посты ВНОС доложили о шуме моторов самолета,- доложил он.- Нашего самолета, товарищ полковник.

Преображенский посмотрел на часы, уж слишком быстро что-то возвращается один из экипажей. Выходит, не долетел до цели, отбомбился по запасной.

Он вместе с Комаровым и Хохловым вышел из душной

землянки. Знакомый звук моторов ДБ-3 донесся с юга, со стороны районного центра Куресаре. Появился в зоне видимости и сам самолет, над ним взвилась зеленая ракета: просьба о посадке. С аэродрома ответили красной ракетой, и бомбардировщик пошел на посадку.

Приземлился ДБ-3 капитана Ефремова. Доклад его был не утешителен. Моторы перегрелись в полете, пришлось идти на запасную цель Виндаву и сбросить бомбы на стоящие в порту немецкие корабли. Самолет был обстрелян зенитной артиллерией, но огонь ее оказался, мало эффективен.

Преображенский болезненно переживал возвращение экипажа капитана Ефремова. Вторая неудача! А когда капитан Комаров сообщил, что еще один дальний бомбардировщик возвращается раньше времени, его негодованию, казалось, не было предела. Так неудачно он начал руководить "Операцией Б", что теперь о нем подумает командующий ВВС флота генерал Жаворонков?

Вернулся экипаж лейтенанта Мильгунова. Причина та же, что и у капитана Ефремова. Моторы перегревались, а правый потом совсем отказал. Вынужден был развернуться на Либаву и сбросить ФАБ-500 и две ЗАБ-50 на порт.

Оставался в воздухе экипаж лейтенанта Дашковского. Что с ним? Долетел ли до Берлина или тоже вынужден будет отбомбиться по запасной цели? В сложившейся ситуации лучше бы он возвратился. Ведь вся противовоздушная оборона немцев набросится на него одного и трудно, ох как трудно будет лейтенанту выбраться из моря огня.

Время тянулось медленно, в землянке тишина, говорить не хотелось. Давно уже наступил рассвет, пора бы уж появиться самолету Дашковского, но его все нет и нет. И наконец, как гром с неба, радостная для каждого летчика весть:

- Летит, летит! Летит наш лейтенант Дашковский!

Землянка быстро опустела. Преображенский устремил взгляд на юг. Действительно, со стороны Куресаре летел ДБ-3. Возвращается! Но почему так поздно? Случилось что или штурман заблудился в облаках? Молодец все же лейтенант! Один летал на Берлин, а вот дотянул ли до него - сейчас он расскажет.

Все с нетерпением ждали посадки. Однако самолет перед самым аэродромом вдруг резко снизился и скрылся за кромкой леса. Может быть, кончился бензин, и Дашковский пошел на вынужденную посадку?

Мощный взрыв донесся до аэродрома глухим эхом, нестерпимой болью отозвался в сердцах...

Лейтенант Дашковский погиб на глазах. Его смерть мгновенная - особая смерть летчиков. Что знал Преображенский о

лейтенанте? Имя - Николай, отчество - Феодосьевич, фамилия - Дашковский. Родился в крестьянской семье в Черкасской области. Закончил техникум, по комсомольскому набору попал в Одесское военно-авиационное училище. Был направлен вначале на Тихоокеанский флот, а затем уже перед самой войной переведен на Балтику в 1-й минно-торпедный авиационный полк. Женат. Есть сын. Летчик опытный, смелый. За налеты на Берлин награжден орденом Ленина. Вот и все, пожалуй. А как это мало знать о человеке, с которым вместе водили бомбардировщики на Берлин?! И даже сейчас не знаешь, дошел ли он до Берлина или сбросил бомбы на Штеттин, Данциг или еще на какую запасную цель?

Вечером погибший экипаж похоронили рядом с экипажами старшего лейтенанта Финягина, лейтенантов Александрова и Кравченко на местном кладбище, ставшем своеобразным пантеоном вечной славы морских летчиков-балтийцев. Дружно прогремел винтовочный залп - салютовали тем, кто ценой жизни выполнил свой воинский долг перед Родиной.

Капитан Комаров, скрепя сердце, выводил пером в журнале боевых действий авиагруппы:

"24.08.41 ДБ-3 No 391401. Дашковский, лейтенант - летчик. Николаев, ст. лейтенант - штурман. Элькин, мл. сержант - стрелок-радист.

Самолет разбит при посадке после выполнения боевого задания (бомбоудар по г. Берлин) в районе Куресcаре. Экипаж погиб".

Из записки фюрера от 23 августа 1941 года по вопросу продолжения операций на советско-германском фронте:

"...Кроме того, необходимо учесть моменты, имеющие значение для Германии вследствие ее собственного положения:

а) возможно быстрое занятие Прибалтики с целью обеспечения Германии от ударов русской авиации и военно-морского флота из этих районов..."

Из сообщения ТАСС:

"Лондон, 27 августа (ТАСС). Из достоверных источников сообщают, что германские власти начали эвакуацию населения из районов, подвергающихся бомбардировкам. Из северной, северозападной и северо-восточной части Германии большое количество немцев выехало в Норвегию, Данию, Люксембург и южную часть Германии. В южной Германии не хватает жилищ, и прибывающие из других частей страны размещаются за городом во временных постройках. Около Линца вырос целый городок из палаток".

На пороховой бочке

По приказу командующего Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирала Трибуца комендант Кронштадтской крепости направил на остров Сааремаа первую группу кораблей с авиационными бомбами для морских летчиков, участвующих в "Операции Б". В группу вошли быстроходные тральщики БТЩ-209 "Кнехт" и БТЩ-214 "Бугель". Несколько позднее к ним присоединился и БТЩ-206 "Верп".

Из Кронштадта вышли рано утром, к полудню быстроходные тральщики достигли района Юминданины. На траверзе маяка Кери они встретили конвой боевых кораблей и транспортных судов, шедших из осажденного Таллинна в Кронштадт. Конвой втянулся на выставленное немецкими кораблями минное поле и потому шел очень медленно, опасаясь столкновения с морскими минами. С эстонского берега неожиданно появились немецкие бомбардировщики и начали атаки на попавшие в ловушку советские корабли. Особо доставалось флагману конвоя эсминцу "Энгельс" и шедшему в кильватере танкеру No 11. Маневр их на минном поле был стеснен до предела. "Юнкерсы" на малой высоте прицельно сбрасывали бомбы, эсминец "Энгельс" отклонился несколько влево и наскочил на мину. Подорвался на мине и танкер No 11 и вскоре затонул.

Шедшим навстречу быстроходным тральщикам нелегко было проскочить минное поле, да еще под ударами немецких бомбардировщиков. Неудача первым постигла БТЩ-209 "Кнехт". Обходя подорвавшийся эсминец "Энгельс", он напоролся на мину, от взрыва которой сдетонировали лежащие на палубе авиационные бомбы. Огромный столб воды и огня поднялся на том месте, где только что был "Кнехт". Спустя несколько минут такая же участь постигла и БТЩ-214 "Бугель". Он тоже подорвался на мине и затонул. Лишь потрепанному немецкими бомбардировщиками БТЩ-206 "Верп" с трудом удалось добраться до Таллинна.

Первая попытка доставить авиабомбы на остров Сааремаа для морских летчиков окончилась полной неудачей.

Комендант Кронштадтской крепости в срочном порядке направил вторую группу кораблей из Ораниенбаума. В нее вошли быстроходный тральщик БТЩ-203 "Патрон" под командованием старшего лейтенанта Ефимова, тихоходный тральщик Т-289 лейтенанта Соколова и сторожевой корабль "Коралл" капитан-лейтенанта Подсевалова. Их сопровождал патрульный катер лейтенанта Сажнева.

С учетом неудачного опыта тральщиков "Кнехт" и "Бугель", закончившегося трагически, старший лейтенант Ефимов, назначенный старшим в группе кораблей, решил выйти в море с

наступлением темноты и за ночь постараться пройти нашпигованный минами Финский залив.

Погрузка на палубы авиационных бомб среднего калибра закончилась вовремя, и с наступлением темноты "Патрон" первым отвалил от стенки Ораниенбаумского причала. За ним последовали тральщик Т-289 и патрульный катер. Лишь почему-то замешкался сторожевой корабль "Коралл", пришлось на большом кронштадтском рейде застопорить ход и лечь в дрейф. Световым семафором Ефимов поторопил "Коралл" с выходом в море; каково же было его удивление, когда капитан-лейтенант Подсевалов ответил, что его сторожевой корабль не сможет участвовать в переходе на остров Сааремаа из-за неисправности машин, а отремонтировать их в ближайшие часы не представляется возможным.

На запад через весь Финский залив взяли курс тральщики "Патрон", Т-289 и сопровождавший их патрульный катер.

Ефимов отдавал себе отчет, что далеко не всем сегодня доведется благополучно закончить тяжелейший переход с полным грузом авиабомб на борту. Тральщик, на палубе которого лежали ряды закрепленных фугасных и зажигательных бомб, представлял бочку с порохом в десятки тонн весом. Достаточно взрыва контактной или магнитной мины, даже осколка от бомбы при бомбардировке немцами с воздуха, как опасный груз сдетонирует и разнесет "Патрон" на куски. Так произошло с БТЩ-209 "Кнехт". Вне всякого сомнения, немцы сделают все возможное, чтобы не пропустить советские корабли в блокированный с моря Моонзунд. С рассвета они начнут обстреливать их из тяжелой артиллерии с занятого эстонского берега. Финны, в свою очередь, могут пустить в дело батареи береговой обороны, особенно с острова Макелуотто. Ожидает их днем встреча с немецкими подводными лодками, стоящими на позициях перед выходом из Финского залива в Балтийское море, торпедными катерами и даже с легкими крейсерами, курсирующими вдоль побережья. Но особенно опасна авиация противника, которая практически будет безнаказанно наносить бомбовые удары. Вооружение на тральщике слабое: две малокалиберные пушки и зенитные пулеметы. Ведь он по своей конструкции предназначен для траления вражеских мин, а не ведения морского боя.

Встреча с противником ожидалась в дневное время суток, а пока надо еще пройти заминированный Финский залив, благо погода благоприятствовала: морось, туман, ночная мгла. Основные выставленные противником минные поля Ефимову были известны, они нанесены на штурманскую карту. Но за последние сутки немцы с подлодок или самолетами могли

перекрыть фарватер.

Шли без огней средним для "Патрона" ходом, так как Т-289 развить большую скорость не мог. По карте Ефимов определил, что только еще достигли острова Лавенсаари; намеченный им заранее график движения срывался из-за отказа выйти в море сторожевого корабля "Коралл".

Неожиданно донесся тревожный голос вахтенного сигнальщика краснофлотца Харламова:

- Слева по курсу сорок пять слышу шум моторов самолета!

- Чей самолет? - спросил Ефимов находящегося в боевой рубке командира отделения сигнальщиков старшину 2-й статьи Большакова.

- Сейчас выясню, товарищ командир,- отозвался Большаков и быстро поднялся на верхний ходовой мостик. Неизвестный самолет проскочил в темноте над "Патроном". По характерному завывающему звуку моторов Большаков безошибочно определил, что над Финским заливом появился немецкий самолет. И как бы в подтверждение справа по курсу в темном небе вспыхнул яркий свет от сброшенной световой авиабомбы - "люстры", как ее метко окрестили балтийцы.

- Немецкий разведчик, товарищ командир,- доложил Большаков.- Ушел в сторону Финляндии.

- Выходит, засек нас, старшина? - с досадой произнес Ефимов.- Здорово это у них поставлено.

- Не думаю, товарищ командир. В такой темнотище заметить наш "Патрон" невозможно,- по-своему рассудил командир отделения сигнальщиков.- Просто для порядка "люстру" повесил фашист...

Старшина оказался прав, остаток ночи прошел спокойно, тральщики благополучно проходили мимо минных полей, медленно, но настойчиво приближаясь к Балтийскому морю.

Серый рассвет застал их в нескольких милях на подходе к Таллинну. Морось прошла, на глазах редел туман, день обещал быть, к огорчению моряков, ясным, солнечным. Все отчетливее и громче со стороны Таллинна доносилась канонада, на берегу разгорался бой: дивизии 18-й немецкой армии, в который уже раз, начинали штурмовать главную базу Краснознаменного Балтийского флота. Уже начали просматриваться клубы черного дыма - Таллинн горел от артиллерийского обстрела и бомбардировок с воздуха. Справа мрачно выступал из пепельной воды финский остров Макелуотто. На нем находилась самая мощная финская дальнобойная батарея береговой обороны калибром 356 миллиметров. Ее восьмисоткилограммовые снаряды предназначались для крупных надводных кораблей

класса крейсеров и многотоннажных транспортов; а тральщики слишком маленькая и ничтожная цель. Но если бы финское морское командование знало о лежащем на палубах ценном грузе авиабомб, предназначенных для бомбардировки Берлина, оно приказало бы 356-миллиметровой батарее с острова Макелуотто открыть огонь и по малой цели, ведь союзники-немцы щедро бы возместили расход дорогостоящих снарядов.

За левый борт Ефимов не опасался, они теперь будут идти под прикрытием береговых батарей, расположенных на островах Нейсаар, Осмуссаар и Хиума. А вот с правого борта, со стороны моря, их могли атаковать затаившиеся на глубине немецкие подводные лодки. По семафору, переданному командиром отделения сигнальщиков старшиной 2-й статьи Большаковым, он попросил лейтенанта Сажнева взять мористее и своевременно оповещать тральщики об обнаруженных перископах подводных лодок. Патрульный катер тотчас прибавил ход и пошел справа параллельным курсом в полмиле от идущего головным БТЩ-203 "Патрон".

Немецкие бомбардировщики "Ю-88" появились, когда остров Нейсаар, закрывающий таллиннский рейд, остался далеко позади. Они летели со стороны эстонского берега, прикрываясь лучами приподнявшегося над береговой чертой солнца; с моря их не было видно.

- Справа по борту шум моторов самолетов! - доложил вахтенный сигнальщик краснофлотец Харламов.

- Сколько их? - спросил Ефимов.

- Не знаю, товарищ командир. Не видно из-за солнца. Но много.

Помощник командира тральщика лейтенант Спорышев взял морской бинокль и поднялся на ходовой мостик. До боли в глазах от слепящих солнечных лучей он всматривался в горизонт, пока не заметил немецкие бомбардировщики. Один, второй, третий...

- Три "юнкерса" курсом на тральщик, Михаил Павлович! - сообщил он командиру "Патрона".

- Начинается горячая пора,- произнес Ефимов.- Зенитные пулеметы - к бою! приказал он.

- Зенитные пулеметы к бою готовы! - тут же доложил командир зенитных расчетов старшина 1-й статьи Шохин. Краснофлотцы-зенитчики уже с рассветом стояли у своих пулеметов, в любой момент готовые отразить внезапную атаку немецких самолетов.

Головной "юнкерс" с резким снижением пошел наперерез "Патрону".

- Полный вперед! - передал Ефимов команду в машинное

отделение.- Самый полный!

Он намеревался упредить немецкий бомбардировщик, оставить его позади, но слишком маленькое расстояние между тральщиком и стремительно сближающимся "юнкерсом".

- Огонь! - закричал своим пулеметчикам старшина 1-й статьи Шохин, и тотчас к шуму моторов прибавилась резкая трескотня зенитных пулеметов. "Юнкерс", не ожидавший такого плотного встречного огня, прекратил снижение, его черное брюхо промелькнуло над ютом, и тут же за кормой выросли пять белых султанов вспененной воды, поднятых сброшенными бомбами.

- Пронесло! - вырвался вздох облегчения из груди лейтенанта Спорышева.

- Пулеметчики молодцы! Так держать! - передал он зенитным расчетам.

- Есть так держать! - за всех ответил возбужденный Шохин.

Два других бомбардировщика налетели на Т-289 и патрульный катер, а их ведущий уже разворачивался для второй атаки на "Патрон", теперь уже против хода, с носа.

- Внимательнее на руле! - Ефимов предупреждал командира отделения рулевых старшего краснофлотца Бойцова, что от него во многом будет зависеть уклонение корабля от бомб при атаках самолетов на встречных курсах.

Точно выйдя на курс, головного тральщика, "юнкерс" с высоты устремился вниз. Из боевой рубки казалось, что он вот-вот прошьет палубу с лежащими на ней авиабомбами, предназначенными для бомбардировки Берлина, и тогда конец. В тот момент, когда от фюзеляжа стали отделяться черные точки, Ефимов скомандовал:

- Лево на борт!

- Есть лево на борт! - продублировал Бойцов и быстро закрутил штурвал влево. "Патрон" изменил курс, и "юнкерс" промчался мимо: султаны-гейзеры вспененной воды выросли по правому борту метрах в пятидесяти от тральщика, не причинив никакого вреда.

Ефимов хотел было похвалить рулевого за сноровку и расторопность, но на тральщик уже шел в атаку второй бомбардировщик, а за ним заходил и третий. Немецкие летчики оставили в покое никчемную для них цель - патрульный катер лейтенанта Сажнева, решив основной удар нанести по самому крупному кораблю БТЩ-203 "Патрон".

- Право на борт!

Бойцов положил руль вправо. Всплески воды поднялись по левому борту.

- Лево на борт!..

Бомбы третьего "юнкерса" тоже легли в стороне.

Немецкие бомбардировщики на третий круг не пошли; видимо, кончился запас бомб. Они развернулись на восток и скрылись за солнцем.

- Отделались, как говорится, легким испугом, Михаил Павлович,- повеселел помощник командира тральщика лейтенант Спорышев.- А с точностью-то у фрицев туговато. Мазилы первостатейные,- пошутил он.

- Это у них примерочный налет,- объяснил Ефимов.- То ли еще будет...

- Думаете, они снова прилетят?

- Слева по борту три "Ю-88"! - донесся голос вахтенного сигнальщика Харламова.

- Уже летят! - усмехнулся Ефимов.

Второй налет был копией первого. Разве что немецкие летчики совершенно не обращали внимания на маленький патрульный катер, сосредоточив удары по двум тральщикам, главным образом по "Патрону".

Почти аналогичным был и третий удар с воздуха, к этому времени корабли уже достигли района Палдиски.

- Вот прилипли к нам! Как пчелы к бочке с медом. А у нас бочка ведь с порохом! - негодовал Спорышев.- Неужели узнали, какой бесценный груз мы доставляем на Сааремаа? - предположил он.- Авиабомбы для бомбардировки их любимого Берлина?!

- О нашем грузе немцам ничего не известно, это точно,- не согласился Ефимов.- Они же блокируют Моонзунд. И никого туда не пускают. В том числе и нас.

Ефимов вызвал в боевую рубку командира зенитных расчетов старшину 1-й статьи Шохина.

- Послушайте, товарищ старшина первой статьи, пора бы вашим пулеметчикам поубавить спесь "юнкерсам",- начал он разговор.- Ведь наглеют немецкие летчики до бесстыдства! Фюзеляжами чуть ли мачту не задевают?! Возьми камень, брось не промахнешься. А ваши зенитчики все мимо и мимо. Поди половину боекомплекта патронов истратили впустую.

- Волнуются, братишки, горячатся,- оправдывал своих подчиненных Шохин.- К тому же "юнкерсы" бронированные, чертяги. Отскакивают наши пули от брюха, как горох...

- Надо найти уязвимое место, старшина,- подсказал лейтенант Спорышев.- Вы же самый опытный пулеметчик у нас.

- Вот и покажите личный пример,- поддержал Ефимов своего помощника.- Хотя бы подбить одного. Опасаться бы тогда стали нас, не так прицельно бомбить.

Шохин до боли сжал кулаки, погрозил ими темной кромке берега, со стороны которой появлялись немецкие самолеты.

- Проучу я их все же, товарищ командир,- со злостью проговорил он.- Сам встану за пулемет. Хоть одного гада, но пущу на корм рыбам...

Четвертый налет немецких бомбардировщиков не заставил себя долго ждать. На этот раз вахтенный сигнальщик Харламов насчитал пять "Ю-88". Шохин подошел к баковой зенитной установке, отстранил от пулемета краснофлотца Мелехова.

- Дай-ка я попробую, браток. Авось мне повезет...

Первый "юнкерс" он примерил в прицел, нащупывая на нем наиболее уязвимую точку. Для острастки дал короткую очередь по нему. На втором бомбардировщике, атаковавшем тральщик, он уже точно определил точку прицеливания: моторы! Когда же третий "юнкерс" начал заход на "Патрон" и его правый мотор весь поместился в круглый зенитный прицел, он нажал гашетку и длинной очередью полоснул по бомбардировщику.

- Попали, попали, товарищ старшина! - закричал над ухом краснофлотец Мелехов.

Шохин оторвался от прицела, глаза его радостно блестели. "Юнкерс", оставляя длинный шлейф черного дыма, с трудом развернулся в сторону солнца и, едва достигнув береговой черты, грохнулся на землю.

- Получай, гад, сполна! - сквозь зубы процедил Шохин.- От моряков-балтийцев свинцовый привет, покойничек!..

В отместку за свой погибший самолет оставшиеся четыре "юнкерса" яростно набросились на корабли, атаки следовали одна за другой, и бомбы, казалось, чудом не попадали в палубы тральщиков.

- Еще бы одного угостить, товарищ старшина,- подзадорил Мелехов разгоряченного боем своего командира.

- Давай вместе попытаемся, браток,- проговорил Шохин, прилаживаясь к прицелу. Первый же бомбардировщик он встретил длинной очередью, но безрезультатно. Одна из бомб упала поблизости от борта, обдав его брызгами холодной воды. По второму самолету он уже начал стрелять короткими очередями, но снова мимо. Решил отказаться от моторов и прицеливаться в кабину летчика. Авось пули достигнут цели...

При заходе очередного "юнкерса" на бомбардировку "Патрона" он поймал в прицел кабину летчика и нажал на гашетку. Бомбардировщик проскочил рядом, не сбросив бомбы. Искрящиеся от солнечных лучей султаны воды поднялись почему-то далеко за кормой шедшего в кильватере Т-289.

- Подбили вы его, товарищ старшина, подбили! - закричал от

восторга Мелехов.- На воду садится, на воду!

Шохин видел, как подбитый им бомбардировщик вдалеке сел прямо на воду.

- А этот на корм балтийской рыбе отдадим,- произнес он с удовлетворением, уступая место за пулеметом Мелехову.- Становись на свое место, браток. Твоя очередь теперь...

Весь остальной путь по Балтийскому морю до пролива Муху, разделяющего острова Хиума и Вормси, проходил под беспрерывной бомбардировкой немецких самолетов. Пенистые столбы воды, поднятые взрывами бомб, кипели вокруг маневрирующих тральщиков, иногда каскады брызг обрушивались на палубы, и у моряков от мысли, что один из осколков вот-вот попадет в лежащие на палубе авиабомбы и те сдетонируют, разнесут корабль в щепки, становилось муторно на душе. Казалось чудом, что они все еще ухитряются увертываться от прямых попаданий. Видимо, злятся немецкие летчики от того, что цель ускользает от них, хотя они и производят бомбометание без помех со стороны истребителей прикрытия, почти как на полигоне. То ли нервы их начали сдавать или, до некоторой степени, пугал огонь зенитных пулеметов, на который напоролись два "юнкерса" и погибли, однако советские корабли казались для них словно заколдованными.

Оставили в покое БТЩ-203 "Патрон" немецкие бомбардировщики лишь у входа в пролив Муху: "юнкерсы" опасались зенитных батарей с островов Хиума и Вормси. К этому времени при маневре более быстроходный "Патрон" далеко оторвался от тихоходных Т-289 и патрульного катера. Помочь он им все равно не мог, и Ефимов решил один идти на Сааремаа, чтобы поскорее доставить морским летчикам предназначенные для Берлина авиабомбы.

При выходе на Кассарский плес заметили в стороне черный столб дыма догорала нефтеналивная самоходная баржа, выбросившаяся при ударах немецких бомбардировщиков на отмель.

- Не дошла все же баржа с бензином до Сааремаа,- посочувствовал лейтенант Спорышев.- А бухта Трииги ведь совсем рядом...

В боевую рубку поднялся из машинного отделения потный и раскрасневшийся командир БЧ-5 инженер-лейтенант Ванюхин.

- Красотища у вас тут! - жадно вбирал он в легкие свежий морской воздух.А у нас в машинном - Сахара!

- Не много осталось, всего ничего,- показал Спорышев на штурманскую карту.- Отдохнем скоро...

- Слева по борту курсовой сто двадцать немецкие самолеты! -

донесся голос вахтенного сигнальщика краснофлотца Харламова.- Шесть... нет, семь "Ю-88"...

- Отдохнули,- усмехнулся Ефимов.- Вот прилипли к нам! Не хотят отпускать.

В рубку ворвался взволнованный командир зенитных расчетов старшина 1-й статьи Шохин.

- Товарищ командир... патроны кончились, товарищ командир! Весь боекомплект израсходован. Стрелять нечем. Беда!..

Действительно, при таком интенсивном ведении огня никакого запаса патронов не хватит. Надо было чуточку поберечь их, но кто тогда подумал об этом, даже он, командир, не сделал этого. Зенитчики отражали атаки немецких бомбардировщиков, и это спасло тральщик. А сейчас без зенитного огня немецкие летчики обнаглеют и будут летать над самой палубой, пока не потопят корабль.

- Так уж ничего больше не осталось? - с надеждой спросил Ефимов.

- Ничего. Одни учебные, холостые патроны.

- Стрелять холостыми, старшина!

- Как это? - не понял Шохин.- Получится как в цирке,- нервно засмеялся он.

- Вот и устройте им сальто-мортале, так, кажется, циркачи свои трюки называют? - повысил голос Ефимов.- Разве немцы знают, какими патронами мы стреляем: боевыми или холостыми?

- Есть, товарищ командир, дошло! - осклабился Шохин и выскочил на палубу.

Ефимов повернулся к своему помощнику.

- Давай, пали из нашего главного калибра по "юнкерсам",- распорядился он.

- Как палить? - от удивления густые брови Спорышева полезли на лоб.- Наши же пушки не приспособлены для ведения огня по зенитным целям?!

- А ты немецким летчикам об этом скажи! - разозлился Ефимов.- А то они еще не знают!

- Понял, Михаил Павлович! - согласно закивал Спорышев и торопливо вышел из рубки.

Немецкие бомбардировщики построились в круг, и первый из них, ведущий, с резким снижением пошел с носа в атаку на "Патрон". Часто заухали корабельные пушки, затрещали зенитные пулеметы, но "юнкерс" не отвернул с курса атаки, пронесся над палубой, и тотчас четыре высоких султана пенистой воды выросли впереди тральщика. Рулевой старший краснофлотец Бойцов инстинктивно положил руль влево, стремясь обойти их

стороной. А на "Патрон" уже падал второй бомбардировщик; за ним готовились к атаке третий и четвертый. Ведущий "юнкерс" к этому времени взмыл ввысь и пошел на второй заход, пристроившись в хвост замыкающему бомбардировщику.

- Начинается свистопляска,- произнес сквозь зубы Ефимов.- Внимательнее на руле! - предупредил он Боицова, хотя и знал, что тот словно прирос к штурвалу, готовый в любую секунду выполнить его команду.

- Есть внимательнее на руле! - повторил Бойцов.- Поиграем сейчас в кошки-мышки...

Он быстро и ловко вращал штурвал вправо или влево, уклоняясь от вырастающих перед форштевнем водяных смерчей.

Командир БЧ-5 инженер-лейтенант Ванюхин вместо того, чтобы спуститься в машинное отделение, как загипнотизированный глядел на немецкие бомбардировщики и беспрестанно вырастающие вокруг тральщика султаны вспененной воды. Взгляд невольно уперся в лежащие на палубе авиационные бомбы, только теперь он по-настоящему осознал, что их "Патрон" фактически превратился в пороховую бочку, для взрыва которой было достаточно не только прямого попадания, но и небольшого осколка бомбы, разорвавшейся на воде рядом с бортом.

И вдруг мгновенно свет погас в его глазах, уши заложило грохотом мощного взрыва. Резкая боль в правом плече свалила его с ног. Инстинктивно поднялся, увидел корчащегося на четвереньках рулевого. Неуправляемый тральщик начал скатываться в сторону, и командир "Патрона", тоже раненный, окровавленными кистями рук крутил штурвал, выправляя курс.

- У самого борта взорвалась бомба. Крупного калибра,- сказал он приходящему в себя Ванюхину.- Ладно хоть, что осколками наш груз не задело. А то бы...- он не договорил, закусил губы от боли.

Осколками бомбы были поражены почти все, кто находился на верхней палубе, мостике и боевой рубке. Убит наповал пулеметчик краснофлотец Мелехов, ему снесло полчерепа. Вахтенному сигнальщику краснофлотцу Харламову разворотило весь правый бок, изранен осколками и его командир старшина 2-й статьи Большаков; у носового орудия мучился от тяжелых ран лейтенант Спорышев.

- Пробоина по ватерлинии! - поступил доклад от боцмана.

- Заделать пробоину! - приказал Ефимов, чувствуя, как от потери крови у него начинает кружиться голова.

Наверх поднялись военфельдшер и два санитара, начали торопливо перевязывать раненых. Вахтенному сигнальщику Харламову перевязка уже не потребовалась, он скончался от смертельных ран. Ефимов хотел заменить рулевого, но Бойцов, скрипя от боли зубами, вцепился руками в штурвал и ни за что не хотел уходить из боевой рубки.

Немецкие бомбардировщики, сбросив весь запас бомб на тральщик, улетели в сторону эстонского берега. Израненный экипаж опасался нового налета, но "юнкерсы", к счастью, больше не появлялись. До бухты Триигн дошли благополучно, но какова же была досада, что кораблю не разрешили встать к стенке под разгрузку. На Триигн часто налетали немецкие бомбардировщики, и все суда в дневное время находились в бухте, где они могли своим маневром уклониться от прицельного бомбометания. И лишь с наступлением темноты "Патрону" разрешили подойти к причалу.

Тральщик давно ожидал командир авиабазы майор Георгиади. Он бросился навстречу сошедшему на пирс раненому командиру "Патрона", с жаром обнял его.

- Генацвале... дорогой, спасибо за авиабомбы,- говорил он с благодарностью.- В самое время доставили! Теперь наши балтийские летчики отправят их строго по назначению - в Берлин! Понимаешь, генацвале, в Берлин!..

Осложнение обстановки

27 августа летающая лодка Че-2 из эскадрильи капитана Усачева во время разведки погоды по маршруту обнаружила на траверзе Либавы фашистский транспорт очень большого водоизмещения. Его сопровождали два сторожевых корабля. Проследив их курс, Усачев определил, что транспорт шел в Ригу.

Вернувшись, Усачев доложил о замеченных гитлеровских кораблях Преображенскому. Полковник, в свою очередь, позвонил Охтинскому по телефону и сообщил о движении немецких судов.

- Евгений Николаевич, это же ваша цель,- сказал Охтинский.

- Цель действительно наша,- согласился Преображенский.

- Так ударьте по ней! Пустите транспорт на дно,- предложил Охтинский.

- Торпед у нас нет, Алексей Иванович.

- А вы бомбами. Этот вопрос с генералом Елисеевым я согласую. А если надо - комфлоту в Таллинн позвоним,

- Зачем беспокоить комфлота? Сами решим...

В самом деле, огромный фашистский транспорт с оружием, техникой и боеприпасами, предназначенными для снабжения группы армий "Север",- очень заманчивая цель. Пока дальние бомбардировщики проходят профилактический ремонт перед очередным налетом на Берлин, можно ударить по транспорту, благо расстояние до него небольшое. Сейчас немецкие корабли где-то в районе Виндавы.

Преображенский выделил звено ДБ-3, назначив ведущим заместителя командира эскадрильи капитана Есина. Ведомыми летели лейтенанты Юрин и Русаков. Прикрывать дальние бомбардировщики от возможного налета гитлеровских истребителей должны были два звена "чаек". Их вызвался вести сам командир 12-й отдельной Краснознаменной истребительной авиационной эскадрильи майор Кудрявцев.

Взлетели в четвертом часу дня. "Чайки" шли метров на семьсот выше бомбардировщиков, причем одно звено несколько впереди их, а другое - сзади. При таком построении можно было отразить внезапное нападение немецких истребителей с любого направления.

Над головой - клочкастые облака. Где-то за ними спряталось солнце. Лишь справа, на самом горизонте, его лучи прорывались на поверхность моря и играли на перламутровых гребнях волн.

Гитлеровские корабли Кудрявцев заметил сразу. Один из них - длинный и широкий - явно транспорт, а два других, значительно меньше по размерам,сторожевики. Они черными коробочками отчетливо выделялись в густой синеве моря, и за ними тянулась белая пенистая полоса взбитой винтами воды.

По замыслу Кудрявцева, если в воздухе не будет немецких истребителей, одно звено "чаек" должно предпринять отвлекающий маневр с тем, чтобы заставить сторожевые корабли вести зенитный огонь только по

ним. Тогда дальние бомбардировщики смогут прицельно отбомбиться по транспорту.

Кудрявцев огляделся. Вражеских истребителей не было.

- "Чайки", начать работу,- приказал он.

Первое звено "чаек", упреждая ДБ-3, пошло на снижение. На кораблях заметили краснозвездные истребители, и сторожевики тут же окутались сизым дымом: открыли огонь их зенитные

орудия. В небе тотчас появились серые лохматые шапки от разрывов снарядов. Их было так много, что Кудрявцев потерял из виду головной сторожевик. "Чайки" сбросили малокалиберные бомбы. Огонь зениток в ответ еще больше усилился.

Кудрявцев не участвовал в отвлекающем маневре первого звена, Он следил за воздухом. Гитлеровских истребителей по-прежнему не было. Это облегчало выполнение задачи бомбардировщикам.

Капитан Есин понял замысел сопровождающих истребителей. Первый ДБ-3 лег на боевой курс, пошел на резкое снижение. Кудрявцев увидел, как вокруг бортов неповоротливого транспорта выросли четыре огромных султана поднятой взрывами воды.

Бомбы легли рядом с целью. Неудача. ДБ-3 взмыл вверх. А на транспорт стал пикировать второй бомбардировщик. Опять белоснежные всплески по бортам. Но одна из бомб угодила прямо в палубу, и транспорт задымил.

Сторожевые корабли сосредоточили весь огонь на третьем ДБ-3, который начал атаку. Огонь велся беспрестанно, шапки стеной вырастали перед бомбардировщиком. Однако ДБ-3 упрямо шел на цель, не сворачивая.

Атака оказалась успешной: в транспорт угодили сразу две бомбы. Вспыхнул пожар. Судно медленно погружалось в воду.

- "Чайки", конец работе, конец,- сказал Кудрявцев.

Следовало возвращаться на аэродром, бомбардировщики уже легли на обратный курс.

- "Мессеры"! В воздухе "мессеры"! - раздался в наушниках Кудрявцева голос одного из ведомых.

Комэск огляделся. Где же они? Да вон сзади. Сколько их? Тоже шесть... Видимо, сторожевые корабли вызвали свою истребительную авиацию, и вот теперь "мессершмитты" попытаются отомстить за транспорт.

- "Чайки"! "Чайки"! Отрезать "мессеры" от бомбардировщиков! - приказал Кудрявцев.

Замыкающее звено "чаек" тотчас развернулось и смело пошло навстречу врагу. Кудрявцев хотел было броситься им на помощь, но его остановил, тревожный голос в наушниках:

- "Мессеры" слева!..

Комэск увидел три "мессершмитта", вывалившиеся из-за облаков. Они перерезали ДБ-3 курс, атакуя головной бомбардировщик капитана Есина.

- Э-эх, черт! - выругался Кудрявцев, поняв маневр вражеских летчиков. Пока их первая группа отвлекала на себя внимание "чаек", вторая, притаившаяся за облаками, теперь стремительно вышла на курс атаки.

- "Чайки"! Атакуем вторую группу "мессеров"! - приказал Кудрявцев своим ведомым и устремил свой истребитель на "мессершмитт", который приближался к самолету Есина. В скорости "чайки" значительно уступали "мессершмиттам", и Кудрявцев боялся, что не успеет перерезать путь немецкому истребителю. Он не сумел отсечь головной "мессершмитт". От него потянулась искрящаяся цепочка трассирующих пуль и уперлась в ДБ-3 капитана Есина. Бомбардировщик вспыхнул, за хвостовым оперением потянулся шлейф густого дыма.

"Мессершмитт" не остался безнаказанным. Сразу две "чайки" полоснули по нему из пулеметов. Он тоже задымил и пошел вниз вслед за ДБ-3. Кудрявцев видел, как бомбардировщик, подняв огромный фонтан воды, скрылся в пучине. Рядом с ним врезался в море "мессершмитт". Другие два фашистских летчика, видя гибель своего ведущего, устремились в спасительные облака.

Кудрявцев направил свой истребитель на помощь первому звену, но там бой уже кончился. Один из "мессершмиттов", оставляя за собой дымную полосу, из последних сил тянул со снижением в сторону латвийского берега. Недоставало и одной "чайки"...

Капитан Комаров, скрепя сердце, написал в журнале боевых действий:

"27.08.41. ДБ-3 No 391127. Есин, капитан - летчик. Хабибулин, лейтенант-штурман. Нянкин, краснофлотец - стрелок-радист.

Сбит в воздушном бою в районе Виндавы "бомбоудар по транспорту противника". Экипаж погиб. Транспорт потоплен".

Комендант Береговой обороны Балтийского района генерал-майор Елисеев получил срочную радиограмму от командующего КБФ вице-адмирала Трибуца.

"Во исполнение приказа Главнокомандующего войсками Северо-Западного направления для облегчения положения Таллинна нанести удар во фланг коммуникации противника, действующей из Пярну на Таллинн. Удар осуществить с помощью части сил гарнизона Сааремаа в направлении с Виртсу на Пярну или на Марьямаа. Второй удар нанести частью сил гарнизона Хиума от Хаапсалу в направлении на Марьямаа..."

Елисеев сомневался, что десант принесет ощутимую пользу. Едва ли он сможет пробиться к Таллинну, который штурмовали дивизии 18-й немецкой армии. По сведениям разведки, в Пярну сосредоточивалась новая резервная дивизия противника. Конечно же, враг непременно бросит ее на моонзундцев, отрежет десанту обратный путь на острова и приложит все усилия, чтобы не допустить его к Таллинну.

Однако приказ надо было выполнять. Елисеев выделил в десант два стрелковых батальона, усиленных артиллерийскими батареями и пулеметными ротами с острова Сааремаа, и стрелковый батальон, усиленный артиллерийской батареей и минометной ротой с острова Хиума. Высадившись на материк, эти группы должны были соединиться севернее станции Лихула и в дальнейшем действовать вместе.

В ночь на 25 августа десант форсировал пролив Муху-Вяйн и без потерь высадился в Виртсу, откуда начал наступление на север, на станцию Лихула. А на другой день на пристань Рохукюла высадился десант с острова Хиума, начав продвижение через городок Хаапсалу в направлении станции Паливере.

Днем 28 августа десантники выбили гитлеровцев из Лихулы и Паливере. Однако дальнейшее наступление им пришлось прекратить - в этот день был оставлен Таллинн, корабли Краснознаменного Балтийского флота по Финскому заливу пробивались в Кронштадт.

Гитлеровское командование бросило против моонзундцев части 291-й дивизии с задачей во что бы то ни стало отрезать оба отряда от островов. Ценой огромных потерь десантники сдерживали наседавшего врага. Лишь третьей части состава десантных отрядов удалось вернуться на острова, остальные геройски пали в неравных боях. Десант на материк значительно ослабил островной гарнизон, ведь пополнения ждать было неоткуда.

Все это Преображенский узнал от Елисеева, приехав к нему в Курессаре.

С падением Таллинна обстановка для архипелага чрезвычайно ухудшилась. Линия фронта теперь отстояла на 400 километров. Острова блокированы со стороны материка, с моря и воздуха. Прекратилась доставка авиационного топлива и боеприпасов. Отныне приходилось лимитировать каждый килограмм горючего и считать каждую бомбу.

Теперь ничто не помешает командованию группы армий "Север" бросить освободившиеся силы 18-й армии на Ленинград и оставшийся в тылу немецких войск гарнизон Моонзундского архипелага.

Разведчикам 3-й отдельной стрелковой бригады и эстонского истребительного отряда удалось захватить в плен офицера связи. Из найденных у него оперативных документов 61-й немецкой дивизии генерала Хенеке стало известно о подготовке врага к "Дню Х" - началу операции "Беовульф II".

Командовать войсками, выделенными для захвата островов Моонзундского архипелага, было приказано командиру 42-го

армейского корпуса генералу инженерных войск Кунце. Штаб группы армий "Север" выделил ему 61-ю и 217-ю дивизии, группу капитана Бенеша из 800-го полка особого назначения "Бранденбург" и егерский батальон.

В группу артиллерии поддержки входили четыре отдельных дивизиона тяжелой артиллерии, три батареи береговой артиллерии, 11-й полк зенитной артиллерии и легкая зенитная батарея на пароме "Зибель".

Инженерное обеспечение осуществляли саперный батальон, усиленный строительный батальон, понтонный парк, три отряда штурмовых ботов и саперно-десантная рота, насчитывающие около трехсот ботов, больших и малых десантных катеров.

К операции привлекались крупные силы немецкого надводного флота и почти весь финский военно-морской флот. Под флагом командующего охраной Балтийского моря должны были действовать крейсеры "Эмден", "Лейпциг" и "Кельн". Другим крупным соединением являлась 2-я флотилия миноносцев. Под флагом командующего тральными силами группы военно-морских сил "Север" - были 1-я флотилия тральщиков и 1-я флотилия тральщиков-искателей. На испытательное соединение Балтийского моря, насчитывающее около ста самоходных паромов, барж, катеров, буксирных караванов, вспомогательных судов и семь плавучих батарей, возлагалось десантирование пехотных частей и артиллерии на острова.

Кроме этих сил в операции намечалось использовать 2-ю и 3-ю флотилии торпедных катеров и финские броненосцы береговой обороны "Ильмаринен" и "Вейнемайнен", минный заградитель "Бруммер", пять сторожевых кораблей и до полутора десятков катеров, буксиров и ледоколов.

В группу авиационного обеспечения под руководством командующего авиацией Балтийского моря вошли 806-я и первая группа 77-й бомбардировочных эскадр "Юнкерс-88", вторая группа 26-й эскадры истребителей-бомбардировщиков "Мессершмитт-110", две эскадрильи истребителей "Мессершмитт-109", 10-й зенитный полк и 10-й полк связи ВВС.

Двум вражеским пехотным дивизиям противостояли два стрелковых полка на островах Сааремаа и Муху и два стрелковых батальона на островах Хиума и Вормси, немецкому и финскому военно-морским флотам - дивизион торпедных катеров и дивизион малых катерных тральщиков, а эскадрам бомбардировщиков и истребителей - оставшиеся в строю девять "чаек" 12-й отдельной Краснознаменной истребительной авиационной эскадрильи, главной задачей которых продолжало оставаться обеспечение налетов авиагруппы особого назначения

на Берлин.

По артиллерии силы противоборствующих сторон были примерно равными. Однако почти все береговые стационарные батареи располагались на западном побережье островов и не могли принять участия в борьбе с плавсредствами противника во время форсирования десантом проливов.

Преображенского прежде всего беспокоило огромное количество бомбардировочной и истребительной авиации противника. Такая армада против двух дюжин ДБ-3 и "чаек"! Бомбардировка Кагула и Асте продолжалась с утра до вечера, взлетно-посадочная полоса вся в глубоких воронках, их не успевали заравнивать, из-за чего бомбардировщики не могли подниматься в воздух.

Приходилось терпеливо ждать конца затянувшейся воздушной осады, должны же гитлеровские летчики когда-нибудь успокоиться. К счастью, бомбы пока не причинили вреда надежно замаскированным ДБ-3.

И все же в основном дальнейшее осуществление налетов на Берлин зависело от стойкости островного гарнизона. Чем дольше моонзундцы не пустят немцев на острова, тем больше ударов смогут ДБ-3 нанести по фашистской столице.

- Сколько времени вы думаете продержаться на островах, товарищ генерал? спросил Преображенский.

Елисеев усмехнулся, по привычке потрогал пальцами клинышек седой бородки.

- На сколько хватит сил, товарищ полковник,- неопределенно ответил он.- Вы теперь в курсе всей обстановки.

- Да, обстановка отвратительная...

- Одно скажу: еще не одну неделю будем драться. Просто так мы советские острова не отдадим. Фашисты еще поломают о них зубы.

Преображенский простился с Елисеевым. Генерал проводил его до двери.

- Продолжайте бомбить Берлин, Евгений Николаевич. Все, что зависит от нас для обеспечения ваших полетов, мы сделаем,- заверил он.

Восьмой налет на Берлин

Старший политрук Поляков через Оганезова получил переводы еще двух писем жительниц Берлина, посланных жениху и мужу на фронт, которые, как и солдат Эрнст Реннинг, сложили свои головы под Ленинградом. Поляков тут же размножил текст на пишущей машинке и раздал экипажам и в подразделения обслуживания. Один экземпляр он отнес Преображенскому.

- Очень кстати,- похвалил полковник.- Перед полетом всегда

приятно прочесть письмецо, хоть и чужое.

- Почему чужое? - усмехнулся Поляков.- Пишут же про нас, про нашу работу.

Первый лист был с письмом невесты к жениху.

"Мой милый Генрих, пишет твоя невеста. Мы сидим в подвалах. Я не хотела тебе писать об этом... Здесь взрывались бомбы. Разрушены многие заводы. Мы так измучились и устали, что просыпаемся только в момент разрыва бомб. Вчера с половины двенадцатого и до половины пятого утра хозяйничали летчики. Чьи? Неизвестно. Всякое говорят. Нам было очень плохо. Я начинаю бояться каждой ночи. С Брунгильдой мы пошли в бомбоубежище. Там сказали, что это были русские летчики. Подумай только, откуда они летают! Скажу тебе, что у нас каждую ночь воздушная тревога. Иногда два или три раза в ночь. Мы прямо-таки отчетливо слышим, как русские ползают над нашими головами. Они бросают адские бомбы. Что же будет с нами, Генрих? Твоя Луиза".

На втором листке был перевод письма к мужу.

"Дорогой и любимый Курт! Сегодня, после маленького перерыва, мы снова в бомбоубежище: в первый раз от двенадцати до двух часов, потом еще раз с трех часов. К сожалению, сигнал воздушной тревоги дают слишком поздно, когда самолеты уже прилетают и сбрасывают бомбы. С субботы на воскресенье бомбили наш Берлин, и с воскресенья на понедельник бомбили, и с понедельника на вторник бомбили. Прилетают русские и англичане в неделю столько раз, сколько эта кошмарная неделя содержит в себе рабочих дней, не исключая воскресенья. Весело нам теперь живется!.. Целую тебя, твоя Хильда".

Преображенский вернул листки старшему политруку.

- Это хорошо, что берлинские женщины пишут такие правдивые письма на фронт,- сказал он.- Немецкие солдаты будут знать, что их варварские действия против советских людей безнаказанными не останутся. Вот и сегодня мы еще раз напомним в Берлине о возмездии!..

Интенсивность бомбардировок немецкой авиацией аэродромов Кагул и Асте к концу месяца снизилась. Видимо, гитлеровцы посчитали, что их бомбы разбили все советские бомбардировщики. Однако ДБ-3 нисколько не пострадали. Вражеские летчики так и не нащупали их стоянки.

В ночь на 1 сентября Преображенский назначил очередной налет на Берлин. Правда, почти все самолеты авиагруппы из-за различных неполадок в двигателях не могли без риска достичь фашистской столицы. Поэтому решено было часть ДБ-3 направить на запасные цели: первую группу - на Мемель, вторую - на

Кенигсберг, третью - на Данциг. И лишь самолеты, двигатели которых надежны в работе, послать на главную цель - Берлин. Таким образом в одну ночь будут охвачены бомбардировкой сразу четыре вражеских города.

Лететь предстояло самолетам только морской авиагруппы. Армейская авиагруппа особого назначения вчера закончила свои боевые действия на острове. Последние три ДБ-3ф майора Щелкунова, капитана Юспина и старшего лейтенанта Семенова улетели на Большую землю. Туда же перебазировались и летающие лодки Че-2 капитана Усачева. И странное дело - аэродром Асте гитлеровские летчики тут же прекратили бомбить. Это еще раз говорило о том, что фашистская агентура действовала вовсю.

Взлетали группами, в зависимости от дальности цели. Первой за час до захода солнца поднялась группа самолетов, следующих на Берлин. Через полчаса стартовало звено, идущее на Данциг. Еще через полчаса - на Кенигсберг. Последними - два ДБ-3 на Мемель.

- До цели осталось пять минут,- услышал в шлемофоне лейтенант Мильгунов голос штурмана.

Самый важный и ответственный момент за все время длительного полета - это сброс бомб на цель. Надо быть предельно внимательным и точным. Ведь не зря же ты летел в такую даль, преодолевая огненные заслоны и рискуя жизнью. Главное поразить цель. Вот и теперь всего через несколько минут цель будет поражена. Вокруг, хотя и реже, продолжают рваться зенитные снаряды, но скоро их не будет вовсе: над Берлином, как правило, немецкая зенитная артиллерия огонь не вела. Она уступала место истребителям.

Вдруг слева донесся удар, словно самолет наскочил левым крылом на какое-то препятствие. Бомбардировщик резко качнуло, левый двигатель заглох.

- Под мотором взорвался зенитный снаряд,- доложил стрелок-радист младший сержант Кулешов.

Мильгунов впился глазами в левый двигатель. Если осколки пробили топливный бак, то может случиться пожар. Тогда гибель неминуема. Длинны, ох как длинны и тягостны эти две-три секунды, решающие судьбу экипажа. За эти мгновения в сознании стремительно возникают планы дальнейших действий: выброситься на парашютах или рвануться вместе с самолетом на цель? В обоих случаях - смерть, но жизнь надо отдать как можно дороже. Значит, нельзя расставаться с машиной.

Предательский огонь слева не появился, и Мильгунов расслабился. Выходит, осколки не задели ни топливный бак, ни

бензопровод. Но все же они попали в двигатель, скорее всего в цилиндры, и заклинили их.

- Командир, надо поскорее избавиться от бомб,- посоветовал штурман лейтенант Чубатенко.

Штурман прав. В создавшейся аварийной обстановке следовало немедленно облегчить самолет и развернуться на обратный курс. Но цель так близка! И не какая-нибудь, а авиационный завод.

- Сколько до цели?

- Минуты три...

Мильгунов прислушался к работе правого двигателя. Звук нормальный, мотор тянул хорошо. Он вспомнил, что майор Щелкунов отбомбился по заданной цели, тоже идя на одном моторе.

- Идем на большой риск,- предупредил Чубатенко, не понимая молчания командира экипажа.

- Риск, говорят, благородное дело,- ответил Мильгунов.- Давай на цель. Рядом же!

- Ну и даешь ты, командир...

- Меньше слов, штурман. Уточняй боевой курс.

Чубатенко понял, что разубеждать командира экипажа напрасно. Да в душе он и сам был согласен с его решением. Опасность упасть на землю велика, зато бомбы пойдут не куда попало, а точно на цель - авиационный завод. Игра стоит свеч.

- Цель! - выдохнул, выкрикнул он.

- Пошел!..

Бомбы полетели на скрытый в темноте завод. Мильгунов тут же начал разворот на обратный курс.

- Попали, попали! - закричал обрадованный стрелок-радист.

Надо еще преодолеть огненные кольца. Озлобленные неудачей, гитлеровские зенитчики теперь стреляли из орудий особенно рьяно, стремясь хотя бы на обратном пути сбить советские бомбардировщики. Спасение от их огня - высота и облака. В высоту один мотор тяжелую машину не тянул, скорость заметно упала, а облака, как на грех, попадались редко. Они обычно нависали над морем. Скорее бы долететь до них и избавиться от беспрестанно рвущихся вокруг снарядов.

- Проскочим?! - скорее сам себе задал вопрос Мильгунов.

- Конечно,- заверил штурман.- Уж если из такой передряги вышли целыми и невредимыми, то тут тем более.

- Так и сделаем...

Территория Германии, а с ней зенитки и прожектора остались наконец позади. Внизу море, скрытое ночной мглой и густыми облаками. Все внимание - на работу единственного мотора, от

него одного зависело спасение. А до Сааремаа еще так далеко, с пониженной скоростью больше трех часов лета...

Как и обычно, в ночь налета на Берлин на аэродроме никто не спал. Инженеры, техники, мотористы, оружейники с нетерпением и волнением ждали возвращения экипажей. Комаров, как всегда, находился в штабной землянке, где они раньше вместе с генерал-лейтенантом Жаворонковым коротали ночи и по карте следили за примерным местонахождением самолетов. И сейчас, уже по привычке, Комаров, зная время полета и скорость ДБ-3, делал пометки по линии маршрута от Кагула до Берлина.

Первыми возвратились два самолета, бомбившие Мемель.

Примерно через час появилась группа ДБ-3, осуществлявшая налет на Кенигсберг. А перед рассветом, когда только-только начинала алеть робкая полоска утренней зари, вернулись самолеты, сбросившие бомбы на морской порт Данциг. Комаров радовался: все экипажи возвратились, хотя некоторые летчики и жаловались на неустойчивую работу двигателей, особенно те, кто летал на Мемель.

Утренняя заря разгоралась на глазах. Из алой полоска превратилась в огненно-красную. Она ширилась, росла, расплавляя край неба. И вот уже солнце из-за горизонта брызгами ярких лучей окропило вначале вершины деревьев, а потом и влажную от росы землю.

Самолеты из Берлина начали появляться, когда солнце уже оторвалось от горизонта.

"Один... Второй...- считал про себя Комаров.- А где же третий и четвертый? Ведь всего на Берлин полетело четыре машины!"

Самолеты садились поспешно, чувствовалось, что летчики страшно устали. Едва ступив на землю, они буквально валились на траву и засыпали.

Наконец появился третий бомбардировщик. Стоящий рядом с Комаровым старший инженер Баранов определил, что летит он на одном моторе, видно, здорово ему досталось над Берлином. Но чей самолет: лейтенанта Мильгунова или лейтенанта Русакова?

Подбитый ДБ-3 между тем пошел на посадку с первого захода, на второй круг идти у него возможности не было. По бортовому номеру определили: возвращается машина лейтенанта Мильгунова.

Бомбардировщик тяжело стукнулся колесами шасси о грунтовую полосу, высоко подскочил и снова ударился о землю. Погасив скорость почти в конце посадочной полосы, Мильгунов развернул самолет, подрулил к старту, остановил мотор. К нему подошли Комаров и Баранов.

- Почему задержались? - спросил Комаров.

- На зенитный снаряд напоролись,- ответил Мильгунов.

- Два цилиндра осколками заклинило в левом моторе,- определил Баранов.

- А мы уж думали...- Комаров прижал к себе лейтенанта.- Молодец, дотянул. Теперь - отдыхать, эмка ждет вас.

- Все прилетели? - поинтересовался Мильгунов. Это был первый вопрос всех летчиков после посадки. Каждый беспокоился о судьбе боевых друзей.

Комаров опустил голову, тяжело вздохнул. Потом тихо проговорил:

- Лейтенанта Русакова еще нет...

- Прилетит сейчас,- попытался успокоить начальника штаба авиагруппы Мильгунов, сам не веря в свои слова. Уж если они на одном моторе успели прийти, то Русаков на двух-то давно уже должен был приземлиться. Неужели с ним случилось непоправимое?..

А четвертого самолета все не было. Комаров, напрягая зрение, пристально глядел на юго-запад, откуда должна появиться машина. Прошли томительные полчаса, час, полтора... По расчетам, горючее у невернувшегося самолета лейтенанта Русакова давно кончилось. Где же он мог быть? Сбит над Берлином или на подходе к нему? Сделал вынужденную посадку в Балтийском море или на территории, занятой врагом? Не давала покоя горькая мысль: "Войны без жертв не бывает".

В разделе потерь журнала боевых действий Комаров вынужден был сделать очередную запись:

"1.09.41. ДБ-3 No 391115. Русаков, лейтенант - летчик. Шилов, лейтенант штурман. Саранча, краснофлотец - стрелок-радист.

Не вернулся с боевого задания (бомбоудар по г. Берлин). Судьба экипажа и самолета неизвестна".

Из сообщения газеты "Правда":

"В ночь на 1 сентября имел место налет советских самолетов на район Берлина, на Кенигсберг, Данциг и Мемель.

На военные и промышленные объекты Берлина, Кенигсберга, Данцига и Мемеля сброшены зажигательные и фугасные бомбы. Во всех названных городах наблюдались пожары и взрывы.

Все наши самолеты, кроме одного, вернулись на свои базы"

Из сообщения ТАСС о результатах налетов на Берлин советской и английской авиации:

"Лондон, 2 сентября (ТАСС). Корреспондент газеты "Дейли мейл" сообщает из Лиссабона, что, по сведению лиц, прибывающих туда из Германии, в результате налетов советской

и английской авиации в Берлине причинены значительные разрушения. Разрушены 3 корпуса Штеттинского вокзала и серьезно поврежден Потсдамский вокзал. Разрушено также много зданий на Шарлоттенбург-аллее. Железнодорожное движение расстроено. Пассажирское движение даже по главным железнодорожным магистралям происходит с большими перебоями".

Девятый налет на Берлин

Аэродромная команда и технический состав выбивались из сил, заравнивая многочисленные воронки на взлетно-посадочной полосе. Немецкие бомбардировщики почти постоянно висели над аэродромом, периодически их сменяли истребители. Все, что могло гореть,- уже сгорело, в том числе и ангар. Зенитные батареи сбили еще два "юнкерса" и повредили "мессершмитт", но досталось и им. Одна батарея была выведена из строя полностью - бомбы падали на самой огневой позиции, на второй - осколки угодили в два орудия, которые теперь требовали ремонта. Лишь третья зенитная батарея могла вести огонь, однако он был малоэффективен. Едва зенитчики начинали стрельбу, как на них устремлялись "юнкерсы", засыпая огневую позицию малокалиберными бомбами. Бесполезно было вступать в воздушный бой и оставшимся восьми "чайкам". "Мессершмитты" всегда сопровождали свои бомбардировщики, и появлялись они большими трупами - до шестнадцати самолетов. Схватка была бы далеко не равной, и "чайки" в конце концов были бы сбиты все, а они требовались для обеспечения взлета и посадки дальних бомбардировщиков. Поэтому целесообразнее была тактика выжидания, тем более что ни одна вражеская бомба не попала в ДБ-3 и личный состав тоже не пострадал.

Очередной, девятый налет на Берлин Преображенский назначил в ночь на 5 сентября. К этому времени инженеры, техники и мотористы отремонтировали двигатели на всех самолетах. Половина из них брала на внешнюю подвеску по одной ФАБ-500, другие - по ФАБ-250, а зажигательные пятидесятки и фугасные сотки загружали в бомболюки.

Взлетали за полчаса до темноты, опасаясь появления вражеской авиации. Два звена "чаек" поднялись заблаговременно в воздух, достигли Рижского залива. От них поступило сообщение: "Немецких истребителей и бомбардировщиков не обнаружено. Можно взлетать".

На взлет шли звеньями с промежутками в двадцать минут - с тем чтобы как можно дольше воздействовать на Берлин. На старте самолеты провожали Комаров и Поляков.

- Иду на Берлин! - сообщили по радио с флагманской

машины, и первое звено взяло курс на юго-запад.

Взлетело второе звено и быстро скрылось в сгущающихся сумерках.

Комаров и Поляков возвратились в штабную землянку. Потянулись напряженные часы в ожидании возвращения экипажей. Жизнь на аэродроме словно замерла, хотя, как всегда, в ночь вылета никто не спал. С тревогой ждали утра: как бы раньше своих бомбардировщиков не появились над Кагулом вражеские самолеты. Почти выработавшие горючее и израсходовавшие боезапас ДБ-3 не смогут противостоять им. "А "чаек" осталось так мало, что едва ли им удастся отразить массированные атаки "мессершмиттов".

Все было как и при прежних налетах на Берлин. Противовоздушная оборона немцев находилась в полной готовности и шквалом огня дальнобойной зенитной артиллерии встретила советские самолеты, едва те оказались в воздушном пространстве над территорией Германии. Особенно доставалось флагманскому дальнему бомбардировщику. Именно по нему был сосредоточен главный удар. Полчаса полета от Штеттина до Берлина самолет как будто не летел в воздухе, а мчался с бешеной скоростью по ухабистой дороге. Его беспрестанно трясло и бросало то вверх, то в стороны взрывными волнами от густо и часто рвущихся поблизости от фюзеляжа и плоскостей зенитных снарядов. Серые шапки разрывов, подсвеченные с земли лучами прожекторов, были хорошо видны и устрашающе действовали на нервы летчиков. Возникало непреодолимое желание немедленно их обойти, но они неотступно следовали за самолетом, какой бы маневр тот не делал.

Так было в первых налетах на Берлин и с полковником Преображенским. Теперь же он почти равнодушно взирал на беспрестанно вспыхивающие и тут же гаснущие огненные шапки разрывов. Гораздо опаснее для него была встреча с немецкими ночными истребителями-перехватчиками, которые, словно быстрокрылые осы, сновали вокруг бомбардировщика, лучами фар-прожекторов нащупывая в темноте свою жертву. И на этот раз не удалось миновать их заслоны. Зенитная артиллерия вдруг одновременно прекратила вести огонь, боясь поразить свои истребители, и от стрелка-радиста сержанта Кротенко и воздушного стрелка старшего сержанта Рудакова тут же поступили доклады:

- Ночник справа в верхней полусфере!

- Немецкий истребитель слева в нижней полусфере!..

В иссиня-темном небе немецких ночных истребителей было легко обнаружить по движущимся длинным полоскам яркого

света: они летали в поисках советских бомбардировщиков с включенными фарами-прожекторами. Таких полосок оказалось много, видимо, немецким летчикам был дан строгий приказ во что бы то ни стало преградить путь советским самолетам к Берлину и особенно не пропустить идущий головным бомбардировщик.

- Командир, Евгений Николаевич, да ночников сегодня тьма-тьмущая! воскликнул удивленный Хохлов.

Преображенский и сам понимал, что проскочить незамеченным среди барражирующих на высоте ДБ-3 немецких ночных истребителей едва ли удастся. Слишком их много. Достаточно одному нащупать своим лучом дальний бомбардировщик, как остальные увидят цель и вцепятся в нее со всех сторон.

- Попробуем проскочить под ночниками,- произнес Преображенский, что означало снижение до пяти с половиной тысяч метров. Ниже опускаться нельзя напорешься на поднятые немцами аэростаты заграждения. Истребители на такую высоту не пойдут, опасаясь столкновения с собственным заграждением. На это и рассчитывал Преображенский, хотя и сам рисковал быть зацепленным аэростатом. Но ведь из двух зол всегда выбирают меньшее. Сейчас опаснее были ночные истребители-перехватчики.

Флагманский дальний бомбардировщик резко пошел на снижение. Маневр удался, ночные истребители роем продолжали кружить на прежней высоте. Однако как только ночники остались далеко позади, с притаившейся земли часто-часто замигали точки огней: открыли огонь зенитные батареи. Преображенский тут же начал набирать спасительную высоту - семь тысяч метров, на которой вероятность попадания в самолет сравнительно не велика.

И на этот раз маневр удался, немецким летчикам и зенитчикам трудно было разгадать замысел советского пилота.

- Подходим к Берлину! - повеселел Хохлов, радуясь, что так удачно Преображенский преодолел заградительную зону, выставленную немецкой противовоздушной обороной на подступах к своей столице.

- Поточнее бы теперь, Петр Ильич,- попросил Преображенский.- Ни одна бомба не должна лечь в стороне от цели.

- Да уж постараюсь, командир!..

Цель флагманскому ДБ-3, как и раньше, предназначалась особо важная правительственный квартал с резиденцией Гитлера. Задание Сталина Преображенский обязан был выполнить, хотя

рассчитывать на какой-либо даже малозначимый успех едва ли возможно. Слишком сложны условия для бомбардировки, ведь фактически бомбометание по резиденции Гитлера производится вслепую. Прежние бомбардировки правительственного квартала, скорее всего, результатов никаких не дали. Может быть, повезет сегодня, и ФАБ-500 взорвется среди зданий?

- Под нами Берлин! - весело, с задором сообщил Хохлов и неожиданно пропел частушку, которую артистки Валентина Телегина и Вера Богданова исполнили для летчиков на праздничном концерте в День Воздушного Флота:

Гитлер стонет на постели,
Не дает заснуть кошмар.
Преображенский над Берлином
Мощный надо ждать удар!

- Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела!- усмехнулся Преображенский.

- Не съест, командир. Подавится. Моим ключом-талисманом подавится.

- Значит, на месте волшебный ключ?

- А как же? Он без меня никуда. Вернее, я без него...

Преображенский беззвучно засмеялся:

- Тогда успех нам обеспечен.

Последние минуты до подхода к цели. Теперь уже не до шуток, напряжение растет. Хохлов весь внимание, от него одного зависел вывод ДБ-3 точно на цель. Преображенский мгновенно выполнял передаваемые им коррективы; сейчас строжайше надо выдержать рассчитанные штурманом курс, скорость и высоту полета.

- Боевой!

- Есть боевой!

- Так держать!

Полминуты боевого курса, невольно хочется не шевелиться, затаить дыхание, словно от этого бомбы точнее лягут на цель.

- Цель! - донесся строгий голос Хохлова, и бомбардировщик вздрогнул, подпрыгнул вверх, освободившись от тяжелого груза. Одна ФАБ-500 и четыре ЗАБ-50 понеслись к скрытой темнотой земле.

Еще сорок секунд напряженного ожидания, и вздох облегчения невольно вырвался из груди каждого члена экипажа.

- Есть цель! Есть! - крикнул Хохлов, увидев на черной земле пять оранжевых точек-взрывов.- Командир, Евгений Николаевич, можно ложиться и на обратный курс...

Приятное чувство радости, гордости и полного удовлетворения охватило Преображенского. Боевое задание

выполнено, это главное, а уж до аэродрома Кагул теперь они обязаны дойти, хотя их дальний бомбардировщик и будет еще подстерегать опасность.

Утро наступило тревожное и хмурое. Небо заволокли облака. Капитан Каспин сообщил, что облака висят в тысяче метров от земли, это пока не мешает посадке, но потом облачность может снизиться. Возможен и дождь, так как с Северного Ледовитого океана идет антициклон. Тогда садиться будет гораздо труднее.

Комаров поднял в воздух "чайки" и послал их навстречу дальним бомбардировщикам. Примерно через сорок минут по радио был получен сигнал: ДБ-3 возвращаются. Комаров и Поляков поспешили на старт, там уже находился старший инженер Баранов.

Первое звено возвратилось без машины лейтенанта Мильгунова. Едва останавливались моторы, экипажи с трудом вываливались из кабины и ложились прямо на сырую землю. Так выматывали их эти полеты. Людей подбирала санитарная машина и увозила на отдых.

- Задержался где-то, прилетит,- высказался Поляков.- Мильгунов опытный летчик.

Слова военкома не успокоили Комарова, но возражать он не стал. Действительно, время еще есть, может, опять на одном моторе прилетит летчик, как позапрошлый раз.

Во втором звене также не хватало одного самолета.

- Кого еще нет? - спросил подошедший Преображенский.

- В первом звене - лейтенанта Мильгунова, а во втором - лейтенанта Юрина,доложил Комаров.

- Подождем. Еще не все потеряно...

Донесся знакомый протяжный звук моторов самолета.

- Вон, вон, летит один! - указал рукой направление Поляков.

Бомбардировщик летел очень низко. Едва перевалив через лес, он пошел на посадку прямо на травянистое поле.

- Шасси не выпускается! - заметил Баранов.

Бомбардировщик коснулся земли фюзеляжем и заскользил по траве. Хвост его вдруг задрался вверх, словно ДБ-3 сделал стойку, и потом снова лег на землю. Баранов и Поляков на машине поехали к месту посадки. Вернулись они с экипажем лейтенанта Юрина.

- Ничего страшного с машиной не произошло, товарищ полковник,- доложил Баранов.- Погнулись лишь винты...

А дальнего бомбардировщика лейтенанта Мильгунова все не было. Люди на старте стояли молча, не глядя друг другу в глаза.

Никому первому не хотелось сказать, что Мильгунов не прилетит, что ждать уже бесполезно. В душе у каждого еще тлела

слабая надежда на благополучное возвращение экипажа. Еще полчаса... Еще двадцать минут... Последние десять минут... Надежда погасла.

Комаров, пожалуй, по праву считал себя самым несчастливым в авиагруппе особого назначения, так как ему, как начальнику штаба, приходилось первому официально фиксировать потери личного состава. А это так тяжело и тягостно, что после ходишь сам не свой.

"05.09.41. ДБ-3 No 391114. Мильгунов, лейтенант - летчик. Чубатенко, лейтенант - штурман. Кулешов, мл. сержант - стрелок-радист.

Самолет не возвратился с боевого задания (бомбоудар по г. Берлин). Судьба экипажа и самолета неизвестна".

Из сообщений центральных газет:

"В ночь на 5 сентября советские самолеты совершили налет на Берлин и сбросили на военные и промышленные объекты зажигательные и фугасные бомбы. В Берлине наблюдались пожары и взрывы.

Все наши самолеты вернулись на свои базы, за исключением одного самолета, который разыскивается".

Прощальный круг

Рано утром 6 сентября с постов ВНОС начали поступать доклады о шумах моторов вражеских самолетов, приближающихся к острову с юга - со стороны Рижского залива и с востока - от эстонского берега. На Кагул шли эскадрильи истребителей и бомбардировщиков.

На аэродроме объявили воздушную тревогу, весь личный состав вынужден был уйти в укрытие.

- С такой рани начинают,- удивился Преображенский.

- Здорово мы им вчера поддали в Берлине! Вот и пожаловали с ответным ударом,- сказал Поляков.

- Звереют фашисты. Спасу от них нет...

Первой появилась над аэродромом девятка "Мессершмиттов-110". Зенитные батареи открыли по ним огонь. Истребители накинулись на огневые позиции, обстреливая их из пушек и пулеметов.

Затем место их заняли "юнкерсы". Они сбросили бомбы на зенитные батареи, а когда те замолчали, пошли по кругу над Кагулом, сбрасывая бомбы на расположенные вокруг хутора. Преображенский удивился: раньше фашисты в первую очередь взрыхляли бомбами взлетно-посадочную полосу, а сегодня весь свой удар направили на эстонские хутора. Что это, случайность, или фашистская агентура дала наконец точные сведения о местонахождении ДБ-3?

Бомбардировщики и истребители, сменяя друг друга, роями гигантских ос кружили над Кагулом. Воздух содрогался от рева мощных моторов, земля стонала от беспрестанных разрывов бомб.

Такого массированного налета вражеской авиации на аэродром еще не было. Трудно, просто невозможно было сосчитать самолеты, участвовавшие в бомбардировке и штурмовке Кагула. Они появлялись со всех сторон и, точно на полигоне, с небольшой высоты бомбили эстонские хутора. Горели все окружающие аэродром постройки, горел и лес. Горела даже трава. Аэродром оказался в огромном огненном кольце, а на него с неослабевающей яростью все пикировали и пикировали фашистские самолеты.

Бомбардировка продолжалась весь день. Лишь вечером, с наступлением темноты, немецкие самолеты покинули Кагул. Начали поступать доклады, один тяжелее другого. Фашистская авиация достигла желанной цели: бомбы угодили в шесть советских бомбардировщиков, и они сгорели. Это была самая большая потеря для морской авиагруппы. Теперь в ней осталось лишь четыре ДБ-3, причем один неисправный - с погнутыми винтами.

Преображенский шифровкой доложил обо всем в штаб военно-воздушных сил ВМФ. На другой день утром от Жаворонкова пришел приказ: оставшимся самолетам перебазироваться на аэродром Беззаботное. Морская авиагруппа особого назначения прекратила налеты на Берлин и возвращалась в состав своего родного 1-го минно-торпедного авиационного полка.

Не так-то просто оказалось осуществить перелет на Большую землю. Технического и обслуживающего персонала было много, а три бомбардировщика могли вместить лишь ограниченное число людей - в основном летный состав и наиболее опытных специалистов. Четвертый самолет лейтенанта Юрина пока задерживался в Кагуле. Если его экипажу удастся исправить погнутые винты, тогда он тоже должен будет вернуться в Беззаботное. Все остальные поступали в распоряжение генерал-майора Елисеева: авиабаза во главе с ее командиром Георгиади, большая часть младших специалистов инженерно-технической службы и весь обслуживающий персонал - больше сотни людей.

В Кагул приехали подполковник Охтинский и полковой комиссар Копнов. Из поступивших в их распоряжение людей они сформировали пулеметную роту моряков, вошедшую в резерв коменданта Береговой обороны Балтийского района. Авиаторам-балтийцам предстояло защищать острова Моонзундского архипелага.

- Вовремя улетаете, Евгений Николаевич,- сказал Охтинский полковнику.Сегодня на рассвете немцы бросились на штурм Моонзунда.

Операция началась форсированием частями 217-й немецкой дивизии мелководного пролива Курку-Вяйн и высадкой десанта на западный берег острова Вормси, который не имел никаких оборонительных укреплений. Находившаяся на Вормси одна стрелковая рота не могла сдержать продвижение противника, поэтому судьба острова была предрешена. В дальнейшем гитлеровцы в соответствии с планом "Беовульф II" начнут высаживать свой десант в составе 61-й дивизии на остров Муху. Береговая оборона Балтийского района с этого дня начинала неравную схватку с превосходящим в несколько раз по силе врагом.

- После войны мы с вами обязательно должны встретиться, Алексей Иванович,сказал Преображенский.- Запишите-ка мой вологодский адресок...

Прощание было тяжелым. И для тех, кто улетал на Большую землю, и особенно для тех, кто оставался на острове. Летчики сходили на сельское кладбище, где покоились их погибшие боевые друзья. Вместе с ними пришли туда старый Юхан Саар со своей дочерью Эллой.

- Мы будем ухаживать за могилами ваших летчиков,- сказал Саар.- Они погибли героями. А память о героях вечна.

- Мы еще вернемся сюда, вот увидите,- заверил Преображенский.- Вернемся!

Саар утвердительно закивал в ответ, Элла приложила платок к глазам.

- Возвращайтесь, сынки,- старый Юхан Саар по-отцовски обнял полковника.Мы будем ждать вас. Всегда ждать...

Преображенский вдруг заметил, что провожать их пришло много эстонцев, почти все те, кто не захотел эвакуироваться со своих хуторов. От этого вынужденного расставания с островом, ставшим частичкой их жизни, их судьбы, стало еще тяжелее.

Три перегруженных бомбардировщика вырулили на взлетную полосу. В кабинах тесно, нельзя повернуться. Всюду люди. Находятся они и в бомболюках. Преображенский открыл фонарь и помахал провожающим рукой. На глаза невольно наворачивались слезы, в горле першило, ведь прощались, и скорее всего навсегда, с теми, кто делил с ними радость побед и горечь потерь. Последний прощальный взгляд на аэродром, чтобы запечатлеть его в памяти.

Взревели моторы, и машины пошли на взлет. Совершив прощальный круг над аэродромом, они взяли курс на север и

быстро скрылись в сизой дымке.

Боевые действия экипажей майора Щелкунова и капитана Тихонова из армейской авиагруппы особого назначения по бомбардировке столицы фашистской Германии Берлину были высоко оценены советским правительством.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О присвоении звания Героя Советского Союза летному составу Красной Армии и Военно-Морского Флота

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда":

1. Капитану Крюкову Николаю Васильевичу
2. Лейтенанту Лаконину Вениамину Ивановичу
3. Майору Малыгину Василию Ивановичу
4. Капитану Тихонову Василию Гавриловичу
5. Майору Щелкунову Василию Ивановичу

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин Москва, Кремль, 17 сентября 1941 г.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

о награждении орденами и медалями СССР летного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом доблесть и мужество наградить

Орденом Ленина

1. Старшего лейтенанта Бурганова Али Алимовича
2. Старшего политрука Васильева Михаила Александровича
3. Лейтенанта Линькова Василия Васильевича
4. Капитана Муратбекова Хапрула Шакировича
5. Лейтенанта Пархоменко Григория Ивановича
6. Старшего политрука Павлова Анатолия Георгиевича
7. Старшего лейтенанта Плотникова Серафима Васильевича
8. Старшего лейтенанта Строганова Василия Иерфильевича
9. Старшего лейтенанта Ткаченко Кузьму Сафроновича

Орденом Красного Знамени

1. Старшего сержанта Анкудинова Николая Александровича
2. Капитана Бринько Петра Антоновича
3. Старшину Баталова Ивана Ивановича
4. Старшину Босова Алексея Павловича

5. Воентехника 2 ранга Валеева Абдула Атауловича
6. Капитана Волошина Андрея Николаевича
7. Старшего лейтенанта Григорьева Николая Александровича
8. Воентехника 2 ранга Деканова Михаила Михайловича
9. Младшего лейтенанта Каневцева Андрея Гавриловича
10. Воентехника I ранга Косякова Ивана Никитовича
11. Сержанта Лапшина Ростислава Алексеевича
12. Старшего сержанта Макуха Константина Тимофеевича
13. Старшего сержанта Масленникова Александра Ивановича
14. Младшего сержанта Солдатова Петра Васильевича
15. Младшего сержанта Тимофеева Михаила Ивановича
16. Капитана Усачева Филиппа Александровича
17. Лейтенанта Фадеева Виктора Васильевича

Орденом Красная Звезда

1. Воентехника 1 ранга Аверина Афанасия Тимофеевича
2. Воентехника 1 ранга Барабанова Ефима Алексеевича
3. Воентехника 2 ранга Боновского Алексея Нпкифоровича
4. Воентехника 2 ранга Галушко Михаила Константиновича
5. Лейтенанта Горохова Александра Степановича
6. Старшину Дворецкого Сергея Борисовича
7. Лейтенанта Иванова Леонида Петровича
8. Воентехника 2 ранга Иванец Александра Федоровича
9. Лейтенанта Комель Ивана Перфильевича
10. Старшего сержанта Ковалева Константина Тихоновича
11. Лейтенанта Лазука Якова Игнатьевича
12. Воентехника 1 ранга Лисакова Дмитрия Филипповича
13. Полковника Мосцепана Ивана Феодосьевича
14. Воентехника 2 ранга Оловянникова Ивана Михайловича
15. Младшего воентехника Правосудова Феликса Егоровича
16. Младшего воентехника Пшеничного Никиту Алексеевича
17. Воентехника 2 ранга Серегина Михаила Ивановича
18. Лейтенанта Трофимова Ивана Терентьевича
19. Лейтенанта Тульского Александра Егоровича
20. Лейтенанта Цескис Савелия Соломоновича
21. Старшего сержанта Шканова Александра Яковлевича
22. Лейтенанта Шелковского Константина Никитовича

Медалью "За отвагу"

1. Младшего командира Бабенкова Виктора Георгиевича
2. Воентехника 2 ранга Голосного Ивана Леонтьевича
3. Старшего сержанта Емельяненко Василия Федосеевича
4. Младшего командира Купреева Ивана Ивановича
5. Младшего командира Ненашева Николая Гавриловича
6. Сержанта Пикалева Михаила Васильевича
7. Младщего воентехника Рычкова Александра Афанасьевича

8. Сержанта Тужилина Петра Андреевича

Медалью "За боевые заслуги"

1. Младшего воентехника Бублик Федора Яковлевича

2. Младшего воентехника Матюшко Юрия Андреевича

3. Младшего сержанта Ждановских Евдокима Афанасьевича

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль, 17 сентября 1941 г.

Послесловие

Возвратившись в Беззаботное, летчики сразу же включились в напряженную боевую деятельность 1-го минно-торпедного авиационного полка, ежедневно наносившего бомбовые удары по рвущимся к Ленинграду танковым и моторизованным войскам противника. Но ни на минуту они не забывали тех своих верных помощников, кто остался на острове Сааремаа с оружием в руках защищать советскую землю, находящуюся в глубоком тылу врага. Каждая весточка о ставшем родным и близким Моонзунде передавалась друг другу с особым волнением. А вести приходили одна тревожнее другой...

После захвата острова Вормси на рассвете 14 сентября более четырехсот самоходных барж и паромов, мотоботов и катеров с 61-й немецкой дивизией на борту начали форсирование пролива Муху-Вяйн. Моонзундцы своим огнем потопили более ста из них, однако головному полку гитлеровцев все же удалось зацепиться за восточный берег острова Муху. Неравный бой длился весь день, но сбросить фашистов в море так и не смогли.

17 сентября ударные части 61-й немецкой дивизии форсировали мелководный пролив Вяйке-Вяйн и зацепились за восточный берег острова Сааремаа. Вот тут и вступила в бой сформированная из авиаторов 1-го минно-торпедного полка пулеметная рота. Генерал Елисеев бросал ее на самые ответственные участки. И там, где появлялись моряки-пулеметчики, гитлеровские десантники не продвинулись вперед ни на шаг.

Остров Сааремаа отважный гарнизон Моонзундского архипелага защищал до 5 октября, отступив на полуостров Сырве, к мысу Церель, к самому маяку, который ранее служил ориентиром для экипажей дальних бомбардировщиков, летавших на Берлин. Этот маяк стал свидетелем последних огненных схваток горстки моонзундцев с фашистами. Героически погибла и пулеметная рота моряков...

Четвертый остров Моонзундского архипелага - Хиума стойко

держался до 22 октября. Моонзундцы защищались самоотверженно, понимая, что отступать им некуда - кругом море. Свою жизнь они отдавали фашистам за очень дорогую цену. Много врагов погибло здесь. Последний оставшийся в живых моонзундец тоже не сложил оружия и не сдался противнику. Он предпочел смерть, сбросившись с сорокаметрового маяка Тахкуна на глазах гитлеровцев, пораженных безумной храбростью и величием духа советского моряка.

Командир 61-й немецкой дивизии генерал Хенеке распорядился три дня не убирать тело последнего защитника Моонзунда и показывать его немецким солдатам как пример выполнения воинского долга.

Последний эстонский остров Осмуссаар, входивший в Береговую оборону Балтийского района, оборонялся до 3 декабря, отражая морские десанты противника. Командующий военно-морской группой "Норд" генерал-адмирал Карле 4 ноября даже прислал тысячному гарнизону острова свой ультиматум с требованием к 12 часам 5 декабря сложить оружие и вывесить белый флаг на маяке. В ответ героический гарнизон поднял красный флаг. Осмуссаар так и не был взят, гарнизон оставил его сам по приказу командующего Краснознаменным Балтийским флотом.

Комендант Береговой обороны Балтийского района генерал-майор Елисеев оказался прав, уверяя, что не одну неделю гитлеровцы будут ломать зубы об острова Моонзундского архипелага. Таких недель после завершения "Операции Б" оказалось больше двенадцати. Все это время к Моонзунду было приковано свыше 50 тысяч фашистских солдат и офицеров, авиация, артиллерия, немецкий и финский военно-морские флоты, предназначенные Гитлером для штурма Ленинграда.

164-дневная оборона эстонских островов в самый тяжкий для нашей Родины начальный период войны является одной из ярчайших боевых страниц в военной летописи социалистического Отечества. Пять с половиной месяцев, находясь в глубоком тылу немецко-фашистских войск за 400 километров от линии фронта, стойко держался малочисленный гарнизон на Балтике.

В жарких боях герои-моонзундцы уничтожили более двадцати шести тысяч фашистов, повредили в прибрежном районе несколько боевых кораблей гитлеровского флота, в том числе легкий крейсер "Кельн", потопили до десятка крупных судов, свыше ста пятидесяти катеров, самоходных барж, баркасов, паромов, сбили сорок семь самолетов противника, уничтожили до полутора десятка десантных планеров, вывели из строя несколько артиллерийских батарей.

Отважные подводники, базирующиеся на Моонзунде, потопили в море более двадцати транспортов, танкеров и других вспомогательных судов крупного тоннажа, на выставленной ими минной банке подорвался и затонул флагман финского военно-морского флота броненосец береговой обороны "Ильмаринен".

Мужественные летчики морской и дальнебомбардировочной авиации с аэродромов острова Сааремаа произвели девять ударов по Берлину - 86 самолето-вылетов. 33 дальних бомбардировщика достигли цели, сбросив на столицу фашистской Германии город Берлин 311 фугасных и зажигательных бомб калибром ФАБ-500, ФАБ-250, ФАБ-100 и ЗАБ-50. Кроме того, 16 августа было сброшено на Берлин 600 килограммовых зажигательных бомб. Общий вес сброшенных на Берлин авиационных бомб составил 36 050 килограммов, в то время как английская бомбардировочная авиация за весь 1941 год сбросила на Берлин бомбы общим весом 35 500 килограммов.

Были также сброшены на Берлин 34 контейнера с листовками.

Остальные 53 дальних бомбардировщика по различным причинам не достигли конечной цели и вынуждены были сбросить бомбовой груз на подходе к Берлину и на военные объекты Кольберга, Штеттина, Нёйбранденбурга, Данцига, Свинемюнде, морские порты Мемеля, Либавы и Виндавы.

Подавляющее, большинство из 25-тысячного гарнизона островов Моонзундского архипелага погибло в неравной схватке с врагом. Около двух третей тысячного гарнизона острова Осмуссаар и 570 человек, снятых с острова Хиума, утонули в Финском заливе при переходе кораблей из Ханко в Кронштадт, дизель-электроход "Иосиф Сталин", на котором они шли, подорвался на минах. Часть защитников островов попала в плен. Но и там они продолжали борьбу, гибли в застенках гестапо. Немногим удалось переправиться через Ирбенский пролив на латвийский берег и интернироваться в нейтральную Швецию.

В 1-м минно-торпедном авиационном полку свято чтили память погибших товарищей. Летный и технический состав полка это особенно прочувствовал, когда накануне Октябрьских праздников в Беззаботное приехали командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал Трибуц и член военного совета флота дивизионный комиссар Смирнов для вручения наград Родины за мужество и отвагу, проявленные личным составом авиагруппы особого назначения при ударе по столице фашистской Германии городу Берлину. Далеко не всем в этот торжественный час удалось получить награды. Так, осталась лежать на столе красная муаровая коробка с медалью "Золотая

Звезда" под номером 613, принадлежащая капитану Гречишникову. Василий Алексеевич погиб 24 октября под Тихвином возле села Грузино, направив свой подбитый горящий самолет с грузом бомб на колонну вражеских танков. Вместе с ним погибли смертью героев штурман старший лейтенант Власов, начальник связи эскадрильи лейтенант Семенков и воздушный стрелок сержант Бураков.

Тот печальный день для полковника Преображенского оказался тягостным вдвойне. Почта принесла ему письмо от жены только что погибшего капитана Василия Гречишникова, за которую он мстил фашистам, появляясь на своем дальнем бомбардировщике над Берлином. Преображенский это письмо запомнил на всю жизнь...

"...Вам пишет жена летчика Гречишникова, Ксения Николаевна. Меня взволновала весть о награждении моего мужа. Я решила рассказать вам подробнее о нашей жизни. С Василием я встретилась совсем девочкой, в шестнадцать лет. Жизнь наша была прекрасна, у нас было много общего. Василий любил спорт - так же, как и я. Мы с ним всегда были вместе: на катке, на стадионе. Но вот настал страшный день нашей разлуки...

Перед войной мы приехали в Петриково, к моим родным. Вскоре после этого Василия отозвали в часть, а я осталась с детьми у родных, и вдруг война! Всеми силами рвалась я к нему, но уехать от нас было очень трудно. И куда? А сынок, девятимесячный Анатолий, был к тому же сильно болен. В ту злосчастную ночь, когда наступали гитлеровские изверги, умер мой мальчик. На второй день наше местечко заняли немцы. Все это время я ничего не слыхала о Васе и толком ничего и сейчас не знаю.

Ворвавшись к нам, фашистские изверги выгнали всех людей за двадцать пять километров, в соседнюю деревню, а сами стали грабить. Когда мы вернулись, то увидели, что дома все открыты, окна выбиты, а все, что было зарыто в землю, выкопано и взято.

Начались страдания: мы были полуголодные, а иной раз и вовсе голодные, без угля, без теплой одежды. Немцы стали гонять нас на работы - таскать кирпичи, выполнять все их прихоти. Нашлись такие, что сказали, что мой муж советский офицер, и меня стали ежедневно таскать в комендатуру. Били нагайками, спрашивая, коммунист ли мой муж. Каково было жить, когда каждую минуту я ждала смерти. Но вот выжила...

Здесь, в неволе, я узнала, что мой Вася - герой. Я в этом никогда не сомневалась. Горжусь им и благодарю вас, командира. Надеюсь, что мы встретимся с Васей, подробно поговорим обо всем...

Письмо переправляю с надежным человеком..."

...Остались лежать на столе и коробочки с орденом Ленина: летчиков лейтенантов Николая Дашковского, Алексея Кравченко и Константина Мильгунова, штурманов старших лейтенантов Ивана Николаева, Николая Сергеева, лейтенантов Петра Чубатейко и Василия Шилова, с орденом Красного Знамени: летчика капитана Евдокима Есина, штурманов старшего лейтенанта Александра Власова, лейтенанта Евгения Шевченко, начальника связи эскадрильи лейтенанта Матвея Семенкова.

Не были также получены ордена и медали теми, кто в составе пулеметной роты моряков до последней капли крови защищал остров Сааремаа и пал смертью храбрых в жестоких боях.

Получая из рук командующего флотом орден Ленина и медаль "Золотая Звезда", Преображенский от имени летчиков полка дал клятву верности воинскому долгу до победного конца громить фашистских захватчиков. Свою клятву он еще раз повторил в январе 1942 года, когда 1-й минно-торпедный авиационный полк стал гвардейским и ему было вручено гвардейское Знамя.

Слово свое летчики-гвардейцы сдержали. До победного дня войны они наносили бомбовые удары по вражеским танковым и моторизованным войскам, по тыловым военным и промышленным объектам противника. В 1-м гвардейском минно-торпедном авиационном полку стало 35 Героев Советского Союза. Слава о нем разнеслась по всей стране.

Своеобразный итог боевой деятельности этой прославленной части подвела телеграмма первого советского коменданта поверженного Берлина генерал-полковника Берзарина, присланная летчикам полка 9 мая 1945 года:

"Вы первыми начали штурм логова фашизма с воздуха. Мы его закончили на земле и водрузили Знамя Победы над рейхстагом. Поздравляю вас, балтийские летчики, с днем Победы и окончанием войны".

Автору удалось проследить дальнейшую судьбу героев этой документальной повести. Вот как она сложилась...

Командующий военно-воздушными силами ВМФ Семен Федорович Жаворонков в 1944 году удостоен высокого звания маршала авиации. В конце 1949 года он перешел в гражданскую авиацию, долгое время был первым заместителем начальника главного управления ГВФ. Умер в 1967 году. Его именем названа улица в родном городе Вичуге Ивановской области.

Командиру 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка полковнику Евгению Николаевичу Преображенскому в середине 1942 года было присвоено звание

генерал-майора авиации, и ему доверили командовать 9-й гвардейской Краснознаменной Гатчинской минно-торпедной авиационной дивизией. Через год его назначают начальником штаба ВВС Военно-Морского Флота, а в 1944 году командующим ВВС Северного флота. После войны его переводят на Дальний Восток, и он командует морской авиацией Тихоокеанского флота. В 1950 году назначается командующим военно-воздушными силами Военно-Морского Флота вместо ушедшего в гражданскую авиацию маршала авиации Жаворонкова. В 1963 году генерал-полковника Евгения Николаевича Преображенского не стало. Он похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Его именем названы улицы в городах Кириллове Вологодской области и Курессаре на острове Сааремаа в Эстонии, названия "Евгений Преображенский" носят теплоход Северного речного пароходства и морской лайнер, построенный для Советского Союза польской судоверфью.

Флагманский штурман полка Петр Ильич Хохлов до конца войны не расставался со своим талисманом - гаечным ключом. Даже когда их дальний бомбардировщик сгорел во время бомбардировки немцами аэродрома Кагул, ему посчастливилось отыскать ключ среди обломков. Удалось вырваться из плена и его жене Валентине Ивановне, оказавшейся на вокзале в Ростове-на-Дону, который взяли немецкие войска. Почти две недели ее с сынишкой Борькой на руках немцы держали в подвале, принимая за разведчицу. Освободили Валентину Ивановну ворвавшиеся в город советские танкисты. "...Петя,- писала она потом мужу,- я сберегла твой орден Ленина, а друзья твои вырвали у смерти нашего сына. Защищай нашу священную Родину! Не давай пощады врагам земли нашей и помни о тех ужасных страданиях, которые испытывает наш народ..." И Петр Хохлов навсегда запомнил наказ жены. С Балтики его вскоре перевели на Черное море, а в 1944 году - на Северное. За время войны лично совершил 192 боевых вылета. После войны закончил академию Генерального штаба, получив назначение на должность главного штурмана ВВС Военно-Морского Флота. С 1953 года переведен на должность начальника штаба ВВС Краснознаменного Балтийского флота. Через семь лет он становится начальником штаба военно-воздушных сил ВМФ. В 1971 году генерал-лейтенант авиации Хохлов ушел в отставку. Им написана книга воспоминаний "Над тремя морями". Весной 1990 года Петр Ильич умер.

Стрелок-радист флагманского дальнего бомбардировщика сержант Владимир Макарович Кротенко, давший с борта самолета первую радиограмму "Мое место Берлин!", прошел всю войну, стал офицером. В настоящее время он живет в городе

Гатчине Ленинградской области.

Командир 1-й эскадрильи Андрей Яковлевич Ефремов защищал небо Ленинграда, затем был переведен на Черноморский флот, где возглавил 36-й минно-торпедный авиационный полк. Со своим полком он участвовал в освобождении Советского Заполярья, а потом и в разгроме японской Квантунской армии на Дальнем Востоке. В звании полковника с должности начальника школы младших авиационных специалистов он ушел со службы в отставку, долгое время жил в Риге, в 1987 году его не стало.

Командир 3-й эскадрильи капитан Михаил Николаевич Плоткин был непревзойденным на Краснознаменном Балтийском флоте мастером по минированию рейдов немецких и финских военно-морских баз. Незаметно ночью он выводил свой ДБ-3 точно на вражеский порт, на предельно малой высоте сбрасывал на фарватеры плавающие морские мины и успевал уйти раньше, чем прожекторы начинали полосовать небо, а зенитные установки вести огонь.

В конце февраля 1942 года ставший уже майором Плоткин выполнял очередное задание по минированию одного из отдаленных портов Финляндии, на рейде которого скопилось много немецких военных кораблей.

Экипаж вылетел темной зимней ночью, осуществил постановку морских мин в акватории порта и повернул на обратный курс. Наводящие станции в тылу противника специальным шифром сообщали на командный пункт о возвращении дальнего бомбардировщика. В пять часов утра ДБ-3 пересек линию фронта. Оставалось меньше двадцати минут лета до аэродрома, как вахтенный радист командного пункта услышал в эфире взволнованный голос стрелка-радиста сержанта Кудряшова: "Прощайте, друзья-гвардейцы! Мы сделали все, что могли..."

Мужественный экипаж дальнего бомбардировщика в составе летчика Героя Советского Союза майора Плоткина, штурмана лейтенанта Рысенко и стрелка-радиста сержанта Кудряшова похоронили в Ленинграде в Александро-Невской лавре.

Командир звена Афанасий Иванович Фокин благополучно прошел всю войну. Успешно воевал на Черноморском флоте, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Потом бомбил вражеские корабли в Заполярье и завершил свои боевые действия в разгроме японского военно-морского флота. В послевоенные годы он первым испытывал и осваивал новые типы реактивных самолетов-ракетоносцев. В одном из ночных полетов произошла катастрофа, и подполковник Фокин погиб.

Заместитель командира 2-й эскадрильи старший лейтенант Петр Николаевич Трычков со штурманом лейтенантом Швецовым и стрелком-радистом сержантом Несмеловым сразу же после возвращения с острова Сааремаа в Беззаботное 16 сентября 1941 года в составе эскадрильи наносил бомбовой удар по станции Кириши, на которой воздушной разведкой были обнаружены выгружавшиеся немецкие войска с боевой техникой. После выполнения задания при отходе на советские дальние бомбардировщики, идущие без прикрытия своих истребителей, налетела большая группа немецких истребителей Ме-109. Воздушный бой оказался трагическим для шести ДБ-3, все они были сбиты, правда, при этом были уничтожены и два "мессершмитта". Самолет старшего лейтенанта Трычкова пытался в отрыв уйти от Ме-109 в противоположном от Ленинграда юго-восточном направлении и довольно далеко ушел от станции Киряши, но был все же настигнут немецкими истребителями и подбит. Упал он в недоступное летом топкое болото недалеко от поселков Анциферово и Ракитино Хвойненского района Новгородской области, сумев поджечь и один "мессершмитт". И лишь через тридцать с лишним лет в январе 1972 года один из местных охотников случайно заметил на замерзшем болоте обломки хвостовой части самолета. На месте катастрофы вначале были обнаружены и точно установлены останки стрелка-радиста сержанта Несмелова, а когда была поднята из болота передняя часть бомбардировщика, то в ней оказались останки еще двух человек: летчика старшего лейтенанта Трычкова и штурмана лейтенанта Швецова.

Героев-летчиков захоронили в районном центре Хвойное.

Экипаж лейтенанта Юрина, самолет которого после возвращения из девятого налета на Берлин при неудачной посадке на аэродроме Кагул погнул винты, после исправления винтов все же прилетел в Беззаботное. В начале 1942 года лейтенант Юрин был переведен на Черноморский флот, защищал осажденный Севастополь и в одном из воздушных боев погиб.

Штурман звена Тихон Иванович Нечепоренко в 1942 году был переведен на Тихоокеанский флот на должность начальника воздушно-стрелковой службы авиационной дивизии, участвовал в разгроме Японии и освобождении Кореи. После войны служил на различных командных и штабных должностях. По состоянию здоровья в 1954 году уволился в запас. Им написана книга воспоминаний "Особое задание Родины". В настоящее время подполковник в отставке Нечепоренко живет в городе Пивденное Харьковской области.

В память о своем герое-земляке, бомбившем Берлин,

лейтенанте Николае Феодосьевиче Дашковском в селе Лашевая Тальновского района Черкасской области названы его именем улица и восьмилетняя школа, в которой он учился.

В 1968 году в поселке Грузино Ленинградской области был установлен памятник морским летчикам, погибшим 24 октября 1941 года, командиру 2-й эскадрильи Герою Советского Союза капитану Василию Алексеевичу Гречишникову, штурману эскадрильи старшему лейтенанту Александру Ивановичу Власову, выполняющему обязанности стрелка-радиста начальнику связи эскадрильи лейтенанту Матвею Павловичу Семенкову и воздушному стрелку краснофлотцу Николаю Анисимовичу Буркову.

Подвиг экипажа младшего лейтенанта Петра Степановича Игашева, совершившего на дальнем бомбардировщике первым в истории авиации двойной таран 30 июня 1941 года над Даугавой, был отмечен лишь в 1970 году в дни празднования 25-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Указом Президиума Верховного Совета СССР летчик младший лейтенант Петр Степанович Игашев, штурман лейтенант Дмитрий Григорьевич Парфенов, стрелок-радист Александр Митрофанович Хохлачев и воздушный стрелок краснофлотец Василий Логинович Новиков посмертно были награждены орденом Отечественной войны I степени.

Юные следопыты города Даугавпилса на месте гибели экипажа младшего лейтенанта Игашева отыскали куски обгоревшего дюраля, обломки и детали от моторов дальнего бомбардировщика, передали их в местный краеведческий музей. На берегу Даугавы был поставлен обелиск морским летчикам. Продолжая начатый юными следопытами поиск героев минувшей войны, комсомольцы мебельного комбината Даугавпилса близ поселка Дубна нашли в лесу разбитый ДБ-3 с останками экипажа летчика командира звена 3-й эскадрильи старшего лейтенанта В. И. Борисенко, штурмана звена старшего лейтенанта Ф Ф. Копайгоры и стрелка-радиста сержанта И. П. Лейченкова. Их прах жителями города был перенесен в братскую могилу Науенского кладбища, установлены обелиск и мемориальная доска с именами погибших героев.

В городах Даугавпилсе и Светлогорске названы улицы в честь Петра Игашева, десятки пионерских отрядов в стране носят имена членов героического экипажа.

Герой Советского Союза Владимир Константинович Коккинаки во время войны был начальником Главной инспекции Наркомата авиационной промышленности и руководил летно-испытательной службой авиационной промышленности, в 1943

году получил воинское звание генерал-майора авиации. С 1947 года он становится летчиком-испытателем новейших машин, испытал лично 62 типа самолетов. В 1957 году стал дважды Героем Советского Союза, а через два года ему было присвоено почетное звание заслуженного летчика-испытателя СССР. Установил 22 мировых рекорда, стал Почетным президентом ФАИ. Умер Владимир Константинович Коккинаки в 1988 году в Москве.

Командир армейской авиагруппы особого назначения, бомбившей Берлин, Василий Иванович Щелкунов воевал до Победы. Осенью 1943 года, будучи заместителем командира авиационной дивизии, он возглавил группу дальних бомбардировщиков ДБ-3ф, осуществлявшую налеты на фашистские объекты на Баренцевом море. Летом 1944 года он - командир авиагруппы особого назначения на итальянском аэродроме Бари, выделенной в помощь Народно-освободительной армии Югославии, Закончил войну Василий Иванович командиром гвардейской ордена Красного Знамени Берлинской авиационной дивизии. Уйдя в запас, генерал-майор авиации Щелкунов поселился в Тамбове, где и умер в 1974 году.

Бывший командир эскадрильи Василий Гаврилович Тихонов закончил войну в Берлине, командовал гвардейской авиационной дивизией, стал генерал-лейтенантом авиации, продолжал службу в Москве.

В Москве живет и полковник в отставке Василий Иванович Малыгин.

Штурман лейтенант Вениамин Иванович Лаконин погиб 22 декабря 1941 года. Такая же судьба постигла и летчика капитана Николая Васильевича Крюкова: 20 мая 1942 года он вылетел на бомбардировку фашистской колонны танков и не вернулся на свой аэродром.

Артистке Валентине Николаевне Телегиной удалось в самый последний момент улететь с острова Сааремаа в Ленинград. Народная артистка СССР Валентина Телегина до последнего дня своей жизни радовала миллионы кинозрителей талантливой игрой. Ее подруга актриса Вера Яковлевна Богданова пережила все ужасы фашистских концлагерей: 29 сентября самолет, на котором она летела, был сбит над Финским заливом. Немцы вытащили из воды тонувшую советскую актрису... После войны заслуженная артистка РСФСР Вера Яковлевна Богданова длительное время работала в драмтеатре города Петрозаводска.

Руководитель фронтовой бригады артистов поэт Соломон Борисович Фогельсон живет в Ленинграде.

Остальные актеры из группы артистов драматического театра

Краснознаменного Балтийского флота участвовали в боях за полуостров Сырве и погибли, как и пулеметная рога моряков-авиаторов майора Георгиади.

Начальник штаба Береговой обороны Балтийского района подполковник Алексей Иванович Охтинский пал в сражении возле пристани Куйвасту на острове Муху. При отражении немецкого морского десанта в проливе Муху-Вяйн 14 сентября 1941 года погиб расчет станкового пулемета, и тогда находящийся поблизости Алексей Иванович сам лег к "максиму". Его пулеметные очереди косили фашистских десантников до тех пор, пока вражеские пули не оборвали жизнь героя.

Начальник политотдела Береговой обороны Балтийского района полковой комиссар Лаврентий Егорович Копнов после Моонзунда возглавил политический отдел Кронштадтской крепости. После войны он длительное время был начальником политотдела Ленинградского высшего военно-морского училища. В настоящее время контр-адмирал в отставке Копнов ведет большую общественную работу, является председателем объединенного совета ветеранов войны дважды Краснознаменного Балтийского флота.

После захвата Сааремаа фашисты и их приспешники - местные националисты кайтселиты начали массовые аресты работников партийных и советских организаций уезда, эстонских патриотов. Неугодных новому режиму островитян сажали в тюрьмы, а наиболее опасных - расстреливали в дубовой роще Лоодэ, что веками красовалась вблизи Курессаре и служила местом отдыха горожан. Среди расстрелянных оказались и председатель Курессарского уездного исполкома депутатов трудящихся Иохан Эллам, члены исполкома Александр Ингальт и Борис Лейнер.

Почти семь тысяч островитян были уничтожены гитлеровцами и пять тысяч угнано в рабство. Такой неполный итог трехлетней оккупации Сааремаа.

Секретаря Курессарского уездного комитета партии Александра Михайловича Муя гитлеровцы с помощью кайтселитов выследили в одном из отдаленных хуторов в январе 1942 года. Они окружили дом, пытаясь взять Муя живым. Отважный эстонский коммунист открыл огонь из пистолета. Фашисты предложили ему сдаться, обещая сохранить жизнь. Муй, к их удивлению, принял предложение, попросив дать полчаса, чтобы написать письмо жене. Через полчаса гитлеровцы и кайтселиты хотели было стащить с чердака Муя, но в ответ раздались пистолетные выстрелы, два немецких солдата скатились с крутой лестницы. Обозленные неудачей гитлеровцы

автоматными очередями начали прошивать потолок. Прекратили они стрельбу лишь после того, как в пулевых пробоинах показались капли крови...

В 1966 году посмертно Александр Михайлович Муй был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Лихой разведчик эстонского истребительного батальона Вольдемар Куйст в конце сентября был направлен на остров Муху с заданием взорвать склад боеприпасов и горючего, расположенный возле пристани Куйвасту. По дороге Вольдемар убил немецкого обер-лейтенанта, переоделся в его форму, вышел на дорогу, остановил первую же машину, идущую на Муху, и с шиком доехал до Куйвасту: немецкий язык он знал в совершенстве. С помощью своих друзей рыбаков-эстонцев Куйсту удалось взорвать немецкий склад с боеприпасами и горючим.

А вот со второго задания разведчик не вернулся. Вольдемар Куйст героически погиб на острове Кессулайд, расположенном в северной части пролива Муху-Вяйн, во время перестрелки с немецкими солдатами и кайтселитами.

Начальник инженерной службы Береговой обороны Балтийского района майор Сергей Сергеевич Навагин и начальник особого отдела старший политрук Михаил Петрович Павловский на "тузике" в бурную штормовую ночь ушли с острова Хиума. Им посчастливилось: в море их подобрал катер МО и доставил в Ханко. Полковник в отставке Сергей Сергеевич Навагин жил в Таллинне; майор запаса Михаил Петрович Павловский - в Москве. В 1963 году в Военном издательстве вышла книга его воспоминаний о Моонзунде "На островах".

Комендант Береговой обороны Балтийского района генерал-лейтенант береговой службы Алексей Борисович Елисеев, будучи помощником командующего Краснознаменным Балтийским флотом по береговой обороне, противовоздушной обороне и сухопутным войскам и одновременно комендантом Кронштадтской крепости, весь свой богатый опыт и талант отдавал делу защиты Ленинграда с моря. Однако нашлись завистники, которые поставили Елисееву в вину, что возглавляемая им Береговая оборона Балтийского района могла значительно дольше оборонять острова Моонзундского архипелага, вплоть до зимы, что он потерял весь 25-тысячный гарнизон. В пример приводилась военно-морская база Ханко, продержавшаяся на сорок четыре дня дольше и переправившая на защиту Ленинграда двадцать три тысячи бойцов из 28-тысячного гарнизона, стрелковое оружие, легкую и зенитную артиллерию, тысячу двести тонн продовольствия. При этом не учитывалось, что условия ведения боевых действий гарнизонов совершенно

разные: при равенстве сил и средств Береговая оборона Балтийского района, находясь на более отдаленном от Ленинграда расстоянии, обороняла в пятьдесят раз большую территорию островов, разбросанных в Балтийском море почти на сто пятьдесят километров, отражала атаки имеющих большой боевой опыт численно в два раза превосходящих фашистских войск, поддержанных с моря военно-морскими силами (ханковцам противостояла лишь одна финская бригада), обеспечивала базирование кораблей Отряда легких сил и бригады подводных лодок и нанесение ударов морской и дальне-бомбардировочной авиацией по столице фашистской Германии Берлину. К тому же из состава Береговой обороны Балтийского района военно-морской базе Ханко был передан тысячный гарнизон острова Осмуссаар с двумя береговыми батареями, который до последнего дня надежно защищал южные подступы к Финскому заливу и самому полуострову Ханко.

Сыграло свою отрицательную роль и уязвленное самолюбие генерал-лейтенанта Елисеева: ханковцев в Ленинграде встречали героями-победителями, а о моонзундцах забыли, словно их и не было вовсе, хотя оба гарнизона с достоинством и честью до конца выполнили поставленную перед ними боевую задачу. Видимо, были и другие причины личного характера. Все это вместе резко сказалось на состоянии Алексея Борисовича Елисеева, и в октябре 1942 года он застрелился.

Наркому Военно-Морского Флота адмиралу Николаю Герасимовичу Кузнецову сразу же после окончания войны было присвоено звание Героя Советского Союза. Затем служебная карьера "строптивого" флотоводца стала резко меняться. Началось с возражения Сталину о разделении флотов, что стоило Кузнецову новой скромной должности начальника Управления военно-морских учебных заведений: Балтийский и Тихоокеанский флоты были разделены, заодно Сталин упразднил и наркомат Военно-Морского Флота.

В середине 1947 года на бывшего наркома ВМФ поступил донос с обвинением в подрыве оборонной мощи СССР, выразившийся в передаче союзникам во время войны советской сверхсекретной торпеды высотного торпедометания, документации по некоторым видам артиллерийского вооружения и дистанционной 130-миллиметровой гранаты. На самом же деле все это оружие не представляло уже строгой секретности, ибо еще при отступлении наших войск его образцы попали в руки гитлеровцев.

Фактически же передача информации о вооружении осуществлялась в соответствии с соглашением, достигнутым 30

сентября 1942 года между наркомом иностранных дел Молотовым и послом Великобритании в СССР Арчибальди К. Керру. Британское адмиралтейство первое передало наркомату ВМФ описания артиллерии главных калибров линкоров "Нельсон" и "Георг V", линейного крейсера "Ринаун" и крейсера "Ньюкасл", а также техническую документацию на производство отдельных артиллерийских приборов.

В январе 1948 года над Кузнецовым и его бывшими заместителями адмиралами Галлером, Алафузовым и Степановым состоялся вначале суд чести, а затем суд Военной коллегии Верхрвного суда Союза ССР под председательством Ульбриха. Адмирал флота Кузнецов был понижен в воинском звании до контр-адмирала, а его бывшие заместители осуждены на различные сроки тюремного заключения с лишением адмиральских званий.

Дальнейшая служба Кузнецова менялась как в калейдоскопе: заместитель главкома войск Дальнего Востока по Военно-Морским Силам, командующий Тихоокеанским флотом, министр Военно-морского министерства, главнокомандующий Военно-Морского Флота - первый заместитель министра обороны СССР. В марте 1955 года ему присваивается звание Адмирала Флота Советского Союза, а в декабре этого же года он снова вице-адмирал, уволен в отставку...

С Николаем Герасимовичем Кузнецовым судьба свела автора этой документальной повести в Институте военной истории Министерства обороны СССР, куда он был переведен из Риги и назначен на должность ответственного редактора "Ученых записок". Нас познакомил мой научный руководитель доктор исторических наук профессор капитан 1 ранга Василий Иванович Ачкасов. Николай Герасимович давал заключение на мою кандидатскую диссертацию, ибо в ней помимо исторических были и чисто военные аспекты, касающиеся опыта борьбы разнородных сил Краснознаменного Балтийского флота за передовые опорные пункты и места базирования кораблей в прошедшей войне.

Помогал мне советами Николай Герасимович и в работе над рукописью документального романа "Хроника расстрелянных островов" о героической обороне островов Моонзундского архипелага. В частности, объяснял, почему в предвоенные годы не было согласованности между Генеральным штабом и Главным морским штабом в вопросах ответственности за оборону военно-морских баз с суши. Данный вопрос решался уже в ходе боев, что отрицательно сказывалось на эффективности обороны Либавы, Таллинна и Моонзунда - на Балтике, Одессы, Севастополя, Новороссийска - на Черном море. Сюда же он относил и слабое

взаимодействие в начале войны сил флота с частями и соединениями Красной Армии.

Николай Герасимович обладал исключительной памятью. При первой же нашей встрече, когда меня представлял мой научный руководитель капитан 1 ранга Ачкасов, он сказал, что мы давно знакомы, и спросил, по-прежнему ли я интересуюсь авианосцами. Действительно, мне довелось в 1948 году в Риге встречать начальника Управления военно-морских учебных заведений контр-адмирала Кузнецова, приезжавшего в наше военно-морское училище. После ознакомления с подведомственным ему учебным заведением следовал по обычаю опрос курсантов. Тут я и выскочил, к неудовольствию командования училища, с мучавшим почти всех курсантов вопросом: почему Советский Союз не строит авианосцы? Изучая иностранные флоты, мы, будущие офицеры Советского Военно-Морского Флота, видели, что США и Англия делают ставку на авианосные корабли; в СССР же по-прежнему строят линкоры и тяжелые крейсера, не оправдавшие себя в прошедшей войне. Преподаватели не давали нам вразумительного ответа, вот я по наивности и подумал, что бывший нарком ВМФ разъяснит всем нам истинное положение дел.

Впоследствии удалось узнать, о чем и сам потом говорил Николай Герасимович, что он как нарком ВМФ был всегда за создание советского авианосного военно-морского флота. Однако его взглядам противостоял наркомат судостроения, ведь ему удобнее и легче было строить по откорректированным довоенным проектам линкоры, крейсера и эсминцы. Сталин принял сторону наркомата судостроения, и Кузнецов еще больше навлек на себя его немилость.

В 1974 году Москва проводила в последний путь прославленного флагмана Советского Военно-Морскою Флота. Справедливость к нему была восстановлена лишь четырнадцать лет спустя. 27 июля 1988 года посмертно вернули Николаю Герасимовичу звание Адмирала Флота Советского Союза. Его именем названы ракетный крейсер и Военно-морская академия.

В память о беспримерном подвиге летчиков-балтийцев, наносивших бомбовые удары по столице фашистской Германии городу Берлину, жители острова Сааремаа поставили гранитный обелиск на месте бывшего старта аэродрома Кагул. Надписи на эстонском и русском языках: "Отсюда, с аэродрома Кагул, поднялись в воздух в 1941 г. летчики Краснознаменного Балтийского флота, первыми бомбившие Берлин".

Многие, кто проезжает по шоссе Курессаре - Кихельконна, обычно останавливаются на семнадцатом километре, откуда

начинался бывший аэродром Кагул, летом кладут полевые цветы к подножию обелиска, а зимой - просто веточку ели или сосны. Почти каждую осень приезжали сюда ветераны 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка, и в первую очередь те из них, кто был непосредственным участником бомбардировки Берлина.

Установлена мраморная мемориальная плита и на стене Паадлосской школы: "В этом здании жили летчики Краснознаменного Балтийского флота, первыми штурмовавшие с воздуха столицу фашистской Германии - Берлин в 1941 году с 7 августа по 5 сентября, под командованием Героев Советского Союза полковника Преображенского Евгения Николаевича и капитана Хохлова Петра Ильича".

Сооружен на Карлском кладбище гранитный памятник погибшим экипажам летчиков старшего лейтенанта Финягина, лейтенантов Александрова, Кравченко, Дашковского, Русакова и Мильгунова. Имена всех двадцати героев высечены на мраморе. У подножия, на братской могиле - цветы.

Мало, очень мало участников уникальной "Операции Б" осталось в живых. Всего несколько человек. И именно они сейчас олицетворяют собой величие подвига морских летчиков Балтики, совершенного во славу священного Отечества.

Москва - Малаховка

1979 - 1990 гг.